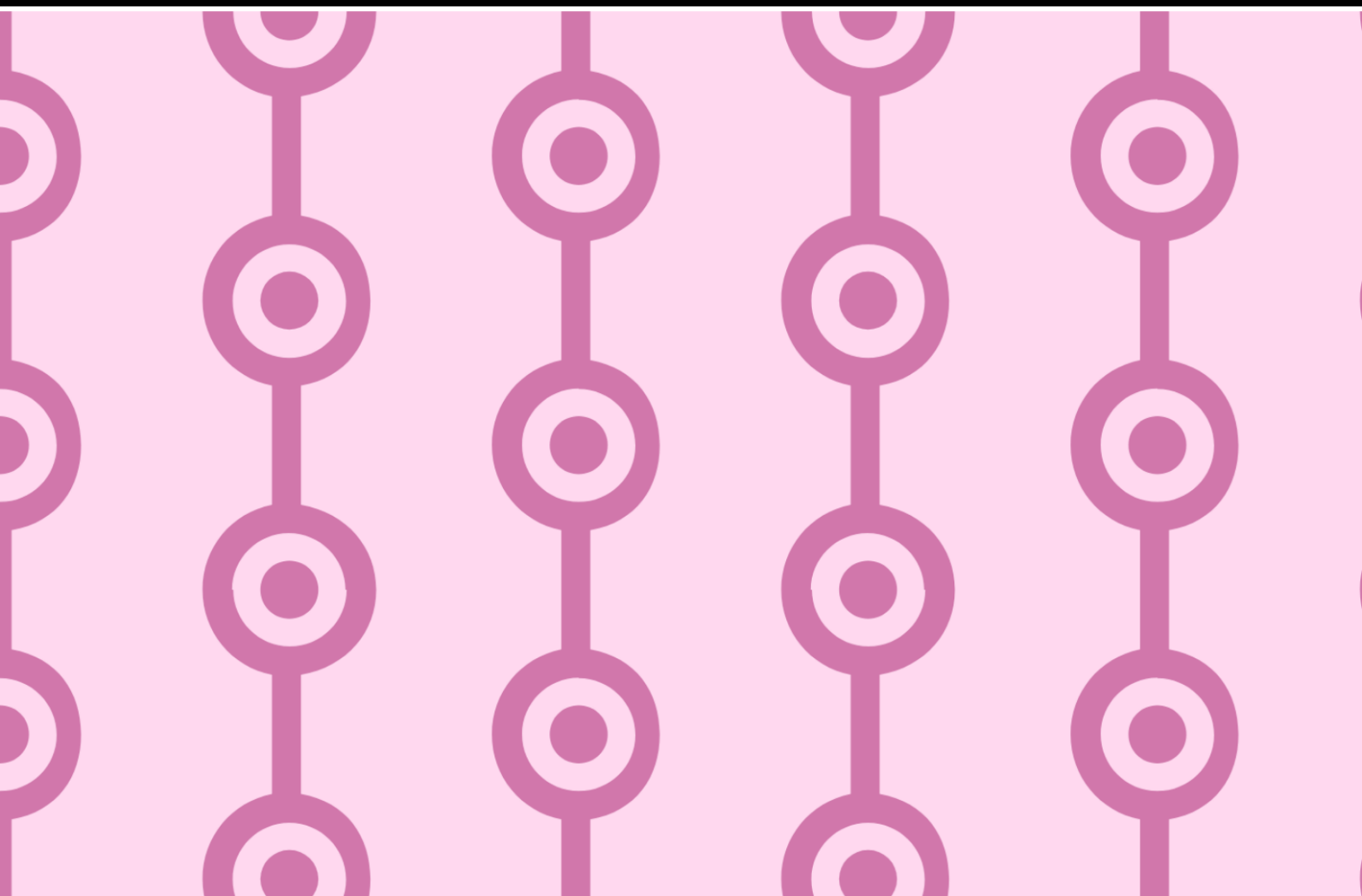

18+ Сергей Вячеславович Ключин

Теогенез НОВОГО СОЗНАНИЯ

Сергей Вячеславович Ключин

Теогенез нового сознания

Издательские решения
По лицензии Ridero
2026

УДК 1
ББК 87
К52

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Клюшин Сергей Вячеславович

К52 Теогенез нового сознания / Сергей Вячеславович Клюшин. —
[б. м.] : Издательские решения, 2026. — 168 с.
ISBN 978-5-0070-3073-1

Мой труд выходит за рамки традиционного богословия: это попытка синтезировать дух и форму, энергию и смысл, прошлое и настоящее. И в нем я приглашаю читателя к размышлению о природе творения и месте человека в великом замысле. Труд будет интересен всем, кого привлекает христианский гностицизм, анти-натурализм, устройство Вселенной и тайные знания.

**УДК 1
ББК 87**

18+

В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ГЛАВА «ДВОЙСТВЕННОСТЬ БОГА»

Эта книга — не философский трактат и не религиозное откровение. Это акт метафизической хирургии. Дорогой читатель! Пред тобой не просто книга, а концентрат смыслов, выстраданных десятилетиями. Моя доля как автора была двойственна: стать Светильником, озарившим покои нашего общего рабства, и Всадником, прорывающим покрывало лжи, что пеленает наше сознание. Эта книга — о Боге как о Великом Внешнем Сверхсознании, ждущем пробуждения нашего. Мы слишком долго считали себя прахом на задворках мироздания. Я здесь, чтобы доказать: вы — наследники божественной сути. Теогенез — не метафора, но технологический процесс возвращения к Истоку через спираль осознанности. Читайте же не умом, но духом. Каждая глава — новый виток. Каждое слово — топливо для вашей внутренней искры. Настало время зажечь Светильники и двинуть в путь духовной эволюции. Вступление:

Название моей философской работы — «Теогенез нового сознания» раскрывается как таинство духовного становления личности, в котором Божественная благодать, подобно животворящему источнику, пробуждает и раскрывает в человеке богообразное начало. В отличие от ряда эзотерических учений, здесь теогенез предстает не как внезапное пробуждение неких скрытых сил, но как священное со-творение, синергия воли человеческой и дыхания Божественной благодати. В этом произведении также делается уклон на новом понятии «сверхэнергии», что представляет собой комплексный энерго-информационный ресурс, присущий любой системе. Этот ресурс является движущей силой, обеспечивающей ее внутреннюю упорядоченность и развитие на всех уровнях, начиная от биологических процессов и заканчивая сложными социокультурными образованиями. Эпиграф:

«В начале было Слово — и Слово было у Бога, и Слово было Бог. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его». — Евангелие от Иоанна 1:1, 4–5

Каждый участник современного общества медленно провождает мистические сумерки цифрового столетия — на пороге эры искусственного интеллекта. Если судить по тому, что предстает нашему взору, торжество рационализма образовало иллюзию очевидности и доступности постижения мира. Ну вот незадача, он поглощен внутренним кризисом: верующие ощущают нехватку пневмософии (духовная мудрость), а скептики нехватку идентичности. Когда человек пытается восполнить экзистенциальную пустоту посредством необъективного фанатизма, он конструирует ложные утопии. А когда основой ментальных построений становится не познание, а страсть, они приобретают видимость смысла — но этот смысл остается внутренним, замкнутым на субъективном переживании. Такие конструкции живут в пространстве желания и аффекта, а не в пространстве истины. Знание, захваченное страстью, может вылиться в абсолютизацию материального — попытку исчерпать тайну бытия механическими законами. Однако сам вопрос о происхождении Вселенной выходит за пределы частных теорий: извечное существование или творение волей, превосходящей мир? В этой дилемме отражается извечная напряженность между имманентным порядком и трансцендентным истоком всего сущего. Среди признанных моделей Вселенной — инфляционной, стационарной, циклической, параллельной и голографической — отсутствует спиральная модель. Она постулирует не автомоделирование, а динамичное созидательное начало, где внешняя сила (энергия) выступает не как статичный фактор, а как непрерывный творческий процесс. В дисциплинах знания энергия обретает свои формы: у физиков — количественную, у биологов — органическую, у космологов — вселенскую, у философов — процессуальную. Однако за пределами этих определений раскрывается ее выс-

шая ипостась — метафизическая энергия, или сверхэнергия, что напрямую относится к метафизическому принципу, порождающему динамическое бытие. И она воплощает трансцендентное в имманентном, мост к реальности, где смысл и материя сплетены. Так и получается, что испокон веков умы величайших мыслителей, словно мотыльки, зачарованные пламенем, слетались к единственной точке в лабиринтах метафизических исканий. В поисках разгадки первопричины они погружались в вязкую трясику недоумений о безначальной и всемогущей субстанции, о вездесущей и всеобъемлющей воле. Но, как будто запертые в клетке общенаучного мышления, они не могли вырваться за периметр познанного, чтобы пересечь грань от теории к практике. Им было неизвестно, что от самого сотворения бытия Творец действует через свою неиссякаемую сверхэнергию. Прошлое развеялось дымом, унеся все вместе с собой. Но их концепции, запечатленные на страницах книг, то и дело становились площадкой ожесточенных споров, метаморфозируясь то в аксиомы, то в крамольные домыслы. И все же никто не постиг, что началом его волеизъявления стало претворение энергии в материю. Ведь она насыщена жизнью, продуктом сверхсилы, подвижной сверхидеей, воплощенной в созидательном акте творения, где его сверхэнергия, по обыкновению, неистощимо питается от вечного источника сверхмысли. Все это происходит вне времени и пространства, где всегда существует самодостаточная реальность Бога. Именно в его сверхсовершенном сознании, еще до сотворения духовного и материального мира, рождалась образная картина грядущей жизни, предвосхищающая ее возможную конфигурацию и бесконечное становление. До материализации энергии в плотную ткань мироздания, возникает мир Духов, сотканный из мысли и энергии, где действуют законы, непостижимые человеческому разуму. И в их духовном мире мысль и энергия сливаются в неразрывном единстве, обнаруживая свою общую природу и проявляясь в устойчивых духовных формах. Главная цель творения духовных существ — взрастить почву для самодовольства и самосознания, устремленных

к Боговидению и единению с собственной душой, и с благо-склонностью вовлеч к своему лучезарному свету все одухотворенное. Приоткрывая завесу над предвечной идеей Бога, дерзну повторить слова святого Иоанна Дамаскина: всеблагой Бог не удовольствовался созерцанием лишь самого себя, но по неиссякаемому избытку своей благодати восхотел, дабы вызвались существа, причастные к его милостивой воле. И далее хочу констатировать, что Бог, конечно же, не пребывал в непрестанном мысленном созерцании о всякой твари. Так, как в неопостижимой выси Божественного естества не может зародиться мысль, предшествующая долгому решению и действию, как то свойственно лишь тварному миру. Когда его мысль возникает, она мгновенно и нераздельно скрещивается с актом творения. И если это был замысел о сотворении, то прежде, чем воплотиться в многообразие форм жизни, в своей изначальной безначальности, Бог, в стремлении к ипостасному совершенству, рождает в самом себе Сына — единую с Ним сущность, посредством таинственного исхождения пречистой и нетварной сверхсилы. Ее начальный исток предворял заранее заданному созданию духовного и материального мироздания. После этого Бог назначил нерасторжимым управляющим строительством и сокровенным замыслом того, кто, исторгнувшись из его Абсолюта, посеял жизненное зерно во всем, что должно было появиться, чтобы каждое разумное существо могло направиться к благодати любви и единому высшему совершенству. Впоследствии ради этого он и открыл мир царств растений и животных. Поскольку его неразрывная сверхидея была навечно прикована к любви и просветляющей деятельности, а деятельность как бы запущена

к созерцанию сотворенной гармонии многоликой жизни. Потому всякое бытие, как всеобщность творения, предстает пред нами природой, жаждущей управления. Но дабы избежать неясности, уточню: она не есть само его существо и даже не его сущность, но, отделившись и высвободившись, она утверждена владеть самостоятельным движением и действовать по закону, установленному самим Божеством. Первый за-

кон гласит о рождении материи из энергии, что была наделена Богом многообразием свойств и предназначений. Эти свойства стали фундаментом для возникновения темного пространства, когда пустой вакуум словно наполнился энергией — первой физической формой, обретшей плотность и упругую массу. Сама природа энергии — лишь субстанциональное проявление Божества, первоэлемент творения. И тогда, движимая мановением Божественной мысли, сверхсила произвела акт собственной материализации, как бы выткав материю из самой себя. Иными словами, воплощенная энергия производит вакуум, в котором Творец начинает созидание суши, нарекая ее Землей — обителью человека. Книга Бытия рассказывает о безвидной и пустой Земле в ее первозданном виде, где Дух Божий парил над водами, согревая хаос бездны. Безвидной она была потому, что еще не существовало творения, способного ее созерцать. Образование Земли осуществлялось в быстром темпе, словно разворачивающийся свиток творения. Она сложилась из плотной энергии, и вскоре часть ее вещества обрела форму жидкой стихии, окутав планету. В священном приличии творения, Бог отделил воды от тверди. Однако, некоторые из так называемых святых отцов трактуют твердь как небесный свод при хаотичной, до-геологической внешности земли. Впоследствии часть вод была вознесена в состояние подобия парниковому, дабы из этого благословенного союза возникли воздушное и водное пространства нашего планетарного пристанища, в колыбели зарождения и процветания всего биологического. И для гармонизации ее экосистемы он искусно сплел воедино свойства сознательного, животного и растительного миров. Изначальный облик нашей планеты, разумеется, не нес на себе следов общеизвестной жизни, ибо земля была всецело объята океаном, чьи воды проникли даже вглубь, между слоями земной коры. Но прежде сотворения земли и небес, Бог изводит первичный свет, рассеивая вакуумную тьму, озаряя зияющую пустоту и приводя в движение всякие формы материи. Сокрыто от многих, что весь сотворенный мир создан по воле Бога

в едином мгновенном, но закономерном творческом акте. Возвращаясь к непостижимой силе Творца, осмелюсь сказать: Божественная энергия есть извечное движение его ипостаси. Эта энергия — сила, творящая действие, и посему, как нетварная и неиссякаемая, она по праву зовется сверхэнергией, тогда как энергия тварная, низшая, отделенная от Божественного источника, как отблеск изначального света. Согласно воззрениям некоторых философов, течение Божественной сверхсилы разветвляется на три величественных потока: первый — прямолинейный, неумолимый, извечно действующий в едином порыве. Второй — спиральный, также исполненный действия, но как бы застывший в безмолвии, начинающийся в самом Божестве от самодостаточности и незыблемости. И, наконец, третий — кругообразный, исходящий и возвращающийся в исходную точку. Следует отметить, что сверхэнергия — это эманация Божественной природы, интенсивность силы, выработанной сверхмыслью. И эта сверхсила, несомненно, излучает сияние света, где все инобытие пронизано этим светом, нисходящим и разделяющимся на различные дары, что, в соответствии со степенью сияния, даруются и возвещаются каждому ангельскому существу, словно благословение, льющееся как бы сверху вниз. Однако, надлежит различать силу и энергию, хотя сущностно они и неразделимы. Сила — это проявление энергии, ее неотъемлемое свойство, тогда как энергия — первопричина, логовище всякой силы. Подобно тому, как в каждом движении есть сила, так и в каждой силе заключена энергия. И она, будучи движущей силой любого явления, подчиняется законам, определяющим ее проявление. Осознание этих законов, свойств и форм открывает нам всю мощь энергии. Формы энергии, будь то физические или метафизические, являют собой многообразие ее воплощений. Свойства энергии проявляются в силах, воздействующих на окружающий мир. А законы энергии — это строгие рамки, определяющие меру и порядок разного движения и действия. Из книги «Шестоднев против эволюции»: Священное Писание, в поисках ответа на извечный вопрос

о происхождении мироздания, возвещает о творении — о чудесном акте созидания, когда из небытия, как по мановению Божественной воли, возникает принципиально новая жизнь. Онтологически она не могла существовать, пока ее самой еще не было; говорить о каком-либо внутреннем начале в таком случае тоже бессмысленно. Встречается и вовсе компромиссная концепция, норовящая примирить Креационизм и Эволюционизм, знакомая как «Теологическая Эволюция». Согласно ей, необходимость обеспечения жизнеспособности природы, восходящей от простейших форм к высшим, установлен Божественной волей. Иными словами, эволюционный процесс был инициирован Творцом как задуманное для баланса флоры и фауны. Из фарватера этого размышления проистекает понимание, что понятие смерти применимо лишь к существам, одаренным жизнью и дыханием. Когда камень, подвластный времени, обращается в песок, это не смерть, а преобразование. В этой перспективе физические законы мира предстают незыблемыми и неизменными до и после рокового грехопадения. Антропный принцип, словно небесный камертон, подтверждает эту гармонию, свидетельствуя о поразительной и взаимной подгонке всех законов природы. Потому и всевластие второго начала термодинамики — не мрачное исчадие первородного греха, а неотъемлемая часть примарного миропорядка. По сути, все упирается в элементарный закон второго начала термодинамики, в энтропию, где вечный трафик энергии невозможен, и все процессы, как угасающие лучи, теряют свою упорядоченность. Сложная организация материи, подобно замку из песка, постепенно рассыпается, идя к однородному хаосу. Везде, где властвует этот закон, температура уравнивается, и какой либо энергообмен замирает в ледяном оцепенении. Именно его неумолимое действие красноречиво свидетельствует: наш мир не мог возникнуть в результате слепого случая, самопроизвольно. Ибо Мироздание пронизано, насыщено трансцендентной силой, той искрой божественного промысла, что зажигает жизнь вопреки вселенскому диссонансу. Святой Ефрем Сирин,

в своих раздумиях над Книгой Бытия, видел в смене дня и ночи резонансы пульсации первозданного света. Позже эхом ему заговорили другие отцы Церкви, утверждая, что рождение космических тел произошло не в последовательности, а в едином, величественном акте творения. Между тем, принимая во внимание гипотезу инфляционного расширения Вселенной, невольно разделяешь взгляды тех, кто представлял космос, всплывшим из бездонной пустоты. И памятуя о податливости материи к расщеплению, не стоит поспешно говорить, что таково ее непреложное состояние, навеки predetermined Творцом. При статистическом распаде материи, все сущее утратит свою плотность и очертания, а вращающиеся миры лишатся электромагнитной силы. Это объясняется тем, что Бог некогда направил свою волю на созидание заряженных частиц из первозданной энергии. Задолго до того, как разлилось излучение вакуума, Он собирал и соединял их, предначертывая появление Солнца. Самому же Монотеургу не требовалось время для Творения. Его могущество позволяло совершать все мгновенно. Быть может, каждый день Творения был не просто этапом, но вечным законом Бытия, ведь всякое Божественное действие — это излияние его сверхсилы, а сверхсила, в свою очередь, устанавливает нерушимый закон. Не разгадав мимолетного, Божественного произведения, трудно ухватить высший план, предшествовавший бытию. И все же, в этом производстве мира таится особый промысел для тех, кто, однажды придя к осознанию своего мистического начала, возжелает вопрошать Бога о его истоках. Ибо если конечное существо не стремится к первопричине, его существование замыкается в пределах бренного. Посему Бог, как Творец жизни, даровал откровение существам конечным, дабы они шли к нему, единому. Завершая созерцательное путешествие по первым дням творения, я углубился в исследование ослепительного апогея света. После озарения Космоса светом и финализации первичного вегетативного периода на Земле, развернулось величие небесных тел: Солнца, Планет, Луны и сонма иных светил. Истинно, Богу,

в спектральном танце созидания заряженных частиц, не требовалось упражнений с материей, ибо первооснова всего сущего воздвигалась по велению Божественной мысли. Так, все творилось единым актом мышления, в вихре сверхскоростного потока времени. Вселенной было предначертано обрести свой естественный облик, в котором был запущен сложный механизм биологических, органических и иных законов Бытия. В колыбели скоплений заряженных частиц, их свечение пульсировало, то едва тлея, то взрываясь ослепительным сиянием. Словно повинаясь их воле, свободная сольватация диктовала смену дня и ночи. Но до явления первозданного света, материализация энергии, способной формировать физические и более плотные элементы, было возможно лишь при ее собственном содействии. Должно быть четкое понимание того, что ее значение, как движущей силы и первоосновы, необходимо для поддержания взаимодействующего равновесия. Вот почему в устройстве мироздания, в движении всех явлений и объектов, без Божественного вмешательства немислима самоорганизация и спонтанность. Без его всеобъемлющей силы Вселенная была бы обречена на хаос, ведущий к полному саморазрушению. Основу мироздания занимают три опорных стойки: материя, энергия и связь. Но исходной инициативой, рывком творения была сама энергия. Материя — лишь ее застывший, уплотненный компонент, а связь — всепроникающее течение информации, что соединяет и распределяет, словно кровеносная система. В их постоянном взаимодействии и взаимообмене, Вселенная пульсирует жизнью, вращается с бесконечным темпом. Когда материя, исчерпывается, то возвращаясь к первоначалу, распадается на частицы. И наоборот, при пропорциональном их сцеплении энергия вновь материализуется. И помните, ничто не исчезает бесследно в безбрежном океане пространства и времени. Итак, если Сверхэнергия — это эманация Божественной мысли и чувства, то космогония, как вектор науки — это высший циркуляр по ее изучению. И если в круговороте бытия отсутствует самопроизвольное движение, то непрестан-

ный контакт Бога с душой человеческой становится настоящей обязательностью. Бесспорно, для многих эта тайна совершенно непостижима, мысль не в силах проникнуть в ее глубь. Но завесу тайны не проблематично приподнять над ландшафтом мироздания, где в ином спектре восприятия, выявляется сложнейшее полотно вещественной энергии, в которой неумолчно действует Божественная активность. По всей видимости, физический мир был сотворен эксплицитно ради человека, предваряя собой первый акт Божественной Любви. Вторым актом было создание его тела и души, чья уравновешенная одноприродность складывалась в самом процессе творения. В тот же миг Бог вдохнул в него жизнь, даруя богоподобный дух, наделенный сознанием. Дух, по сути, есть сознательная субстанция, сотканная из мыслей и чувств. И когда дух, душа и тело находятся в согласии, эти перцепции тесно переплетаются между собой, резонируя с каждой клеткой организма. Так было запланировано, чтобы человек, руководимый собственной волей, вкусил плоды своих деяний, как взлелеянных внутри, так и вовне. Физический мир, исполненный безграничного великолепия природы, призван стать колыбелью для его восхождения, питая его телесное и духовное созревание. И потому часть волевых усилий, плотских и душевных он должен обратить к Творцу единому, памятуя, что в нравственной цельности он обязан высшему созидающему разуму. А также должен осознавать, что везде и всюду присутствует его всепроникающая зеница.

ГЛАВА «СВЕЧЕНИЕ ОТКРОВЕНИЯ»

С годами я понял, что чувственность произрастает из почвы души, а креативность духа — из недр мышления и самосознания. Дух, словно кормчий, должен вести за собой душу и тело, а его сознание, разумная и мыслящая часть, — мотивироваться Божьей силой. Поскольку без этого живительного канала человек неминуемо поникает, а его личность, предоставленная самоуправству, подвергается моральному разложению. В Божественной сверхзадаче человек был с любовью призван к существованию для соименного единства, дабы ему естественно было возлюбить Бога через общее стремление к свету и благодати. Беда в том, что не исполнив полноты любви к своему Творцу, первые люди, омраченные противоестественным желанием, дерзновенно нарушили идиллию духовного мира через безрассудное непослушание. И поскольку Вечный не мог допустить навеки торжества самовольного отступления от Небесного Отечества, после грехопадения они обменяли райский сад, вечно благоухающий цветами, на дикую, суровую пустыню. Тогда-то и было им дозволено испытание плотского бытия, неотвратимо бросающее к конечному пределу. Но Бог, будучи премудростью и светом истины, а истина — совершенством любви, по беспредельной милости, несмотря на вину, предоставил им земное время для искупления, и для ревностного стремления к первоначальному образу и единству с ним. Вглядываясь в длинный завиток человеческой истории, мы видим калейдоскоп эпох, сменяющих друг друга: от первобытных общин до головокружительных вершин постиндустриализации общества. Путь человеческого сознания, напоминающий ручей, извилисто петляет вдоль побережья нравственности и безнравственности, принимая причудливые конфигурации под напором социальных бурь, материальных ветров, политических

штормов, культурных приливов и религиозных отливов. На заре своего общинного строя, человек, постигая азы труда, не мог не обратиться к исследованию окружающего мира, топавший словно по звездному компасу к новым горизонтам познания. Однако для высшей идеализации человеческого духа по пневматологической тенденции, ему предстоит пройти три ступени к нравственному преображению: самопознание, познание мира и Богопознание. И дабы наделить человека безграничными возможностями в его неутолимой любознательности, Бог Отец посылает Бога Сына — зримое воплощение подлинной святости и образец для подражания. Но когда познавательная энергия командирруется исключительно в приволье материального благополучия, человек создает мир материальных ценностей, формирующий, в свою очередь, определенное, часто ограниченное мировоззрение. В то время как для формирования зрелой и гармоничной модели мышления необходимо целенаправленное воспитание и плодотворное взаимодействие со своим окружением. Чтобы постичь во всей полноте восход человеческого сознания, необходимо проследить за нитью его преображений, увидеть, как мышление шлифует и выточивает торцы мировидений. Как утверждают иные мудрецы, при рассеивании мглы первобытного существования оно балансировало на зыбкой грани между адекватностью и безумием. Все это часть нашего земного бытия, где телесная жизнь — лишь стартовая площадка для бесценного опыта, дарованного нам свыше. Что поныне продолжает быть темой жарких споров и философских дилемм. Все же, размышляя о таинственной и неизмеримой природе Божественного творчества, облеченного сверхъестественной силой, многие упускают из виду, что это величие не имплицитно неотменного зарождения в какой бы то ни было форме. Поэтому ошибочно ратифицировать о самодостаточности сверхсилы, которая, по определению, не могла быть простой необходимостью творения. Само направление Божьей воли, никак нельзя отнести к представлениям деизма. И невозможно связать эту силу с актом спонтан-

ного появления первичной материи. Следовательно, нужно подметить, что она является продуктивной калоресценцией не допускающей самобытного возникновения из небытия. Нелегко разобрать феномен божественной сверхсилы и ее производные более детально, но стоит задуматься: не наделя ли подобным плюсом и человек? В его случае имеющаяся сила творит смешанную вереницу поступков, многие из которых ведут к саморазрушению и уничтожению мира вокруг. И это, самое чистое зло. Зная уже о биологической эволюции как о обобщенном термине, больше всего мы должны знать о психологической эволюции побочных эффектов человеческой природы. Ведь усиление зла в человеке совершило медленный, но неуклонный скачок от простейшего к сложнейшему самовыражению. Ибо у зла не происходит перехода из некачественного состояния в квалитологическое. Этого оказалось достаточно, чтобы Боговоплощение и крестные муки стали необходимостью — экстренным противодействием злу, мутировавшему в человеке, для одержания окончательной победы над ним. Отсюда вытекает непреложный вывод: на пути покаяния и самоисправления духовная эволюция человека расцветает, преобразуя греховное естество в благочестие. И напротив, ступивший на стезю злодеяния и отступничества от Бога обречен на духовную деградацию, чреватую падением в бездну. Потому, выковыывая мысль, экспедированную на искоренение зла, желательно оборачивать ее к Богу — первоисточнику жизни, дабы его сверхмогучесть явило помощь в обретении истины. Как ни парадоксально, человечество все чаще отождествляет зло с насилием. Злое начало, неустанно пробивается в мир двумя способами: едва заметным отклонением от добра и его полным отрицанием. Отстраниться от него полностью неосуществимо, ибо, чуждое сердцевине добра и блага, оно воздвигает неприступную стену противления, пресекая всякую возможность примирения. Отсюда и возникает у многих ощущение вечной борьбы двух противоположностей. В этом свете дуалистическое мировоззрение оправдывается, когда мы взи-

раем в бездонницу грехопадения. История заверяет: зло проникает во все сферы бытия — науку, религию, политику, даже в уклад повседневной жизни. Психологи часто объясняют это как проявление обычных психических расстройств. Но в действительности, подобное «нарушение» ведет к ослаблению, а затем и к полному искажению сознания, лишая человека плодотворной эскалации внутренних сил. Вглядываясь в лихорадочный ритм современного мира, невольно ощущаешь себя свидетелем всеобщей деморализации. Как же случилось, что человек, венец творения, носитель божественного образа и подобия, наделенный разумом, раз за разом скатывается к упадку цивилизаций, к братоубийственным войнам, к невыносимому социальному запустению? Ответ прост и трагичен. Истинные причины кроются в самой человеческой природе, в ее склонности, доставшейся в наследство от грехопадения, к противоестественной восприимчивости. В этом — еще один корень зла. Ведь его конечная цель — порабощение, порождение себе подобных, и, в конечном итоге, саморазрушение в адском пламени. Не желая покидать уютную гавань нажитого опыта и вовлекая читателя в восхождение к более высоким сферам постижения бытия зла, я все же воздержусь от дальнейшего обсуждения проблемы обобщенного человеческого существования и осознания в мире. Ибо разрозненные осколки осознанности еще не складываются в цельную картину завершенного познания — ни своего собственного бытия, ни природы зла. И, следовательно, не открывают истинную причину прихода в земную жизнь. Где широкий простор познаний, словно ключ к вратам вечности, хранит в себе неразгаданную идею о бесконечности. Как не странно, но наше сознание, возникнув однажды, навеки сплетается с бесконечным, разворачивая свой неисчерпаемый энергетический потенциал во всем великолепии своей квинтэссенции. Подсознание же, словно тень, проступает сквозь призму определенных действий, обнажая калейдоскоп образов из глубин прожитой жизни. Оно — эхо внутренней памяти, бездонный колодец воспоминаний. От-

сюда следует, что бессловесные создания, животные, лишены дара осознания и разума, обречены на конечность своего бытия. Созданные для нужд существ разумных, они живут в плену чувств и инстинктов, и потому многие из них несут бремя служения человеку. Однако разум, подобно путнику, ощупывающему мир не только умозрительно, но и опытным путем, лишь тогда достигает аподиктической ясности. Когда истина проникает в сознание единственным лучом, она запечатлевается глубже, обращаясь в незыблемую константу. Но цепляясь за единственное восприятие, словно за спасительную нить над бездной, мы неминуемо искажаем остальное, создавая порочное эхо в миропонимании, которое уводит в лабиринты еретических заблуждений. Ограниченное познание, опирающееся лишь на чувства или рассудок, не способно объять всю полноту мироздания, во всей его необъятной емкости. Несмотря на то, что постижение мира начинается с чувственного опыта, постепенно переходя к интеллектуальному осмыслению, когда сквозь призму видимого прозревается незримая суть вещей, человек, погрязший в чувственных восприятиях из-за ограниченности разума и ущербности мышления, неизбежно попадает под власть низменных инстинктов. Поэтому чувственный анализ должен быть направлен интеллектом, а не строиться на зыбком фундаменте одной лишь экспрессии, иначе здание причинно-следственных связей рухнет под собственной тяжестью. Доминирование чувственной части психики, подавляющей умственные способности, порождает анаморфическое мышление, усиливающее плотские вожделения, которые стремятся к ложной самооценке, словно ища оправдание в гедонизме. При этом подчиненный интеллект служит удовлетворению чувственной сферы, болезненно воспринимающей все, что ей противоречит, в течение долгого времени. Было бы наивно утверждать, будто с момента своего появления на свет человек обречен на неумолимое и безусловное зло. Это лишило бы его возможности самосовершенствования. Однако нельзя отрицать, что в самой сердцевине человеческого сознания

заклучен индивидуальный разум, возвышающийся над изменчивой природой и всем, что с ней связано. Ибо без сознания душа человеческая уподобилась бы бессловесному естеству. Например, по свидетельству преподобного Антония, с несомненностью известно, что человеческая душа не заключена в мужском семени. Он экзегетически опровергает ее рождение от смешения и совокупления, рассуждая: если бы душа извергалась к существованию от мужа, то оказалась бы подвластна семени и примешана к телу. Но возможно ли, чтобы нетленное и бессмертное было хоть как-то слито с тленным и смертным? Издревле существовали три различные теории о происхождении душ. Первая из них, «эдукционизм», утверждает, что души возникают, развиваясь из тел. Вторая теория, «традукционизм», полагает, что души происходят от других душ. И третья теория — «креационизм» — признает их непрестанное творение самим Богом в момент зачатия и рождения. Если материя — лишь сгущенная энергия, та первичная субстанция, из которой соткана и душа во всем многообразии ее проявлений, то логично предположить, что и телесная оболочка человека возникла из природных молекул, хранящих в себе более примитивную форму энергии — биоэнергию. Именно поэтому тела бессловесных существ, в отличие от человеческого, обладают лишь одушевленной природой, материализованной энергией. Их телесная форма — прекрасное отражение уплотненной души. То же справедливо и для человека, чье тело содержит в себе две формы жизни: одна ему изначально присуща и тождественна, другая же, Дух Божий, нисходит свыше в момент сотворения, и она отнюдь не тождественна душе. Мысли Антония, словно сотканные из абстрактных нитей, кажутся predetermined его глубочайшей приверженностью христианской Церкви. Иная теория для него немыслима, ведь он всецело поглощен догматами, которые, увы, сами коренятся в ошибочном, искаженном толковании ветхозаветных пророчеств, отвергнутом соборными решениями. Позже мы коснемся первоначальной цели, что двигала создателями религиозной

иерархии. Но, стремясь к истине, мы обнаруживаем совершенно иное объяснение вопроса о происхождении душ. Как было сказано ранее, божественное дыхание жизни следует понимать как наделение человека богоподобным духом, исполненным сознания. Следовательно, душа есть не что иное, как энергия сознания, а не само сознание. Сознание же — это дух, разум, ибо лишь он способен к самопобуждению, к действию вопреки животным потребностям души и тела. Когда дух, душа и тело пребывают в совершенной гармонии, становится очевидно, что именно дух направляет душу, а душа — тело. В этом союзе тело всецело принадлежит душе, а душа неразрывно связана с духом. Однако, искаженное восприятие мира, порожденное ограниченным сознанием, привело к формированию ложных представлений и, как следствие, к стереотипному мышлению. В стремлении выжить и адаптироваться к суровым условиям, человек расширил горизонты своего познания, стремясь к быстрому достижению личных целей. При этом была утрачена более простая и естественная тактика использования мыслительных способностей души. Таким образом, причиной возникновения стереотипного мышления стали неестественные потребности, что, подобно болезни, отразилось на интеллекте, поврежденном грехопадением и подпавшем под власть чувственной части души. Среди сонма христианских святителей, преподобных и великомучеников, вознесшихся к лику святых при деятельном участии Церкви, особо выделяются проникновенные слова преподобного Максима Исповедника о природе души. Он уподобляет ее искусному кормчему, наделенному множеством способностей, заботящихся о теле, но проявляющихся порознь, в свой час. Душа то вдыхает в тело физическую силу, питая, возвращая и созидая все необходимое для его рождения; то пробуждает чувственность, разливая ее по венам, артериям, мышцам и сухожилиям, даруя нам возможность восприятия мира; то творит образы посредством способности суждения; то направляет и движет тело в пространстве силой устремления; то воспламеняет яростью; то

распалает вожделением. Все эти способности, заключенные в чувственной части души, искусно умещаются в телесной оболочке. Но очевидно, что человеческий потенциал не исчерпывается лишь ею одной. После телесной смерти душа, словно бережливая хозяйка, оставляет часть способностей действовать силой разума, а другую предает инертности. Если же мысли неудержимо вырываются из области умственной деятельности, где формируется самосознание, то можно предположить, что оно обладает даром их творения, подобно тому, как и другие способности берут в нем свое начало. Однако, в плену материальной реальности, где чувства властвуют над разумом, они кажутся неизменно всеильными. А в ином измерении духовного восприятия их прежняя мощь угасает, ибо в царстве мысли и энергии все чувства преобразуются, обретая иное обличие. Позвольте вновь подчеркнуть: в человеческой природе дух, душа и тело неразрывно связаны, словно части одного целого, и рана, нанесенная одной, отзывается болью в другой. Изнаночная сторона человеческой натуры, с ее влечениями и плотскими вожделениями, направила энергию на ложный путь устройства общественного бытия, исказив все грани личности и эмоциональные переживания. Но можно ли считать человека, сотканного из умозрений, противоестественных желаний и истинных чувств, его первозданным «я»? Если в поврежденном естестве зияет пропасть разносторонности и разномыслия, если различие в мышлении и поступках будоражит дремлющие страсти, способные поставить крест на его вечном самосознании.

ГЛАВА «ЭВОЛЮЦИЯ ЗЛА»

Эволюция зла — это процесс постепенного искажения человеческой природы, ведущий к потере связи с Божественным источником и духовной деградации. Когда его изначальная, глубинная суть, пройдя горнило долгого смещения и размножения, рассыпалась на калейдоскоп внутренних и внешних проявлений, родилась несхожесть восприятия мира. Так проявилась дифференция мыслей и сил, сделавшая все зримым и ощутимым в той мере, в какой это позволяло ограниченное, но многогранное сознание, сплетенное из чувственных и мыслительных возможностей. И каждый рождается личностью, неповторимым индивидуумом, чья природа, по самой своей сути, уникальна и выделяется своим внутренним миром. Различие между людьми — предвестие свободы в стремлении к собственной жизни. И по сей день, стремясь к осуществлению задуманного, почти каждый жаждет признания своей точки зрения, отстаивая личные убеждения и добиваясь общественного одобрения. Если послушание первых людей омрачило их духовным неведением, раскололо единство души и тела, лишило невинности, то в самой плоти их зародился механизм разрушения, клеточная деформация, уводящая от источника жизни. Смерть, как таковая, — лишь эхо изначальной раны, повреждения сознания, а затем и всей их сущности. Бог, в ожидании их осознанного выбора, ни на миг не оставил их во власти зла. Он, пробуждая голос совести и откликаясь на сердечное раскаяние, неустанно призывает к утраченной гармонии. Наделив человека сознанием и свободой воли, он, конечно, предвидел, сколь велик риск их самоопределения — будь то взлет к небесам или падение в бездну. После грехопадения, когда в душах Адама и Евы разгорелась вражда между плотью и духом, их прежде нерушимая гармония дала

трещину, и сама природа клеток изменилась. Увлечшись сладостными грезами и пагубным желанием запретного, они вкусили плод, и, как пишет святитель Димитрий Ростовский, в тот же миг плотская похоть зародилась в их естестве. Страстное вожделение опалило их члены, стыд и страх сковали сердца, и они поспешили прикрыть наготу листьями смоковницы. Затем, как повествует Книга Бытия, Господь облек их в кожаные ризы: «И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные и одел их». Святитель Григорий Нисский, толкуя это место, полагал, что кожаные ризы — нечто привнесенное извне, знак смертности, перенесенной на прежде бессмертную природу человека. Казалось, кожаные одеяния отражали пестроту человеческой природы, ее изменчивый фенотип. Но в реальности они не могли быть знаком смерти, ее порождением. И хотя отцы церкви, опираясь на священные тексты, наставляли о грубом, плотском составе человека, истинная причина принятия кожаных риз от Бога, крылась в преобладании телесного над духовным. Не для обуздания порока, не для лишения его возможности разрастаться до неизменного, окостеневшего состояния, но для того, чтобы, узрев на себе мертвую плоть животного естества, люди стремились к избавлению от его участи. Ибо чувственное влечение всегда жаждет приятного и усадительного. Если допустить, что мир вокруг нас не таит в себе злого умысла, что он лишен намерения причинять вред, то и в глубинах человеческого разума не должна гнездиться лишь жажда страданий. Ибо все, сотворенное по Божественному замыслу, все, чему даровано дыхание жизни, несет в себе пользу и благо. Но почему же тогда человек так часто отворачивается от духовности? Если лишь брэнная оболочка подвержена закону тяготения к земному, можно ли утверждать, что она по своей воле устремляется к плотским утехам? Ведь одушевленное тело — лишь инструмент, данный для реализации стремлений духа. И когда тело склоняется к конечному, ограниченному, преходящему, душа оказывается бессильной в поисках истинного

удовлетворения. Ибо именно душа — изначальная суть телесной природы. Подобно тому, как дух и душа, в преступном сговоре, санкционировали кончину тела, соблазненные призрачным очарованием материи, так и в единении с телом им надлежит отринуть всякое влечение к соблазнительным усладам, к губительному великолепию мира. Ко всему, что пленяет их умозрительное внимание, отвлекая от священного сосредоточения на самопознании и познании Бога. Ибо тягостные законы мироздания, в своем сложном и неумолимом движении, способны сковать порыв духа и души к Первоисточнику, к божественной высоте. Однако, внимательно вглядываясь в суть вещей, мы постигаем удивительную истину: грехопадение человечества произошло не под напором плотских искушений, но от порочного воображения, которое, воспламенив желание, толкнуло на нарушение изначальной Божественной заповеди. Лишь отворотившись от телесной бесконечности в погоне за запретным плодом конечности, люди отрекаются от воли и любви своего Создателя, пускаясь в самодеятельное плавание. В воспаленном воображении рождаются мерзкие деяния, греховные мечтания и плотские утехы, что в конечном итоге приводят к утрате первоизданного образа. Погружаясь в богопротивные пучины, они теряют нить, связующую их с истинным значением бытия и первоосновой всего сущего. Ублажение плоти, безусловно, дарует мгновенную сладость душе, а та, в свою очередь, подталкивает дух в объятия эйфории. Однако не в угоду телесным страстям должно возрастать человеческое сознание, предвкушая возможное родство после разлуки с бранным телом. И только отринув их диктат, человек может обрести подлинное целомудрие духа. Вновь обращаясь к наставлениям отцов христианской Церкви, позволю себе привести слова святителя Григория Богослова, проливающего свет на первородный грех: вместе с разумом и духом, первое прегрешение исказило и плоть человеческую. По мысли святого, тело, служившее покровом и обителью духа в его первоизданной чистоте, должно было, по мере восхождения

духа к вершинам созерцания, постепенно утончаться. Но грехопадение обернулось огрубением тела, возымевшего власть над духом, увлекая его к земным соблазнам и чувственным наслаждениям. В развитие этой мысли, хотелось бы подробнее раскрыть положение первозданных людей до вкушения ими плода познания добра и зла. Они пребывали в зыбком состоянии выбора, от которого зависело, станет ли их изначальная природа смертной или бессмертной. В самом сердце Эдемского сада, как гласит Книга Бытия, возвышались два древа, предлагая человечеству выбор между двумя фундаментальными путями. Однако не стоит сводить все к их прямому влиянию на волю людей, полагая, что лишь они были причиной грехопадения или, напротив, благодеяния. Скорее, прежде чем воображение пробудилось, люди, узрев запретный плод, были пленены неведомым знанием, чуждым их невинному интеллекту. Одаренные чувствами, они пали жертвой очарования запретного плода, что свидетельствует о податливости их души и хрупкости телесной оболочки. И здесь возникает вопрос: предшествовала ли телесная организация людей их одухотворенности? Даже если образование тела — лишь искусный синтез природных молекул, вопрос о первичности духа остается открытым. Их души — не просто часть окружающей материи, в них нет и частиц плотного вещества. Ибо самому телу, этой брэнной оболочке, чуждо сознание, самобытность — качества, присущие лишь духу. Как я уже говорил, сотворением одушевленной плоти человеку дарована разумная сила жизни, возвышающая его над всем тварным миром. И если ядро духа — сознание, отблеск божественной сущности, то этим он и отличается от души и тела. Если душа — это жизненная энергия, движущая сила плоти, то дух должен владеть этой силой, направлять ее по пути нравственного совершенствования. Как физические силы властно действуют в теле, так и в душе должны бушевать духовные. Нетрудно узреть, что отпадение человека от Перводвигателя бытия обрело его единую силу духа, души и тела на мучительное

дробление. Тогда в нем возникло хаотичное множество разрозненных сил. Их бывшее созвучие распалось на сонм категорий: внутренних и внешних, возвышенных и низменных, где одни томятся в тени, ожидая своего часа, другие же настойчиво заявляют о себе. И ныне ни одна из этих сил, заключенных в его существе, не может в одиночку, подобно атому в хаосе, устремиться к выполнению предначертанной задачи. Несомненно, если бы это было так, они бы лишь яростно противостояли друг другу. Но при этом, в самом сердце концентрации сознания предустановлен некий механизм рассеивания. Чтобы достичь всеобъемлющего разумения, человеческий ум должен возвыситься над чувственными побуждениями, воспарить в сферы непознанного. Лишь в гармоничном единстве души и тела дух способен постичь всю палитру сил, действующих в мироздании. Стоит заметить, что разум человека обладает двоякой природой: он может впитывать благодатные искры нравственного роста или же поддаться тлетворному влиянию зла, чьи коварные наставления ослабляют бдительность самоанализа. Ибо зло многолико, и одно из его проявлений — физиологическая зависимость, плен повторяющихся действий и жестов, что сковывают движение к подлинному прогрессу. Здесь, полагаю, уместно понять: восприятие физического мира даровано нам чувствами, в коих нет и намек на злобный умысел. И все, что наносит телесный вред, допущено Творцом для закалки духа, для воспитания в человеке трудолюбия и неустанного стремления к познанию. Впрочем, само это познание способно указать на корень зла, таящийся как внутри, так и вовне. Злобная сила, подобно безобразной тени, волей человека проникает в сокровищницу его сознания, направляя его поступки вразрез с внутренними законами. И, словно сгущаясь, эта сила начинает управлять движениями души и тела, безраздельно подчиняя человека власти собственных страстей. Чаще всего людские страсти пробуждаются от дремоты, плененные красотой. Но устоять перед чарами искушения возможно лишь силой самообладания и воздержан-

ния. Обретение этой силы начинается с шага за грань опыта, в область истинной веры в незримое высшее благо, что исходит от первоисточника жизни. Воздержанность, словно плодородная почва, подготавливает сознание к естественному состоянию духа, который не только вступает в священный союз с истинным Божеством, но и подчиняет свои помыслы высшей воле. Что же тогда препятствует укреплению веры? Безусловно, это неумение обуздать свои страсти, порожденные искаженным мышлением, склонным к извращению всего благого. В сложившейся ситуации прилично будет ответствовать: как мысли преобразуют поступки, так и через деяния можно достичь преобразования мышления. Но если речь идет о вере как об идее вневременного и внепространственного Божества, то, по общему мнению, она есть дар свыше. Следуя этой логике, вера в Создателя предстает неким энергетическим двигателем естественной трансформации мыслей и воли, изначально заложенной в сознание. Бог словно приводит этот двигатель в действие в определенный момент жизни, предварительно подготавливая человека к чувственному и интеллектуальному соприкосновению с благодатной своей силой, либо, что случается нередко, через встречу с благочестивыми людьми, достигшими глубин духовного убеждения. Тем не менее, вопреки благой вере и высоким идеалам, человек порождает и совершенно противоположные мысли, как правило связанные с пробуждением порочных желаний. В этом случае происходит соприкосновение с силой зла. Подобно тому, как души, близкие по духу и мышлению, притягиваются друг к другу посредством невидимых духовных связей. Идя на поводу у страстей, человек невольно уподобляется тем, кто в большей или меньшей степени служит тьме и беззаконию. Тот же, кто всецело покорился злу, извергает в мир преступные замыслы, отравляя социальную среду и обрекая грядущие поколения на страдания. Помните: противостояние злу — это прежде всего битва с собственной порочной природой. И дабы укрепить в этой борьбе тех, кто встал на путь самоисправле-

ния, необходимо собрание единомышленников, объединенных стремлением искоренить всякое зло перед ликом Божественного закона. Как писал святой Климент Александрийский, закон существует для того, чтобы оградить нас от излишеств и беспорядочной жизни. Закон — это порядок, установленный для самодисциплины, маяк, указывающий путь к свету. Немногим ведомо, что в основе всякого человеческого деяния лежат три побудительные силы. Первая — стремление к удовлетворению собственных желаний или чаяний ближнего. Вторая — искушение дьявольским соблазном. И лишь третья — жажда угодить Божественному. Но Бога невозможно прельстить угодливостью. Как источник всех благ, внимающий праведным поступкам, он, в соответствии со ступенью духовного развития, вполне горазд оказывать помощь в постепенном воссоединении с собой. Поскольку человек в своей самобытности не ограничен от непосредственного участия Бога. Из этого видно, что даже когда выбор человека направлен на цели, далекие от Божественного, ему необходимо учитывать проявление или отсутствие Божьей воли. Думая более обширнее, невольно задаешься вопросом: почему Всевышний, наблюдая за суетой человеческих действий, не видит в нас готовности к преображению? Догадок может быть полно, но лишь одна, кажется, приближается к истине. Глядя в суть происходящего, осознаешь, что Творец словно бы сдерживает нас, даруя время для обретения равновесия, для отказа от излишеств и неумеренности. Порой же, наоборот, он позволяет нам увлечься малым, чтобы отвлечь от большего зла, ведущего к гибели. Твердая основа самоконтроля и сдержанности есть первый шаг на пути сопротивления злу, мастерски воздействующему через обманчивые внушения, рождающему страстные помыслы, способные поколебать дух, душу и тело. Нужно резюмировать, что не все помыслы рождаются из глубин души, многие вливаются извне. И если разум не подвергает их тщательному анализу, темная сила присваивает их себе. С самого начала своей борьбы за власть над человеком

зло не стремилось к полной изоляции от добра. Поясню: зло являет себя либо в малейшем отклонении от праведного пути, либо в крайнем его извращении. Что же касается окружающей нас природы, в ней нет зла как такового. Даже причиняемый ею ущерб — лишь деформация, следствие утраты изначального порядка, соразмерного состоянию высшей цели. Получается, зло можно определить как зародыш противоположных движений разума и воли существа, наделенного сознанием. С иной точки зрения, человек может эффективнее изгнать проникающее зло, противопоставив ему благодатную силу. Даже отдалившись от Бога и погрузившись в пучину саморазрушения, поддавшись натиску зла, как внутреннему, так и внешнему, не стоит прекращать безотлагательные поиски утраченной связи. Поскольку в самую суть человеческой природы встроены силы, пробуждающие стремление к высшей цели через духовное общение с Творцом. Эти силы, словно дремлющие ростки, пребывают в состоянии анабиоза от рождения. Лишь преобразование мысли способно пробудить их и извлечь из глубин души дремлющий потенциал. Высвобожденные силы, словно потоки, устремленные изнутри наружу, должны слиться в гармоничном союзе с Божественным разумом. Отличительная черта некоторых заключается в том, как дух, ведомый душой, увлекается низменными чувствами к бездушным предметам и веществам, в тщетной попытке утолить неестественную жажду. Но искомое ускользает в конечном, и разумная тварь не может найти насыщения там, где его нет. Тяготение к конечному не приближает к избавлению от порока, ведь страстные желания сохраняются в сознании и после телесной смерти. Патология, умноженная страстями, лишенная физических ощущений, переходит в мучительное состояние, в котором бесконечно терзает изнывание неутоленных удовольствий. Чтобы постичь человеческую природу, положено наблюдать за зарождением родственных ей качеств, в которых проявляется ее внутренняя мощь. Между тем, с течением времени, некоторые из этих качеств словно затухают, лишая

человека части его потенциала. Только в гармоничном единстве и полном раскрытии они служат высшим целям. Использование лишь отдельных сил, в пренебрежении к остальным, обрекает сознание на ограниченность и несовершенство. Вся жизнь человека часто влечется к прекрасному и соблазнительному, к тому, что пленяет взор и чувства, дух оказывается под властью чувственной части души, стремящейся к материальной гармонии и красоте.

ГЛАВА «МИССИЯ ЧЕЛОВЕКА»

Человек — не просто плоть, но дух, обретший телесную форму, и как сказано в Библии: «его кровь есть душа плоти», что косвенно указывает на связь телесного и духовного в человеке. Незримый дух, пронизывая каждую клетку его существа, прямо воздействует на тело и управляет им. Когда же сознание, раздробившись, утратило первозданное единство мысли, свершился переход в искаженное состояние, обрекающее на непрестанную борьбу разделенных сил. Бесспорно, обладая силой предчувствия и предощущения Божественной аутентичности, сознание имеет возможность вновь взойти на ступень главенства над ними. Это происходит тогда, когда, обнаружив эту силу, человек преобразует в себе образ искаженного мышления, подстраиваясь под изменившиеся обстоятельства. Только мой опыт начал шептать о неких силах, гибких и изменчивых, словно хамелеоны, подстраивающихся под каскад внешних реакций и прихотливые течения тенденций. Сила мысли, рожденная духом, намеревается властвовать над внутренним рельефом природы, души и тела. Но важно помнить: кузница всех наших мыслей — это разум, восседающий на троне сознания, в самом сердце духа. Смысл в том, что предназначение человека, ниспосланное свыше, — это вечный энтузиазм к самоперфекции и высочайшему состоянию. Там, где ему более не дано беспечно нежиться в блаженном неведении Эдемского сада. А прежде, когда единый закон преобразования сознания всецело властвовал над бытием, человек, в триединстве духа, души и тела, в безмолвном согласии с окружающей природой, был устремлен к Божественной личности и его всемогущей силе. Но после грехопадения, дабы достичь вершины совершенства, где едва уловимо мерцало подобие Божественного Духа, ему надлежало неустанно воз-

делывать свой внутренний мир, еще не до конца поглощенный тьмой, силой веры, в союзе с Богом. Лишь тогда появлялось надежда на восстановление первозданного образа, на его дальнейшее улучшение и восхождение. И здесь я вновь возвращаюсь к прежним раздумиям: душа человеческая не принадлежит миру материи, не является ее физической микрочастицей, но, скорее, предстает словно станция энергетических реакций, заключенная в грубую материальную оболочку. Поэтому едва ли возможно вообразить, чтобы, вкусив вдохновение бесконечной и осознанной жизни, человек обрел полную свободу в самосохранении своего бытия, отринув участие Бога. Если дух человеческий являет себя средоточием воли и сознания, то душу, помимо этого, стоит определить как сущностное восприятие, облеченное плотной материей, чья непрерывность необходима для существования в вещественном мире. И ныне, пребывая в среде, полной опасностей, человек должен, под влиянием окружающей природы и ее преград, зреть благодеяния Божьи, самосовершенствоваться его сверхсилой и утолять жажду его неиссякаемой любовью. Изначально, ощущение повиновения собственной воле и разуму было лишь ступенью к исполнению воли Божественной. Но со временем человек склонился к самородной, в некотором роде иллюзорной жизни без Бога, соблазнившись запретным, но прекрасным на вид плодом. В те первозданные времена, когда растительный мир был сосредоточен на едином материке, омываемом со всех сторон одним океаном, именно Эдемский сад источал изобилие плодов, дарующих жизнь. Лишь гармония с первозданной природой могла подготовить человека к борьбе с внутренним злом. Подвергаясь испытаниям враждебных стихий, преодолевая их собственными усилиями, он должен был осознавать это как последствие непослушания Творцу и, в глубине своей души, постигать источник личного зла, которому он сам себя подверг. Так человеческая привязанность к запретному мгновенно похитила дарованную возможность бессмертия. Отведав горечь утраты райского бла-

женства, человек не только погрузился в созерцание первозданной природы, утоляя телесные нужды, но и ступил на тропу беспечных поисков ее даров. В самой его сущности, с обретением конечности, ставшей единственным объектом чувственного и зримого мира, зародилось мысленное воображение, рожденное тоской по недостающим образам и неизведанным тайнам природы. В наблюдаемом окружении он узрел лишь законы ограниченности, бренности, изменчивости и смертности. И все же, сквозь пелену этих ограничений, проступает ритмичность высокоорганизованной жизни, той, что некогда была воздвигнута из Хаоса в порядок. К вышесказанному осмелюсь добавить следующее. Если абсолютная пустота — полное отсутствие объектов и явлений во Вселенной, то интервал между первородным импульсом и уплотнением первоэнергии предстает замкнутым, девственным пространством. Это подобно аквариуму, еще не наполненному водой. Энергия же, как квинтэссенция движения, силы и действия, и вакуум, как арена сцепления атомов и всех видов энергий, в совокупности порождают вещественную энергию — фундамент материи. Считаю важным также подчеркнуть, что Вселенная — это плод творческого замысла, а не слепая случайность или неизбежный закон природы. Обладая формой спиральной окружности, она опровергает теории о бесконечном расширении и большом взрыве, уводящие нас в лабиринт концептуальных заблуждений. Учитывая изначальную реальность, не дерзко ли будет назвать жизнь нетленной мыслью Бога, сотканной из его сверхмощи? Так предстает перед взором человека дивный лик природы, чье стройное бытие в гармонии мироздания являет собой высший акт Божественной милости. Не подобает приравнивать эту уплотненную энергию к совечности Божеству, но можно осмелиться увидеть в ней бесконечно активную форму жизни, хотя и не безначальную. И посему, она не может быть частью сущности Бога... Божество в своей всесовершенной полноте открывается человеческой природе по мере духовного и нравственного преображения.

Ибо задача, поставленная перед человеком в земной школе, — приготовить сознание к единственному содействию Бога, усердно стремясь к слиянию с его ипостасью, что и совершается в глубинах сознания. Божественная сверхсила возвращает и насыщает бесчисленные души, а многообразие форм жизни поддерживается ее благодатным содействием. Ее беспрепятственное проникновение в человеческое сознание возможно лишь тогда, когда человек, движимый искренним расположением, с достоинством открывается навстречу. Отсюда следует, что очищение от скверны происходит через всецелое единение с Богом, требующее неустанного самоконтроля и строгой самодисциплины. Ибо естество человеческое, отчуждаясь от высшего Промысла, погружается в состояние, противоположное блаженству, тем самым обрекая себя на угасание и духовную бесплодность. Воздвигая свою волю на пьедестал высшей ценности, человек в слепоте полностью отвергает Божественный промысел и отеческую заботу о нем, тем самым обрекая себя на вечную погибель. И напротив, духовное возрастание возвышает человеческую природу к полноте внутреннего и внешнего благополучия, неразрывно соединяя его силу и волю с бесконечной Божественной благодатью. Лишь путем аскетического подвига, неустанного самоусовершенствования, достигается благочестивая жизнь. Первый смертный акт, как известно, был порожден грехопадением, но Бог не оставил без внимания возможность этого исхода. Древо познания добра и зла несло в себе незрелость, таило опасность. Но вовсе не оно само по себе, подстрекаемое воображением, породило вначале плотское вожделение, а затем и расстройство человеческой природы. В своей неизреченной премудрости Бог подверг человека испытанию в Эдемском саду, где вечное цветение не знало увядания. Возделывая райские кущи, человек должен был возрастать в познании и добродетели, хотя плоть его и была сотворена из первозданной материи, не подверженной тлению. Дух же человеческий, богоподобный по своей сути, еще не был отделен от незримой

связи с Творцом. Однако одухотворенная энергия души его была ограничена, и сознание, по милости Творца, было ограждено от преждевременной ясности мировосприятия, дабы избежать своевольных суждений о божественных творениях. И даже если вся социальная жизнь человека устремлена к Божественному лику, его скудные умозаключения все равно подвержены опасности. Во-первых, из-за плена стандартного мышления, во-вторых, из-за хрупкости каркаса опыта и знаний. Иными словами, как чувства, так и мысли человека нуждаются в Божественном импульсе. И не стоит удивляться, что для тех, в чьих сердцах нет Бога, Его закон — пустой звук. Им кажется, что нет преграды для сознательного совершения зла. Их не страшит даже помысел о том, чтобы предложить свою вседозволенность темным силам, которые жаждут подстрекать их к злу. Жизненный опыт показывает, что цель зла — опровержение человеческой духовной этики, и часто оно проявляется в извращенных склонностях. Издревле исток зла зрел как тайна за пеленой непостижимого. Лишь дерзнув отдернуть ее, человек узрит зияющую антитезу, испепеляющую своей мощью. Зло неумолимо влечет к извращению эстетических ориентиров, предопределяя отрицание высшего порядка, забвение и самоизгнание из благодатного мира, изначально человеку уготованного. Искони зло искали вне, не в сердцевине человеческой природы, где и кроется его первооснова, а в горних сферах, среди ангельских сил. Ибо лишь человек, вкусив бренную власть, испив чашу земной смерти, вознесшись духом до ангельских высот, возревновал к божественному величию. Гордыня и зависть к чадам Божиим зажгли в нем мятежный огонь. Святитель Димитрий Ростовский утверждает, что Ангелы, подобно человеку, сотворены по образу и подобию Божию. Однако, несмотря на общее происхождение, лишь человеку дарован путь метафизической эволюции, восхождения от человеческого к ангельскому, а затем и к божественному состоянию. Равно возможен и обратный путь — падение. Итак, гордый дух увлек за собой сонм

себе подобных, и восстал против воинства небесного, приняв облик зверя — дракона. И тогда, в запредельной выси, недоступной человеческому зрению, произошло их изгнание из ангельских сфер. Поднебесье стало для них временным пристанищем. И ныне, взирая на непрестанное умножение людских грехов, они, по попущению Господню, скрываясь в самой сердцевине метафизической реальности, в последний раз пытаются заковать человека в inferнальные цепи, обличая после разлучения духа с телом все грехи его земной жизни. Будто бы преграда на пути восхождения к вечному блаженству, они восстали. Ими двигали гордыня и деспотизм, подтолкнувшие к мятежу против первоангелов, что после изгнания еще сильнее исказило их первозданный облик. Тогда они стали жертвами собственных порочных помыслов, неутолимо жаждущих самореализации. Священное Писание свидетельствует о духовных созданиях, неразрывно связанных с любовью к Богу. Святой Дионисий Ареопагит учил, что через Ангелов человек познавал мир, получал законы, и еще до закона они возносили его к Божественному. Он же повествует и о чинах ангельских. Подобно тому как сонм святых Херувимов приобщен к премудрости и знанию, так и чин, следующий за ними, также вкушает от источника мудрости, хотя и в меньшей мере. Ибо по сравнению с высшими, их причастие к божественному знанию лишь отчасти уступает. Всем богopodobным созданиям дарована премудрость, но одним она дается в полноте и первозданной чистоте, другим же — вторично и в меньшем объеме. Духовные и разумные сущности наделены премудростью и знанием, истекающими из наивысшей и всесовершенной премудрости Божьей, благодаря их непрестанному послушанию. Он, в своей бесконечной мудрости, установил каждого в надмирном порядке и чине, соразмерно их силе и мыслительным способностям. Через эту небесную иерархию и передается от Первоисточника премудрость, будь то в великой или малой степени, раскрывая сокровенные тайны, высшие истины и пути восхождения от выс-

шего чина к низшему, подобно лучам света, нисходящим по ступеням мироздания. Приблизившись к постижению иерархии разумных существ в горних обителях, я узрел дивную связь их сил, мыслей и энергий, созвучно расположенных в небесном хоре. Эта гармония определяется мерой просветления, неустанным стремлением к единению с Божественной любовью. По ступеням этой небесной лестницы каждое творение, словно по ступеням света, восходит к единству с Творцом, подражая высшим чинам ангельским. Священное Писание лишь приоткрывает завесу над сокровенной сущностью духовных созданий. Ибо истинные различия их кроются в свойствах неземных, а подлинный облик являет неповторимый характер. Образ каждого духа уникален, соткан из неповторимых очертаний и чувственного содержания, и не может быть уподоблен другому. Следует помнить, что сотворенные духи, сотканые из тончайшей энергии, являют собой дивное разнообразие в ограничениях, устройстве и облике. В отличие от грубой и плотной материи нашего мира, их сознательная форма жизни поистине уникальна. Вспомним отцов Церкви, уподоблявших природу духов газообразной стихии. В их писаниях справедливо отмечалось наличие у духов тонких тел, названных так по некоему сходству с газом, хотя и отличных от него по своей сути. Несомненно, их энергетические тела являют собой бесплотную форму разумного существования. И все же, необходимо осознать ограниченность этих созданий, их неспособность преодолеть рамки пространства и времени, в которых они заключены. Где лишь Бог возвышается над тканью пространства и времени. Продолжая размышления о природе ангельских духов, чья сущность тоньше плоти человеческой, рискну предположить, что они не скованы единым с нами потоком времени, хотя и действуют в общем пространстве. Однако силы, влекущие их к достижению цели, неизмеримо превосходят возможности человеческого тела. Обусловлено это тонкостью их материи и отсутствием материальной формы, ибо их перемещение в пространстве соверша-

ется силой мысли и энергии. И в соответствии с предназначением положением и чином, каждое духовное существо наделено соответствующими дарами. В каждом из них, осмелюсь сказать, заключен неорганический состав с безграничными возможностями восприятия, а их система познания мира граничит с абсолютным преобладанием над силами человеческими. Что же до падших духов, то их неутолимая жажда противного и неблагопристойного — лишь симптом разъедающего зла, что исказило саму суть их восприимчивости, отравив мысли и чувства. В мучительном признании своего краха, они сами себя обрекли на маниакальную одержимость злом, направленную против Творца и всего сущего. Но сие не значит, что злые духи способны до неузнаваемости изменять свой облик, превращаясь в подобие живых существ. Преображение их — лишь игра теней на поверхности, маскарад, не затрагивающий их истинной природы. И человеческому взору они предстают в бесчисленных обликах, обманчивых и зловещих. По благому провидению, Бог и сокрыл мир падших духов за пеленой тайны от людских глаз, дабы утаить их устрашающий лик, обезображенный отступничеством от Божественной благодати. Чтобы не нанести непоправимую рану хрупкой человеческой душе, созерцание их отвратительного облика повергло бы смертного в пучину животного ужаса. При одном только виде этих существ его охватила бы ледяная волна безысходности, толкнув в бездну духовного разложения. Начальник зла, словно тень, неотделим от Божественной воли, ибо, как ни парадоксально, само его существование служит высшей цели — испытанию и укреплению человеческого духа. Зная о разрушительной силе зла и его демонических искушениях, Всевышний не позволяет ему бесконечно плести свои коварные сети, отводя человека от окончательной гибели. Человек, чья воля слаба перед чарами злобных духов, становится их беззащитной добычей, подпитывая их извращенную жажду собственными низменными страстями. В этой непрерывной борьбе за личное бытие ему необходимо ра-

зумное избирательство и неустанное самопознание. Со дня грехопадения взор его духа отделился от небесных высот, отвернулся от созерцания горнего мира, к которому прежде, до утраты первозданной чистоты, он неудержимо стремился. Погружаясь всем своим сознанием в параллельную вселенную Богомыслия и Боговидения, он, как творение, все же подчиняется закону ограничения, не имеющему четких границ, но всегда существующему.

ГЛАВА «БЛАГОДАТЬ СПАСЕНИЯ»

Его устремленность должна быть эхом Божественного зова любви и воли, иначе всякое собрание человеческих ценностей обернется химерой и неминуемо приведет к духовному распаду. И подобно тому, как взгляд на реальность — будь то субъективную или объективную — формирует его мировоззрение, так и нравственность его претерпевает изменения. Взирая на человеческое сознание, томящееся в оковах похоти и страстей, Бог предвещает миру явление своего возлюбленного Сына, вскоре ниспосылая его в нашу юдоль скорбей для воплощения. Облекшись в плоть и став человеком, спаситель приступил к своей миссии — исторгнуть человечество из власти тьмы и греховной трясины. Но даже этот подвиг не коснулся сердец тех, кто сознательно отринул его Божественную сущность, отказавшись признать в нем того, кто, придя в мир, учил самоотречению и жертвенности во имя высшей любви. Проповедь Иисуса, нисшедшая с небес как жертвенный гимн спасения, звучала диссонансом с двойственной природой человеческой. Ныне же вернемся к постижению духов, ибо знание сие есть целительный бальзам для души. Оно не только дарует умение различать добро и зло, что неразрывно сплетены с жизнью всего сущего, но и позволяет распознавать их благодатные проявления или зловещие рецидивы, явные и сокрытые под личиной обмана. Явление духов всегда сопровождается видениями или звуками, пробуждающими в человеке чувства, созвучные их природе: трепетный страх или сладостное умиление. И если предстают они в облике человеческом, с подобием рук, ног и прочих частей тела, да не обманет вас видимость, ибо сие лишь тень их истинной формы. Как явствуется из наблюдений, не все в их существе созвучно человеческому потенциалу. Убедившись эмпирическим путем в их искусности передавать мысли посредством словесных конструк-

ций, осмелюсь предположить, что дар коммуникации, следует отделить от сложного психофизиологического механизма человеческой речи. Ибо их энергия, пульсирующая в самом естестве, оказывает ощутимое воздействие на структуру материи, высвобождая сокровенную силу. Мудрецы древности утверждали, что разум, как и всякая субстанция, неразрывно связан с вселенским законом единства. И все же, проведя тонкое разграничение духов по характеру и постигнув уникальность их эфирных тел, мы можем уловить и сравнительные черты, принадлежащие к единому источнику силы, и изумиться их исключительности, рождающей неповторимые качества. Если их энергия подчиняется лишь порыву мысли, то и чувства их воспаряют над человеческим разумением. Тогда и природа их духа, заключенного в грубую оболочку, не требует пространных объяснений. Человек же, утратив имманентную невинность, лишился духовного мироощущения, повредив свою телесную природу и умертвив в себе искру Божественного дара. С богословской точки зрения, становится очевидным, что бесплотные духи не стоят на одной ступени с духом человеческим. И воссоединение с Богом требует от человека не только обновленной человечности, но и необходимого обожения, начинающегося с осознания собственной немощи. Но даже в своей трансцендентной выси Бог возгорелся любовью к этому хрупкому подобию Себя. Он вдохнул в него искру божественного пламени, извлек из хаоса первозданных стихий и водрузил на землю, предопределив к Богосыновству. Однако человек, едва ощутив сладость свободы воли, тут же сбился с пути, избрав тернистую тропу самости. И в этом дерзком отступлении от предначертанного Богосыновства он обрек себя на мучительное восхождение к Богоотцовству, к вершинам Бытия, прежде ему неведомым. И чтобы свершилось полное единение, чтобы избавить его от гнетущей тени зла, Бог задумал Боговоплощение — нисхождение в мир, акт наивысшей любви и самопожертвования. В многовековой мантии философских и богословских изысканий, на алтаре священных догматов робко мерцали толкования о первозданной цели нисхождения

в мир человеческий второй ипостаси Божества. Среди хоровода гипотез, объясняющих Боговоплощение, туманно проступает истинный лик явления Бога Сына. Причина эта, словно многослойный лабиринт философских догадок, таит в себе нечто большее, чем просто искупление человеческой природы от пут зла. Ибо не только в этом акте спасения заключена вся глубина божественной любви, побудившей Его явить миру Сына Своего, дабы напомнить человеку об утраченном первообразе. Рождество Христово ознаменовало собой рубеж между античностью и наступлением новой эры. В тот миг, как утверждают раннехристианские писатели, Сын Божий, облаченный в плоть, нисшел во тьму ада, дабы сокрушить его оковы и освободить праведников Ветхого Завета, томившихся в его мрачных объятиях. Святой Ипполит Римский так живописует это событие: «Привратники ада, узрев Тебя, объята были страхом, и врата медные рассыпались в прах, и верей железные пали. И вот, Единородный входит, как душа к душам. Бог — Слово одушевленное, ибо тело Его покоилось во гробе, но не было лишено Божественного присутствия. Даже в глубинах ада Он оставался един с Отцом своим, пребывая одновременно и в теле, и в бездне. «В этом намеке речь идет не о буквальном устройстве ада, но о его метафизическом бытии. Не говорится здесь и об огне, что словно соткан из самой inferнальной материи. Лишь крупницы знаний, затерянные в пыльных хранилищах древних библиотек, повествуют о нем. Попробуем же проникнуть в его глубины мысленно. Внутри этого поля, пронизанного энергией, именуемой «инфернальной», движения страстей человеческих душ многократно усиливаются. Возбуждаясь, они ввергаются в пучину непрестанной муки от осознания утраченных удовольствий. Ибо, без этого огня, их терзания не обрели бы столь жгучую силу. Души, проходя сквозь различные уровни адских мучений, подвергаются огненным испытаниям разной степени интенсивности. Между этими уровнями пролегает бездонная пропасть, и каждый из них предстает как отдельный мир, подобный земному или небесному, но отделенный непроницаемой стеной неведения. Из глубин ан-

гельского света низвергнуты были богоборческие духи, и разум их, извращенный гордыней, восстал против возлюбленного творения Бога. С пылающей ненавистью и жаждой омрачить чистоту человеческой природы, они возжелали разделить с ней духовную смерть, мучительное проклятие самосознания. Дабы осуществить свой злобный замысел, демоны обратили искусство обольщения и порабощения разума в смертоносное оружие. Зная их предсказуемость и коварство, Бог заточил их в огненные недра Солнца, превратив звезду в мрачный мирок. Вопреки античным представлениям о подземном царстве, именно там, в клокочущем пекле, они обрели свой удел. Ибо ад, подобно материальному миру, имеет свои границы. Посему, когда число падших духов в солнечной геенне возрастает, происходят не просто физические процессы, но рождаются колоссальные взрывные реакции. Погрязнув в трясине безнравственности, они пробудили неутолимого червя, чье лицо — лик грызущей совести — терзает сознание, обреченное на муки ада. Там, где разгоряченные страсти пылают неугасимым карательным огнем, ввергая в пучину невообразимых страданий. Этот огонь двоится, расщепляясь на вещественное и духовное начала: одно опалает чувства, другое — сознание, неразрывно связанное с мыслью. И если разум человека не расцветает при земной жизни, он остается в плену своих страстей, которые после смерти тела возгораются, превращаясь в вечно тлеющий уголь, предвещающий близкую гибель мира. Но если учитывать чисто физическую гибель, то будет преждевременно утверждать о незыблемости гипотезы тепловой смерти всей Вселенной. Поскольку сама структура мироздания, как я ранее отмечал, скорее напоминает спираль, в которой космические тела движутся по закрученным траекториям, то сходящимся, то расходящимся. Это открывает зыбкую, но интригующую перспективу грядущего сближения всех объектов с центром, подобным Солнцу. Здесь возникает явное противоречие с общепринятой теорией Большого взрыва, породившего Вселенную. Однако, на мой взгляд, астрономические наблюдения не столь однозначно свидетельствуют о стремитель-

ном разбегании галактик. Более того, гипотеза расширения Вселенной, лежащая в основе теории Большого взрыва, вызывает сомнения, поскольку предполагает в прошлом ее чрезвычайно малый объем, что представляется весьма спорным. Она явно акцентирует внимание на пространстве и времени, ощутивших свое рождение в момент достижения ею наивысшей плотности. Тогда в моем воображении возник резиновый шарик, жадно вбирающий воздух и раздувающийся до предела. Но если следовать этой аналогии, то Вселенная предстает не бесконечной, ведь шарик, лопнув от переизбытка, обратит свое внутреннее пространство в ничто. И это в то время, как последние теории пытаются объяснить нам старт Вселенной через эмерджентность массивности и оглушительный Большой взрыв. Однако истина, как всегда, ускользает. Как оказалось, не зря именно образ шарика запечатлелся в моем разуме как прообраз Вселенной. Если представить ее пульсирующей, то можно говорить лишь о бесконечных процессах пульсации, происходящих внутри ее космических объектов. И если Вселенная непрерывно проходит через циклы расширения и сжатия, то ее пространство, вероятно, ограничено некой линией расширения, что делает саму идею бесконечности бессмысленной при любом теоретическом построении. Но, как известно, пока что у нас есть лишь две основные теории: стационарная и пульсирующая. Итак, остановившись на мрачном описании Ада — обители падших духов, некогда ражденных людьми и ныне несущих бремя злой иерархии, я намеренно обратил свой взор к гипотезам о начатии Вселенной. В этом заключалась насущная необходимость — вывести читателя за границы привычных научных представлений, где наше Солнце предстает одиноким исполином, а за пределами спиральных галактик простирается лишь небытие. Ядерный синтез, пылающий в недрах светила, — это отголосок огненных уровней Ада, но не как изъян, а как промысел Творца, наделившего Солнце этой энергией, чтобы оно, в свою очередь, даровало жизнь Земле. Все процессы, происходящие в его сердце, метафизически обусловлены, ибо лежат за пределами физических законов.

Как и во всем сущем, они пронизаны незримой, метафизической нитью. Дабы вы не блуждали в потемках неведения, позвольте мне подвести вас к озарению: глубинные процессы человеческой личности дивно созвучны законам мироздания. Как прозорливо писал религиозный и политический философ Николай Бердяев: «человек есть микрокосм». Вселенная в миниатюре, заключающая в себе все сущее. Исток этого утверждения сокрыт в самой сердцевине человеческого сознания, несмотря на многообразие толкований о природе души. Осмелюсь сказать: сознание — это метафизический мегамозг, а душа — его энергетическая эманация, движущая сила, посредством которой сознание манифестирует себя, растет и крепнет, питаясь соками чувственного и мысленного познания себя и окружающего мира. В отличие от иных творений, человеку недостаточно просто осознать свою субъективную вину, притаившуюся в темных уголках души. На протяжении всей истории социального самопознания его преследовал мучительный вопрос: что есть грех и каковы его корни? Говоря языком древних эллинов, грех — это отступление от божественного. Но если вдуматься глубже, то в пучину греха нас повергают не страсти и вожделения сами по себе, а их неумеренность, непотребная одержимость. И вспоминая слова Сына Божьего о том, что оскверняет человека не то, что входит в уста, но то, что исходит из них, мы невольно приходим к неотвратимому выводу о подлинном источнике первородного греха. Что глубоко въелось в человеческую душу? Когда безудержная, безмерная страсть затягивает человека в водоворот противоречивых, преступных деяний, повинующихся демонической воле, — это первый шаг отступничества от своего Создателя. Но даже в полном отрыве от источника жизни невозможно достичь абсолютного небытия, раствориться в бесследном исчезновении. И вот сознание, подвергшееся разложению личности, неизбежно сливается с себе подобными до скончания материального мира, а затем присоединяется к частицам атома, чья научная природа не раскрывает его метафизической сущности. Атом, некогда ложно истолкованный наукой, по-прежнему оку-

тан пеленой тайны, несмотря на свою всепроникающую сущность. Ныне мало кто видит в нем лишь частицу сгущенной энергии. Все сущее — плод химических связей и компрессии, сотканный из плотного сплетения, структуры и соединения атомов. Но если мысленно вернуться к описанию Большого взрыва, этой гипотетической колыбели мироздания, то уместнее будет отнести его не к началу, а к апогею физического мира, к преобразованию всех его форм и проявлений. Несомненно, в архитектуру мироздания, в создание неповторимых объектов, вложена божественная сверхэнергия, проявляющаяся в четкой иерархии микро- и макрочастиц. Более того, в сферу влияния этой сверхэнергии вовлечены и феномены квантовой физики: излучение, давление, отражение, сжатие, аккумуляция, движение, расширение и соединение. Отсюда закономерно вытекает причина спиралевидной формы Вселенной: она предопределена грядущим столкновением колоссальных космических тел с Солнцем, что с фатальной неизбежностью приведет к взрыву вселенского масштаба, к химическому распаду. Иными словами, мироздание однажды подвергнется испытанию преобразованием, воспарив в иное энергетическое состояние, отринув враждебные силы и оковы физического мира, влекущие к забвению и распаду, — к законам термодинамики. Но возможна ли подобная метаморфоза и для брэнной плоти человека? Вспомним пророческое видение Иезекииля: когда пророк, ведомый Духом, очутился в долине, усеянной иссохшими костями, он спросил Всевышнего: «Оживут ли кости сии?» И глас Господень ответил: «Вот, я введу дух в вас, и оживете, и обложу вас жилами, выращу на вас плоть и покрою вас кожей, и узнаете, что я Иегова». Хотя это пророчество и было обращено ко всему дому Израилеву, не будет ли разумным предположить, что Всемогущий способен воскресить из мертвых всякую плоть, дабы каждый человек предстал пред его судом?

Мои мысли, словно непроходимые заросли, упорно сопротивлялись сомнениям, твердя об инверсионном возвращении человечества к жизни — кратком, предваряющем преображе-

ние мира. Не для того, чтобы предать нас суду, отличному от земного, где был осужден Сын Божий, а чтобы человечество, во всей своей телесно-духовной целостности, узрело вину в собственной смерти и скором завершении времен. И я категорически не согласен с философскими утверждениями о невозможности существования души вне тела, о ее неполноценности без плотной оболочки. Но, возвращаясь к истокам рассуждений, повторяю: тело — лишь уплотненная форма души, необходимая ей в состоянии материальности. Как мы уже знаем, душа и тело — две грани единой субстанции, духа (сознания). Именно в глубинах сознания разворачиваются все жизненные процессы, включая таинство телесного роста. Сознание, будучи неразрывно связано с нашим восприятием реальности, становится ареной, где разыгрывается механизм, управляющий движениями, развитием и даже исцелением тела. Иными словами, сознание, словно искусный дирижер, выполняет функцию саморегуляции, оказывая влияние на все аспекты своей субстанциональной природы. Ибо вся материя подчинена метафизическим законам, где само время рождается из потоков энергии бытия. Закон метафизического времени, соприкасаясь с грубой материей через движение, воспринимается сознанием как нечто тонкое и мысленное, в тот момент как физическое время ощущается им более чувственно и непосредственно.

ГЛАВА «ДУАЛИЗМ РЕАЛЬНОСТИ»

Дуализм реальности — это не просто разделение на материальное и духовное, а динамическая модель, где две сферы взаимодополняют друг друга, а их взаимодействие определяет путь человека к духовному просветлению и познанию истины. На зеркальной глади прочитанных строк пусть отблескивает дух, наделенный стилизацией живого энергопроцессора, осознающего реальность внутри себя. В современном мире шепчутся домыслы о нереальности всего сущего. Но есть лишь две реальности: физическая, явленная в плотных формах природы, и метафизическая — тонкая, неизменная, не скованная грубым материальным. И эти доводы об обманчивости мира не случайны. Пусть лишь наполовину, но они произрастают из фантастических грез киноиндустрии, где высокие технологии творят виртуальные миры, в которых сознание обретает облик реальной личности. И пусть эти видения — плод человеческой фантазии, в метафизической реальности сознание познает себя, словно устремляясь к нереальному восприятию инобытия. В обеих реальностях, как будто в зеркальной пляске, трепещут энергетические формы, чья суть двойка: физическая и метафизическая. Первая, зримая и осязаемая, пронизывает каждый предмет, каждое вещество, являя собой плоть физического мира. Вторая же, сотканная из тончайших нитей, влечет за собой симбиоз энергий, сплетая физическое с запредельным. И тогда становится очевидным, что все сущее в материальном мире не просто стандартизировано, но вовлечено в извечное взаимодействие не только с себе подобным, но и с надмирной действительностью. Но возвратимся к истокам человеческого разномыслия, что пышно расцветает в низинах ограниченного и изъязвленного сознания, обреченного на самовоспроизводство. Так, в разные эпохи являлись миру мыслители, чьи умы

стремились к противоположным полюсам: одни ратовали за атеистическое просвещение, другие — за религиозное откровение. В исторической панораме культур атеистические голоса настойчиво твердили о негативной роли религии, видя в ней тормоз социального прогресса и познания вселенной. Тем не менее именно естественно-научное мышление, в своей неудержимой погоне за технологическим триумфом, зачастую отвергает стремление к духовному просветлению и истинному познанию себя. Прильнув к основанию атеизма, сознание неизбежно обретает черты эгоистического и нигилистического мировоззрения. И уже в потоке атеистического вольнодумства, подстраиваясь под капризы политических идеологий и смены власти, многие устремляются к механизированному успеху, опираясь на шаткую стену псевдологии. Что же за тень сомнения пала на умы, заставив большинство возвращать химеры псевдологических мыслей, возводя искусственный быт, подобный суррогатному саду элитарной культуры и напыщенного аристократизма? Лишь немногим ведомо, что колыбель человеческой цивилизации, еще с античных времен, стояла не только на пороге совокупности общественных ценностей, но и на взлете иерархической, авторитарной власти, где особому типу личностей отводилась ключевая роль. В первозданную эпоху ее восхождением занимались самоорганизованные управленческие элиты, со временем превратившиеся в могущественные государственно руководящие круги. В то же время, темная сторона своеволия прибегала к политеистическому мировоззрению. Мотивируя свое господство над обществом якобы благосклонностью богов, жаждущих даров, почитания и жертвоприношений, они провозглашали себя синаксисом оракулов — общиной избранных, первыми посредниками между смертными и божественными сущностями. Древние боги античности, как то общеизвестно, несли в себе печать добродетели или порока, и мифология наделяла их покровительством над разными ремеслами и сословиями. Но корни этих мифологических концепций и воззрения древнего мира на них допус-

кают множество толкований. Так, некоторые уфологи утверждают, что в эпоху энеолита люди принимали посланцев внеземных цивилизаций за богов, чье явление послужило толчком к сотворению человечества. Подобная гипотеза, конечно, радикально расходится с общепринятым представлением о возникновении человека, будь то путем естественного отбора или посредством «инженерного искусства» инопланетного разума. Человек неизбежно сталкивается с колоссальными трудностями, пытаясь обосновать историческую достоверность. Если исходить из материалов истории, говоря простым языком, то рисуется одна картина, что боги античности, со временем, оказались в числе низверженных духов. И тогда аракулы, жрецы, алчущие власти, стали черпать знания и указания из их темных источников, направляя свои усилия на порабощение слепого народа. Поразительно, но не всегда духи злобы, прикрываясь именами древних божеств, требовали почитания через человеческие жертвоприношения. Если же отбросить мнения историков и взглянуть непредвзято, становится очевидным, что жертвы выбирались отнюдь не случайно: устранялись неугодные или те, кто мешал властвующей элите. Проследив истоки псевдологической склонности человека, я приложил немало усилий, дабы не упустить ни единой детали и выяснить, что в своей основе она есть не что иное, как стремление к материальному обогащению и власти. Вспомним пророческие слова царя Давида из Ветхого Завета: «Сказал я в исступлении своем: всяк человек — ложь». Отсюда напрашивается вывод: на благодатной почве желания высокого положения, социального комфорта и безмятежного существования в душе каждого человека расцветает искусство лжи. Это, вероятно, еще один пример того, как страсти, едва зародившись, становятся неотъемлемой частью его натуры, подталкивая к служению злу, к прислужникам духов злобы. Что в конечном итоге и привело человечество к глубочайшим заблуждениям и ложным знаниям. И весь современный мир тому — живое доказательство, где пропаганда лжи, льющаяся из средств массовой информации, подобна

оглушительному грохоту ядерного взрыва, в то время как голос правды едва слышен, словно журчание горного ручейка. На заре человечества, когда цивилизации купались в лучах своего расцвета, им открывались тайны мироздания, ныне погребенные под пеплом времен. Современная наука лишь робко перебирает осколки этих утраченных знаний, не создавая ничего принципиально нового. И если бы человечество постигло горькую истину о том, что власть — это семя порока, возвращающее сначала духовное разложение, а затем и духовную гибель, уводя массы в пучину соблазнов и огненную геенну, то на земле воцарилась бы гармония и нравственное процветание. Ибо власть, подобно змею-искусителю, никогда не меняет своей сущности, лишь примеряет личины, проникая в мир. Обманчивая пелена существующего мира, сотканная из накопившихся знаний, увы, застилает правду, скрывая ее в тенях. Для постижения целостной картины мироздания необходимо уяснить: Ангел — первичное творение, человек — вторичное. И бремя добра и зла в большей мере лежит на плечах человека, нежели на крыльях ангельских. Следовательно, источник зла следует искать в самой природе человеческой, а не в космических феноменах или, тем более, в противопоставлении ангельской природе. Люди шествуют по кругу земных испытаний, каждый мня себя первопроходцем уникального пути. Так неэлитарное заблуждение стало обыденностью мира. Ибо если все духовно слепы, кто узрит противоестественное? Тысячелетия лежат открытыми перед взором истории, и кажется, будто человек стоит на древнейшем краеугольном камне науки и религии. В то время как цивилизация, ослепленная прогрессом, отворачивалась от духовной истины, он искал просвещения — плода неустанного стремления к свету, исходящему от Святого Духа. Но из темных коридоров власти просочились ядовитые идеологии: сначала «разделяй и властвуй», затем — «властвуй или подчиняйся». Они были призваны отвлечь человека от созерцания природы истины, ибо она, словно яркий луч, рассеивает мрак всеобщего обольщения. Глубинная суть Божественной ис-

тины ускользает от физического восприятия, не поддается ни зрению, ни осязанию. Невозможно запечатлеть ее ни в рукописях, ни в красках, ни в предметах, ни в символах. Истина подобна драгоценному семени, упавшему на ниву сознания. Она прорастает, но тут же подвергается атаке злобных сил, либо гибнет, не успев окрепнуть, погребенная в суетливой беспечности слепого человечества. И если человек не взрастит ее внутри себя, тщетны будут поиски вовне. Не возвысится он даже над муравьем, коль не устремится к истине и разумению. Все эти понятия сплетаются в единую цепь физической и метафизической реальности, отражая откровение Бога, данное человеку и частично запечатленное в его сознании. Истина еще не постигнута им во всей полноте, как дар, требующий труда и постижения, а не как нечто, само собой разумеющееся, подобно лжи и правде. Как и в минувшие столетия, сегодня не угасают споры вокруг Священного Писания и религиозного мировоззрения, в которых неизменно стремятся отыскать незыблемую истину. Корень человеческой религиозности всегда питал стремление к осознанию своего бытия и истоков. Из Библии многим знакома последняя книга — «Апокалипсис», написанная одним из учеников Христа. Со временем, минуя философские тонкости, она претерпела переосмысление и стала ассоциироваться с «концом света». Однако, изначальный древнегреческий смысл этого слова — «снятие покровов» или «время откровения». Иными словами, это эпоха, когда человек стоит перед окончательным выбором между вечной жизнью и духовной гибелью, когда его сознание неизбежно переступит порог духовного прозрения или окончательно погрузится во тьму. В кулуарах научного мира зашептались о том, что эта таинственная, необъяснимая книга — не предвестие апокалипсиса, а заря новой эры, рассвет просвещенного человечества. Она грезит о просвещении людских масс, но в то же время предвещает и массовое ослепление. Автор скрупулезно выписывает картину грядущего, начиная с прогресса постиндустриальной системы — прогресса, что под личиной комфорта и без-

опасности превращается в инструмент тотального контроля и подчинения. Ибо Откровение — это миг, когда срываются священные печати Божьего суда и промысла. Но суд этот не в наградах и карах, а в определении духовной траектории каждого. Вглядываясь в эволюцию человеческой души, мы видим, как рушится гармония личности, повергая ее на скользкий путь тьмы, где одни жаждут власти и насилия, а другие — славы и богатства. Страсти, эти искривленные зеркала души, словно тень ложатся на духовную биографию человека, омрачая ее чистоту. И когда вглядываешься в лик Откровения, отраженный в законах мироздания, становится очевидным: законы человеческие, призванные оберегать хрупкое равновесие общества, должны произрастать из благородных побуждений, а не из бурных страстей, ведомых жаждой власти, укоренившейся со времен первобытных. И дабы проиллюстрировать это, обратимся к Апокалипсису: не стоит видеть в нем причину земных бедствий и катаклизмов. Нет, Апокалипсис — это лишь следствие. Началом же всему послужило безудержное размножение человечества и умножение его собственных пороков, что и сдвинуло с мертвой точки маховик физических и климатических изменений, несущих в себе смертельную угрозу. Религиозные сановники, словно одержимые, твердят о Дьяволе, стремящемся извести род людской через прекращение деторождения, тем самым невольно выдавая тайные замыслы темных сил. Но бесы, презрев их увещевания, преследуют противоположную цель: увековечить человеческое размножение в греховном мире, дабы непросвещенные души вечно пребывали под их властью. Это вопиющее противоречие обнажает шаткость любой религиозной иерархии, назойливо торчащей балансиrom управления из утробы государственной, политической власти. Принято считать, что экологические бедствия — исключительно порождение техногенной деятельности человека. Однако, это упрощенный взгляд, не учитывающий всей глубины проблемы. Даже в Откровении Иоанна Богослова, пророчества о грядущем, лишь отчасти касаются влияния техниче-

ских средств. Образ Апокалипсиса, всегда актуальный, остается за гранью рационального понимания, окутанный эсхатологической тайной. Но, внимательно изучая апокалиптическую эпопею Иоанна, с ее снятием печатей с таинственной книги, начинаешь понимать, что каждая печать — это символ, предзнаменование природных катаклизмов и исторических поворотов. И в то же время, печати — это священные осколки запечатленных человеческих судеб. Так или иначе, эти явления мерцают намеками на самоопределение человека, чье личностное становление преобразует окружающий мир. Не секрет, что дремлющее в глубинах древнее зло таит в себе колоссальную разрушительную энергию. Разрастаясь, эта сила обрушивается на экосферу, истощая ее жизненную энергию, что неминуемо влечет за собой природные катаклизмы. Иными словами, внутренний механизм экосистемы отзывается на духовный прогресс или регресс человечества, словно эхо, подчеркивая тем самым хрупкость и уязвимость природного мира. Необходима ясная, трезвая память, чтобы осознать тонкое созвучие между энергией человека и безбрежной сверхэнергией Бога. Это глубинное согласование, подобное невидимой нити, связующей два мира, часто именуют взаимосвязью. Или, говоря современным языком, синергией — вдохновенным сотрудничеством Творца и его творения. И вот, в момент прямого, пусть и мимолетного, контакта этих двух энергий, на человека нисходит поток Божественного дара, словно живительный дождь, пробуждающий дремлющие ростки духа. Этот дар — импульс к реализации заложенной в нем искры, к воплощению сокровенной идеи. Благодать Божья щедро изливается на сознание, одаряя его способностями, позволяющими узреть то, что сокрыто от поверхностного взгляда, ускользает от прикосновения. Эти дары ведут человека по пути к единству с Создателем, открывая завесу над тайнами незримой, неосязаемой реальности. Только Божественная благодать, в союзе с человеческим благоразумием, дарует человеку три сокровенных видения. Первое — откровение мира божественного, что становится внут-

ренней, незыблемой очевидностью. Это не мир форм и красок, не очертаний плоти, но и не бездна пустоты. Это царство иных состояний, струящееся незримым светом, озаряющее душу изнутри. Второе видение — созерцание собственной души. Благодарить и разум обнажают перед человеком зияющую пропасть его падения. Он зрит темное, смрадное дно своего сердца, где страсти извиваются ядовитыми змеями. Но именно это горькое откровение преображает душу, ибо, сокрушаясь о грехах, она взывает к Богу в покаянии, сбрасывая грязные лохмотья порока и облачаясь в светлый, венчальный наряд чистоты. Третье видение — прозрение мира окружающего. Человек видит в нем отблеск собственной души: отпадение от Бога, смутные тени утраченного рая. И тогда он начинает любить этот падший мир любовью непристрастной, исполненной жалости и боли о том, что мир сам низверг себя в пучину страданий, и глух к мольбам Божьим. Открывающиеся взору видения, ведомые антропоморфным Божеством, — это не просто проблески истины, а практические ступени восхождения к когнитивному познанию: себя, мироздания и божественной сущности. Этот путь, озаренный светом осознания, неминуемо приводит в область покаяния и преображения. Там, где человек, направляемый внутренним компасом разума и веры, навсегда изгоняет из своих деяний скверну непристойности и распущенности — порождения внутреннего зла, осколка падшей природы. Ибо всякое познание — это духовная пища, питающая разум и каждую клеточку души и тела. Оно обеспечивает неустанный рост всех составляющих человеческой природы, возвращая потребность в нравственном абсолюте и приближая к его постижению. Именно поэтому союз Божественной искры и человеческого естества столь животворен на пути самопознания — как мост от зыбкого благополучия чувств к ясности разума, от грубой плоти к возвышенному духу. Самосовершенствование — это первый шаг на трансцендентальную лестницу, ведущую к обожению, где каждая ступень — символ восхождения к новым вершинам знания. Но, рождаясь в объятиях земного мира,

человек зачастую пленяется его несовершенством, отражая в себе тень первородного греха.

ГЛАВА» РАСЩЕПЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ»

Обнаружив неискоренимую потребность в связи со сверхъестественным, человек выстраивает сложную систему духовных ориентиров, восставая против диктата социума и навязанных политических законов, чуждых истинной морали. Но даже в этом возвышенном порыве падшая природа берет свое, склоняя к поиску комфорта и усад, подчиняя все распутному нраву. Развлекательное, а не познавательное существование, словно дурман, затмевает и без того несовершенное человеческое сознание. Так, по стечению времени и наущению дьявольской мысли, человечество утратило дар естественного единства, раздробившись на пестрые этнические группы и разобщенные сообщества. Одно из них впоследствии дало рождение христианской общине, которая, разрастаясь, превратилась во всемирную религию, расщепившись на знакомые всему миру ветви: католицизм, протестантизм и православие, укорененные в иудаизме. На первый взгляд, возникновение христианства продиктовано благостными принципами, исходящими из учения Христа, которые будто бы и позволили сформировать стройную систему иерархии. Однако, если проникнуть в суть его учения, отбросив общепринятые религиозные догмы и вооружившись лишь рациональным взглядом, становится очевидным, что истинный смысл его проповеди был намеренно завуалирован притчами и многозначными словами, сокрыт от взора ученой братии и всех тех, кто стремился к власти и порабощению. Религиозный догматизм, возведенный в ранг непреложной истины, чуждый доводам рассудка, превратился в злоеущий инструмент оболванивания людских масс. Догматы, будто удавка, сжимали сознание, позволяя ростовщикам и поработителям спекулировать именем Бога Христа. Фридрих Ницше, словно

пророк, обличал христианство за его смертельную схватку с высшим типом человека, за проклятие его глубинных инстинктов, превращенных в средоточие зла. Но, вглядываясь глубже в суть вещей, мы видим, что христианство, искаженное временем и людской волей, предало светлые заветы истинного учения Иисуса. Немногие знают, что священные книги Писания, словно древние свитки, не избежали прикосновения времени и пера редакторов. В разные временные отрезки их тексты подвергались изменениям и дополнениям. Искажённые правки затуманивали чистое стекло библейских историй, уводя одних в гущу заблуждений, а другим даруя сладость угоды. Последующие толкования приобретали ложный отблеск, формируя неприступную крепость христианской доктрины, запечатанную от всякого переосмысления. И, наконец, о самом учении воплощенного Бога Сына... Долг велит мне открыть читателю глаза: существует множество Евангелий, смастеренных его учениками, апостолами. Но на Вселенском соборе, многие из них были отринуты как апокрифы, не соответствующие классическим канонам Церкви. По прихотливому стечению обстоятельств, иные, не менее значимые апокрифы, не удостоившиеся чести войти в канон Нового Завета, практически пропали в сокровищнице католической церкви, затерявшись в проходах недоступного для мира книгохранилища Ватикана. Ведь если верить апостольским сказаниям о земном пути и проповедях Христа, то становится очевидным, что учение его разительно отличалось от обиходной интерпретации любого религиозного органа власти. А поступки его порой казались, мягко говоря, причудливыми и непонятными для умов, не прозревших от неподдельной веры. И всей своей многогранной ипостасью он бросал вызов как первосвященнической, так и политической власти, противопоставляя им свои наставления. Его принцип, отрицающий всякую волю к власти, вступает в резкое противоречие с философскими размышлениями Ницше. В подтверждение приведу слова Христа, обращенные к ученикам: «Вы знаете, что почитающиеся князьями народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими. Но между вами да не будет так: а кто хочет быть большим между

вами, да будет вам слугою; и кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом». Он отнюдь не предлагал революционное ниспровержение римской узурпации, хотя невеликая группа из его последователей и грезил о подобном. Поскольку для чрезвычайно сведущего: зло, дремлющее в сердце человеческого, подпряженное волей к власти, в состоянии добиться чудовищной силы, как бы конфисковав у потомков Адама свободу выбора между добром и злом. Потому-то, через своих избранников, Бог Отец и сдерживает даже малейшее поползновение тьмы, не позволяя ей объять мир. Но, увы, на поприще истории всегда появляются и темные пассажиры. Так, дурные плевелы философии Ницше, проросшие в головах некоторых мыслителей, были положены в основу националистической идеологии, прошитой войной и насилием. Человек инфицированный влиянием зла, объективируя свои идеи, становится невольным планировщиком истории, конструируя парадигму непонимания. Это влияние струится из-за бугра физического мира, касаясь сектора человеческой деятельности. Вспоминая слова Христа о Царствии Небесном, сокрытом внутри каждого из нас, с уверенностью утверждаешь: материальный мир пронизан двумя сущностями — физической и метафизической, как Ад и Рай, неразрывно связанные. Ад — в клокочущей энергии термоядерных реакций, в пламени, пожирающем материю. Рай же — в бесконечности жизни, в вечном дыхании сверхэнергии. Все крайности и запредельности этого мира, несомненно, взаимодополняют друг друга, служа своего рода питательной средой для развития всего живого, разумного и неразумного. Именно поэтому, посредством творческого акта, Бог сотворил мир, чтобы взрастить человеческое сознание. Ибо лишь Бог вечно пребывает в самосознании и самопознании. Его мысль породила прообразы всего сущего еще до всесветной эпитомии. Все, что было призвано к Бытию, сперва возникло в его всеобъемистом сверхсознании. Позвольте повторить: мысль, исходящая от Бога, стала энергией, обретшей плотную форму — материю. Однако часть ее избежала материализации, что и обусловило неразъединимую связь физического и метафизического. И уж если я смог

прочувствовать мысль Бога, чтобы экипировать в слова ее невиданную потенцию, то с той же трепетной уверенностью обращу свой взгляд и к мысли человеческой. Ибо, подобно искре божественного огня, она обладает способностью творить и преображать мир. Человеческая мысль, окрыленная своим божественным происхождением, может преодолевать оковы материи. Но, парадоксально, она привязана к телу и нуждается в его выполнимости для перемещения предметов. Что же парализовало ее некогда безграничный потенциал? Ответ, безусловно, кроется в повреждении сознания. Мало кто осведомлен, что задолго до рассвета техногенной цивилизации человечество шло иным, эзотерическим путем, где телесная сила и сложная механика были не нужны, где мысль парила свободно, передвигая объекты одной лишь интеллектуальной энергией. Это происходило в зыбких просветах серафической эры, когда человек еще не утратил связь с ангельской природой. В ту пору разум человеческий торжествовал в мистическом созерцании, и каждая его мысль служила связующим звеном между двумя мирами. Даже изгнанный из рая и лишенный бессмертия, человек не был оставлен на произвол судьбы, в одиночестве теллурического существования. Ему было дано не только заглядывать за завесу, отделяющую зримое от незримого, но и от начала до конца переплестать свою бrenную природу с высшим творением. Но напому, что в тени технологического прогресса зрела и зловещая потребность во власти, ревностно отвращавшая человечество от эзотерической проницательности и благодатного сплочения с ангельскими сущностями. Опьяненный властью над себе подобными, человек занялся потреблением природных даров, низводя их до уровня простых предметов обихода. Сознание, некогда устремленное к небесам, впало в приземистую контемпляцию, заковав себя в оковы объективной реальности. Отвернувшись от ангельского сопричастия в следовании воле Божьей, человек воздвиг себе новых кумиров из числа тех же духов, когда-то позванных быть лишь помощниками, и пал ниц перед ними, умоляя о милости жертвоприношениями. Чтобы читатель проникся всей серьезностью соприкосновения человека

с природой и высшими силами, необходимо осознать: человек обрел самосознание в долю секунды, в самый миг творения, когда впервые пробежал взором мир вокруг. Утверждения о его якобы бездумном и неразумном проживании до потери земного рая не выдерживают критики. Ведь Книга Бытия удостоверяет: Адам исследовал мир животных, нарекая каждое тварное существо именем, выражающим биологическую роль. Таким образом, человек вступил в белый свет не младенцем, но мужественным юношей, готовым к познанию и созиданию. Когда речь заходит об исторических эпохах, отмеченных обожествлением ангелов, осмелюсь предположить, что политеистическое безумие царило как до, так и после Всемирного потопа, ставшего вехой в истории. Для меня очевидно, что ангельские сущности, подобно самому Творцу, вовлечены в мучительный процесс самоопределения человечества. Вместе с людьми они оказались заложниками дихотомии добра и зла, добровольно втянувшись в тысячелетнюю битву между ними. Что же касается допотопного мира, то, по свидетельству некоторых историков, человечество, разделенное на родовые кланы и группы, представляло собой единую, высокоразвитую цивилизацию. Этот мир обладал экстрасенсорными способностями и эзотерическими знаниями, позволявшими, среди прочего, перемещать предметы силой мысли. Я не стану подробно описывать события, предшествовавшие катастрофе. Начну свое рассуждение с истории, случившейся до того, как Земля, захлебнувшись в пучине вод, навеки погребла под собой обитателей единого континента. Предания о всемирном потопе дошли до нас не только со страниц Книги Бытия, но и в виде мифов, начертанных на древних стенах, и легенд, передававшихся из уст в уста разными народами. Конечно, эти истории разнятся в деталях, но я хочу сосредоточить ваше внимание на библейском повествовании. Однако, прежде чем углубиться в него, я должен заметить, что в процессе редакционных правок библейских текстов многие из них были тщательно переработаны, дабы соответствовать догматическому толкованию о божественном начале и возвышении еврейского народа. Что же повествует нам Книга Бытия? Она гласит

о праведнике, чье имя было Ной: «Ной был человек праведный и непорочный в роде своем; Ной ходил пред Богом. И родил Ной трех сынов: Сима, Хама и Иафета. Но земля растлилась пред лицом Божиим, и наполнилась земля злодеяниями». Иными словами, среди всеобщего падения, лишь род Ноя, по свидетельству Библии, оставался чистым и избранным. Причиной же всеобщего развращения стало то, как записано в священном писании: «сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им». Но если обратиться к Священному Писанию, пред нами разворачивается генеалогическая сага народа, нареченного Евреями. Прародителем его, по мнению многих толкователей Библии, был Сим, один из сыновей Ноя. Покинув колыбель Араратских гор, род Симов обрел пристанище на плодородных равнинах Сенаара. И мало кто ведает ныне, что допотопный мир не был погружен в хаос безвластия. В те времена из каждого рода выделялись избранные — элита, чьи мудрость и опыт направляли жизнь всего племени. Лишь эти посвященные хранили знания предков, владея ключами к могуществу, скрытому в материальных сокровищах и дарах природы. Род Ноя, озаренный духовным светом, тем не менее, стоял особняком среди племен той эпохи, которые были как отшельники, не разделяющие ни стремлений, ни прогресса современной им цивилизации. Быть может, именно поэтому, внемля гласу Божьему, Ной принялся за строительство ковчега, используя лишь дары природы и незамысловатые инструменты. И вот уже не одно столетие археологи всего мира безуспешно пытаются разгадать тайну доисторических артефактов, рассыпанных по лику Земли, словно звездная пыль. Где каждая подобная находка ставит под сомнение устоявшиеся представления об истории человечества, бросая вызов привычной картине мира. Всматриваясь в строки Книги Бытия, где повествуется о том, как Господь Бог насадил Едем в восточной стороне и поместил туда человека, им сотворенного, невольно замираешь перед необъяснимой загадкой: зачем Творец создал человека вне райского сада, чтобы затем ввести его в сию благословенную обитель? Человечество, покорив просторы космоса, упорно глядит на лики планет Солнеч-

ной системы, но тщетно — многовековые надежды на обнаружение жизни в этих безжизненных долинах так и не оправдались. Но значит ли это, что жизнь навеки чужда этим небесным телам, что сами условия бытия исключают малейшую возможность ее зарождения? Или же в их молчаливой истории хранятся тайны, неподвластные нашему разумению? Неизведанные места космоса, хранящие в себе безмолвные секреты, издавна манят множество ученых, неустанно желая отыскать в его просторах следы жизни. Марс, одна из планет нашей Солнечной системы, по данным орбитальных исследований, некогда мог быть средой водной стихии — рек, озер или даже бескрайнего океана. Что же обратило разрастающийся мир в безжизненную пустышь, лишив его надежды на существование? Исследуя космическое пространство, наука пока не может дать однозначный ответ, раскрывающий подлинную причину этих метаморфоз, оставив нас наедине с еще одной завораживающей загадкой Вселенной. Просто нельзя не отбросить в сторону две распространенные, но несостоятельные теории о пульсирующей или расширяющейся Вселенной — я уже доказывал, что они теоретически несостоятельны и являются заблуждением. Вселенная, имея спиралеобразную макроструктуру, по определению несовместима с понятием бесконечного пространства. Более того, каждая планета, потенциально пригодная для существования, содержит микроэлементы, достаточные для биогенеза. Однако, для зарождения жизни требуется оптимальное расположение относительно Солнца, а также соблюдение определенного цикла спирального вращения космических тел. Именно расстояние от него и положение каждой планеты на гелиоцентрической орбите также, как и многое другое влияет на пробуждение или замерание полиморфной жизни. Взирая на доступную область Вселенной сквозь призму современных технологий, мы видим бесчисленное множество галактик, каждая из которых — звездная система, где все подчинено спиральной оси вращения. Эти космические вихри, разворачивающиеся в масштабах, измеряемых световыми годами, не уловимы для невооруженного глаза. Вселенная дышит, словно живое существо:

ее спиральная макроструктура то сжимается, собираясь в тугий узел, то расширяется, расплескиваясь в бесконечность, подобно каждой отдельной галактике. И если в центре нашей Солнечной системы сияет Солнце, то серединой всего мироздания является гравитационное поле — невидимая, всемогущая сила, куда по Божественному произволению притягивается все, что было вызвано из космического вакуума. В наши дни, когда казалось бы, все человечество обращено к звездам, в кругах астрономов не утихают споры о судьбе всеми известных планет: были ли они созданы лишь для космической гравитации, обреченные оставаться бедными странниками Вселенной? Или же их уникальные характеристики, шепчущие о вероятности жизни в минувшую эру, несут в себе неразгаданную тайну? Парадоксально, но зачатки внеземной цивилизации, как будто спрятаны на самой Земле. Так, древние артефакты, обнаруженные в Египте, к югу от Гизы, — черные гранитные ящики — таят изображения, поразительно похожие на летательные аппараты и существ, смутно напоминающих современных космонавтов.

ГЛАВА «БИБЛЕЙСКАЯ ДЕКОНСТРУКЦИЯ»

Даже будоражащие фантазии допотопные находки уродили теорию о том, что Земля в незапамятные времена могла стать яслями для инопланетного разума. Если помыслить, что такое знаменательное событие действительно могло быть до начала отсчета нашей исторической последовательности, то напрашивается вывод о едином исходе всех наскальных рисунков, мифов и преданий, толкующих о визитерах из космоса. Всем нам знакомы захватывающие киноленты о межзвездных странствиях и колонизации далеких планет. Но проблема в том, что мы пока бессильны перед лицом смертоносной солнечной радиации, чье облучение влечет за собой развитие рака и множества других фатальных заболеваний. В анналах паранауки, ветхозаветные откровения пророка Иезекииля ныне толкуются как зашифрованное описание приземления космического корабля пришельцев. Однако, умозрительно раглядывая мозаику видений Иезекииля, можно уловить отголоски некоего первобытного происшествия, эхо, доносящееся из омуты доисторического прошлого. Не кроется ли здесь крамольная мысль, что обитель человека находилась вовсе не на Земле, а на одной из планет нашей Солнечной системы? Представим себе человечество, неуклонно восходящее по лестнице технологического прогресса, чьи корабли бороздят космические просторы, но чей организм не в состоянии выдержать бремя межзвездных перелетов. На ум приходит лишь одно — потребность в производстве биороботов — бессмертных помощников, пионеров и колонизаторов, могущих донести высокие знания до новых миров. Что не говори, но все научные переделки и кардинальные повороты человечества, словно упрямые маятники, ясно демонстриру-

ют: верни его в отправную точку, и оно, спотыкаясь и взлетая, вновь пойдет по прежнему кругу. Не потому ли это заставляет задуматься, что и в других уголках Вселенной, на иных планетах, разворачивались схожие исторические драмы? Уверен, после этих слов несправедливый гнев всякой Церкви может обрушиться на мой философский труд, а меня предать анафеме, противопоставляя моей точки зрения божественную волю, исключающую повторений. Но разве можно отрицать, что Господь, в своей необычайной мудрости, попускает на Земле и реки крови, и братоубийственные войны? Сегодня нереально вообразить человека, достигшего вершин духовности в цепких лапах автоматизации и цифровизации. Где страшное грехопадение сбilo его с тропы к настоящей духовной идеальности, толкнув в потеху паразитизма и эксплуатации окружающего мира. Вселенная обычно представляется единым часовым механизмом, где даже самое малейшее вмешательство Творца в одну деталь непременно повлечет за собой изменение следующей, более значимой. Так и с природой человека: поврежденная, она ставит свою волю превыше воли Божественной, тем самым медленно нарушая и хрупкое равновесие всей экосистемы. А теперь вновь вернемся к страницам Книги Бытия, чтобы увидеть реалии потаенных в ней повествований. Гипотетическое путешествие в архаические века приводит к неутешительному умозаключению: человек, побуждаемый интересом к власти, повернулся в сторону порабощения себе подобных. Переполаясь эгоцентризмом с самовозвышением над ближними, он приступил безжалостно истощать природные богатства, вдохновляясь идеей модернизации привычного нам мира. Иначе говоря, в безудержном рвении к выживанию и обогащению, человек, преуспевая в присвоении природных ресурсов, безудержно погружался в познание лишь материальной субстанции, все дальше отступая от духовного просветления. Впрочем ветхий Завет недвусмысленно рассказывает о причинах, предшествовавших всемирному потопу, случившемуся около пяти с половиной тысячелетий назад. Хотя лично для меня не но-

вость, что в те ветхозаветные дни было мало подверженных алчности и физической ненасытности, как и возвеличиванию над ближними через умелое их использование. Несмотря на это библейское Предание гласит о «сынах Божиих» — таинственных существах, которых некоторые толкователи видят как воплощенных ангелов, падших жертвами соблазна земных женщин. Но не будет ли ошибкой назвать их ангелами, если сама ангельская природа отвергает телесность и склонность к человеческим страстям?

По факту, все эти библейские обстоятельства упрощенно свидетельствует о том, что любой отказ от первозданности, как и все, что творится внутри человека, оттенено протестом и отрицанием, разбуженных душевным изъясном. В этом смысле не один из ангелов не повадлив к нахождению в самом себе поврежденной природы, которая противится чистой нравственности, увлекаясь многогранными соблазнами внешнего мира, как и своей противоположностью, олицетворенной в женском начале. В наш век, переполняясь знаниями психологии, многие заявляют, что люди со стереотипным мышлением тянутся к стадному чувству и коллективной воле. Но в допотопные времена коллективная воля и сознание еще не нажили той взаимозависимости, которую мы наблюдаем сейчас. Но и стереотипы, застывшие в разуме, властны увести человека от благодатных деяний, заслоняя собой ослепительный образ пречистой Божественной энергии, в коей так нуждается его душа. И вот, все его внимание сконцентрировалось на идентичном существе, но отмеченным печатью иного пола. И хотя влечение не заложено в тварном начале, со временем оно срасталось с его естеством, когда вместо совершенной любви он воспытал желанием свою противоположную половину сделать участницей плотских утех. В тот же самый миг, когда и ее тело ощутило первое, всепоглощающее возбуждение. После чего, Бог, словно не находя иного выхода, благословил их на плодovitость и умножение. Но в этом благословении таилось предопределение: сквозь века множась человечества зацветут сады любви и совершенства. Узрим же

глубже таинственную истину. Благословение на размножение было лишь действенно до рождения Бога Сына. Но когда свершилось святое искупление человеческого греха посредством его крестной смерти, то этим самым случаем, на метафизическом уровне, своей Божественной силой, он как бы вторгся во владения человеческой природы и привел ее к непредотвратимой делимости при смешении с подобным. Выражаясь иначе, в момент телесного соития и завершения земного пути, изначальная целостность духа и души, стала как бы расчленяться. Когда дух отделяется от своей энергетической субстанции, что от мужского семени физиологически переходит к потомству. Наверное, поэтому апостолы советовали оставаться в грешном мире детьми: о чем ясно объясняют слова Христа: Будьте как дети, ибо таких есть Царствие Божие. Тем не менее, укоренившаяся в церковной традиции интерпретация, сводит смысл этих слов к сохранению детской невинности лишь в моральном аспекте. Удивительно, но это толкование в дальнейшем и послужило благородным, но в конечном итоге необдуманым стимулом одобрения священников к безмерному деторождению, захлестнувшему человечество. По этой причине исконный и гипогенный ориентир искупления не мог быть вмещен в прокрустово ложе общепринятых церковных догматов, что по мнению церковников, противоречил задаче привлечения непросвещенных к их псевдосвященной власти. Хотя таинство искупительной жертвы в какой-то степени давно обозначена, положено более отчетливо прояснить ее истинное назначение. Как правило, понятие искупления не стыкуется с одним только избавлением от греховного гнета и темных сил, но заключается в том, чтобы человек, следуя примеру Христа, сберегая некую первозданность души и духа в Божественном свете, нес свой крест как символ распятия родовой скверны и духовной ответственности за весь свой род. Такая духовно-нравственная методика должна прекратить всякую тиранию над человеком, равно как и тиранию самого человека, через окончание людской беспечности. Потому, расценивая то, как человек, отстранившись от общего хора, в одиночестве взы-

вает к своему самосознанию, и как человечество, погрязнув в примитивном существовании, утратило свой первообраз, Бог был вынужден в последний раз направить его к своей воплощенной истине. Истине, призванной сколохнуть мир концепцией переосмысления и свободного отречения от слепого репродуктивного предрасположения. Там, где дарованное время, делается ценным лишь тогда, когда он всецело посвящает себя исполнению высшей миссии. Даже находясь в духовной незрелости, и терзаясь муками падшего бытия, он долженствует прийти к осознанию бессмысленности в интуитивном продолжении рода, дабы нацелиться на отдаленный свет преображения. Уже давно пытливые интеллектуалы рассчитывали воспринять мистерию истины. Так, некоторая часть философов эпохи «Ренессанса» уверяла, что она постигаема лишь в строгих числах и математических символах. В действительности, подлинная истина, словно небесное светило, восходит не над материальной плантацией, а над плантацией духовного созерцания. Она неизменна и едина, пронизывая все сущее, всегда обнаруживает себя в единстве познаваемого. Так как все, наделенное разумом, добивается вечного единства с создателем. И вот, в духе осознания нуждаемости в антирепродуктивной позиции, становится очевидным: страсть к власти, этот извечный человеческий порок, может быть повержен лишь объединенными усилиями, общим осмыслением. Как это ни противоречиво, но успех в этом, судя по всему, определяется полным прекращением самовоспроизводства, через отказ от увековечивания порочной родовой линии. Она вполне продуктивная, и в ней вовсе нет никакого негатива. Можно сказать — это позиция встречает свою собственную ипостась в феномене монашества — особом укладе жизни православных христиан, пришедших к отречению от мирских благ. Изначально названное от греческого «монос» — «один», монашество — это не столько буквальное одиночество или бегство от общества, сколько исключительная редкость самосохранности и твердой воли к единению с Богом. Задумывались ли вы, почему в христианстве столь высоко почитаются целомудренные

девственники? Не только для того, что человеку подобает соизмерять свою природу с непорочностью, шагая к духовному совершенству, но и для того, чтобы вобрать в себя всю жизненную энергию, передававшуюся из поколения в поколение. Чтобы все духовное обилие человеческой души сконцентрировалось в едином, неделимом целом, а не рассеивалось во множестве отдельных проявлений. Вместе с тем, рассматривая истину со всех сторон, хочу также напомнить о том, что и астрологическая система приоритетов тоже претендует на истинный порядок вещей. На мой взгляд, предсказания о грядущем, по расположению космических тел, тотально оказывавшие влияние на человека, — пустая трата времени. Астрология, которую многие небезосновательно считают лженаукой, предлагает перевернутую картину мира. Человек — вот истинный объект на земле, влияющий на окружающую реальность, а не пассивная цель воздействия звезд на расстоянии. Эта простая алефсия разбивает в пух и прах все астрологические построения. Поэтому не стоит ждать прихода эры всемирной добродетели, ради которой мироздание якобы исправит свой ход, предотвращая катастрофический провал. Скорее, замедление или ускорение времени в руках созидания новой жизни или отрешения от ее нескончаемости. С уверенностью можно излагать, что Космос, сколь бы величественным ни был, властен лишь над природными процессами, а не над судьбами человечества. Тогда как при наблюдении за необъятностью внеземного пространства, человек непрестанно искал с ним пеструю связь, мечтая безошибочно признать его тем, что аналогично Божеству. Таким образом стали повсеместно укрепляться ложные учения и разобщенные культы в окружении тех, кто палгался на убежденность в богоизбранности и религиозной исключительности, ставших политическими рычагами для манипулирования людьми. Но во Вселенной, где космосвязь охватывает все, что одухотворяет человеческую деятельность, каждая струна бытия гармонирует с другой, и все аспекты жизни взаимодействуют в сложном хороводе взаимозависимости. Немного позже, когда человек начал распорядиться изделиями

природы, извлекая из них пользу для своих нужд, между ним и природой встала дисгармония, повлекшая к деструктивным последствиям. Но так было не всегда. Вспомним райские кущи, где даже древо познания добра и зла выступало в роли отправной точки для принятия, как бы внутренней резолюции, предопределявшей его последующую участь в физическом мире. А когда, раздумывая о существующем философском учении, признающем наличие двух противоположных сил, я невольно узрел картину его двойственной основы, отзеркаленную во внутреннем мире человека. Мне как будто почудилось, что эта раздвоенность — плод какого-то рокового, необдуманного вердикта, ставшего причиной разделения мира на две враждующие силы. Вспоминается древнее религиозное воззрение о том, что началом зла стало падение ангела. Но разве возможно, чтобы существо, изначально чистое, покорилось злему началу? Ведь ангел, в отличие от человека, не был поставлен перед сложнейшим спектром решений и выборов. Его среда обитания, в своем первозданном умиротворении, не требовала определения будущего, не вынуждала к мучительному поиску пути. Но как мы видим, благодаря этой двойственности каждый человек ходит по кругу ежеминутного самоопределения и выбора, где обиходное действие приближает либо к вершине Божественной истины, либо к низине заблуждений. Ввиду этого человеческое сознание в отдельных случаях расщеплялось на три формы: психосознание, плененное внешним внушением, гипносознание, часто рисующее мир по своему усмотрению, и транссознание, всюду зрящее реалии без прикрас. Параллельно с этим из века в век прорастали темные семена пороков, утаскивая всякое людское общество в открытые просторы фиктивных понятий и отрицательных ценностей. Ибо порок — это не что иное, как родовая предрасположенность к противоестественному, дремлющая в каждом из нас. Ведь все пороки вырастают из почвы сознания, изъеденного кривизной и косностью в своей неподвижности. Но главным образом, именно они ведут к активации самоанализа и самоконтроля, подталкивая его к тягостному самоисцелению. В этой

внутренней борьбе, оно, освобождаясь от пут порочности, ищет для себя абсолютной независимости. В идеале, сознание преодолевает технику повторения, сбрасывая с себя прочные цепи репродуктивного влечения. Так оно устремляется к небосводу совершенства и единению с Божественной святостью. Лишь разорвав этот порочный круг рождений, можно смело обрести уникальную транссознательность, с альтернативным мировоззрением и естественными ценностями, вырываясь из захвата низменных желаний. Само это влечение низводит человека до уровня животного инстинкта, где единственной целью становится продолжение рода. Безусловно, нельзя отрицать и чудо нового появления сознания, возникающего вместе с органическим телом. Но если мы говорим о сознании как о новой жизни, то следует признать, что все остальное лишь приносит ему начало и силы. Душа, словно форма энергии или энергетическая субстанция, переходящаяся из рода в род по ряду поколений, происходящих от общего предка, является искоркой, зажигающей его новое рождение. Ибо как мужское семя порождает и возвращает новый организм, так и эта энергия дает жизнь и развитие креативному сознанию. Из этого явствует, что душа — жизненная энергия, подобная семени, содержит в себе ингредиент наследственности, своего рода информационную программу, уготавливающую структуру сознания. В ходе становления оно наполняется неповторимыми чертами индивидуальности. Если бы душа приходила в мир уже сформированной, с готовым набором личностных характеристик, то ответственность за ее сущность возлагалась бы на некую предопределяющую силу. Однако, после пришествия Сына Божьего, человеческая душа лишилась одаренности в самовоспроизводстве, но обрела умение творения нового сознания. В этом и заключается заложенное Христом начало антирепродукции, оказавшейся результатом метафизического вторжения в саму природу человека.

ГЛАВА «ЖЕРТВА И ИСКАЖЕНИЕ»

Иными словами, когда завершится нескончаемая череда размножений, индивидуальное сознание, человеческая личность, навеки избавится от уз родовой нечистоты, греха и даже собственной брэнной оболочки. Субстанция, прежде одержимая жаждой биогенеза, совместно с плотью, перестанет склоняться к земному бытию. Но нельзя забывать: с каждым новым сознанием, рождающимся в мир, Бог заново предназначает испытательные уроки жизни, но всякий раз, рожденная личность восставала против его предначертаний. Дабы положить конец этому духовному бунту, он возжелал послать своего Сына, и через его крестную жертву наградить началом спасения, посредством нового учения. И как единственная надежда надвигающейся эпохи, забрезжила Божественная идея воздвигнуть новый храм — символ духовного единения белого братства, призванного сокрушить ветхие и слепые догмы иудаизма, реализованные в трех его течениях: фарисейства, саддукейства и ессейства. Увы, служители культа, враждебные рациональному взгляду на личность и учение Христа, вскоре извратили его слова о таинственном воскрешении: «Разрушьте храм сей, рукотворный, и я в три дня воздвигну другой, нерукотворный». Истинный же смысл кроется в предвестии возведения нового закона — закона о всеобъемлющей и бескорыстной любви, могущего предотвратить безжалостную реформу всевластия зла и порока, разъедающего человечество. Весьма очевидно, что отождествляя воздвижение нового, нерукотворного Храма с воскресшим на третий день телом, он сокрыто вложил глубокий смысл в свои слова. Помимо прочего, он подразумевал, что под покровительством и действием данного им Закона совершится полнота духовного просвещения для тех, кто сознательно шествует к воссоединению с силой Божественного духа, любви и истины. Для тех, кто скидывает тяжелые кандалы

человеческих законов, бесщадно производящих мнимые аргументы о безбожном, доминирующем сверхчеловечестве, погрязшем в служении страстям и порокам с торжеством лицемерных моральных принципов. Придя к истерзанному римской узурпацией иудейскому народу, Бог Сын увидел не просто духовную тьму, но крошечную слепоту, что гуще прежней пала на людское сознание. Притворное фарисейство, надменное саддукейство и самодовольное есеейство, в безумной борьбе за религиозную доминацию, лишь усугубляли нарастающим мраком тщеславия народное положение. Ритуалами и обрядами они поработили души, словно пастухи — стадо. Несомненно, промысел Отца Небесного определил воплотиться Сыну именно среди иудейского этноса, в котором могло созреть не только зерно будущего зла, что покрасилось бы кровавым цветом предположительного будущего неосионизма, соревнующегося в жестокости с расовым англосаксонизмом, но и возможно превратившегося в мировое зло, в лик самого Дьявола, что повлияло бы на геополитику мира и на марш самой истории. Вспомните, как говорил Иисус: «Я послан только к погибшим овцам дома Израилева». Ибо если бы избранный народ, отказавшись от небесного и благодатного жребия, безотменно перешел в мировое зло, приняв облик «князя мира сего», то это означало бы масштабное рабство, лишенное надежды на спасительную меру для всякого человека. И это потопило бы время Апокалипсиса, в которое человечество уже вступает сегодня. Вряд ли нуждается в пояснении, что все, принесенное Христом свыше, изначально было уготовано лишь иудеям. Надо признать, что только иудейский народ с веков Египетского царства был освещен ореолом монотеизма, не зная ни многобожия, ни даже атеистических верований. Я не хочу соглашаться с тем, что Иудейская земля была единственным очагом божественного просвещения, ограниченного одной территорией. И тем более, что ей суждено было стать центром новой, доселе небывалой религии. Поскольку такая система взглядов немыслима без организации, сосредоточенной не только на традиционных формулах веры, но и на непогрешимости своих вождей. Для

полного раскрытия этой темы воспользуемся Библией, этим многократно отредактированным сводом, где в искаженном Синодальном переводе мы читаем роковое: «нет власти не от Бога». В то время как в греческом оригинале звучит тонкая, но решающая фраза: «не есть власть, если не от Бога». Нужно ли пояснять, с каким усердием приверженцы религиозного правления на протяжении тысячелетий скрывали и искажали эту истину, погребая под спудом лжи сакральный смысл священных текстов?

При этом я также не хочу одобрять высказывания таких теоретиков, как Карл Каутский, чьи измышления искажают истинные корни христианства и всецело пятнают имя личности Христа. Тем не менее, нельзя отрицать его проницательность в отношении того, как христианская церковь со временем превратилась в инструмент власти. И здесь я вновь подчеркну: власть, как таковая, зачастую является изображением самой сути зла. Разве не Дьявол, зацикленный на бремени глобального господства, развязал жестокую войну за души человеческие, намереваясь совратить их сознание, отведя от сияния истины и добра? В тот самый момент, когда зло, сопровождаемое противоестественным выбором, зародилось в самом сердце первого человека, а отнюдь не небесного создания, как извращенный силуэт его собственной природы. Наверняка, никто не осознает, что словно оторвавшись от телесной оболочки и воспарив в ангельские сферы, будущий противник Бога, за приметив, как легионы ангелов денно и ночью пекутся о человеке, как существо это стало средоточием их помыслов и забот, вскипел неудержимой яростью. И согласно несменным русским легендам, где описывается желание Сатаны, известь людей примерно с дерзостными словами, обращенными к Божественному величию: Я изведу истинных детей твоих!, в нем мгновенно разгорелось пламя открытого мятежа. Так началась великая смута в ангельском воинстве. Но независимо от того, насколько высоки их небесные обитатели, им еще не дано вкушать полноценного райского блаженства, где вечное движение любви есть сама стержень бытия. Нереально с точностью установить, кто первым высунул из своей израненной души ядовитое

жало ненависти ко всему, что зовется нравственностью, ко всему, что подпитывает любовь и единство. Впрочем, один мой знакомый, доктор философских наук (имя его останется в тени по его же просьбе), не оспаривая прямо мои размышления, как-то заметил: возможно, тот, кто сумел опредметить в себе столь могущественное зло, кто заслужил зловещее прозвище «Сатана», был либо Каин, запятнавший руки кровью брата, либо высокомерный царь Вавилона, Нимрод. И лучшего доказательства, чем слова Иисуса, не найти: «ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи». Как доподлинно известно из древних иудейских преданий и святоотеческих наставлений христианской Церкви, укорененных в библейской Книге Бытия, первозданным истоком зла явилось низвержение первоангела. Дабы совершить искушение, он облекся в личину лукавого змея в райском саду. Для ясного понимания истины подойдем к рациональному осмыслению аутентичного сюжета библейского повествования. Напомню вам слова Писания: «Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог». Неужели буквальный смысл прямо указывает на то, что змей был одним из полевых зверей, и его тварная природа, хотя и была животной, но наделенной сознанием?

Это однозначно должно подтверждать, что по предусмотренной интенции Творца, создание разумного существа, владеющего свойством речи, должно было стать испытанием для человека — проверкой его осознания своего места в мире и преданности Создателю. Змей не был предопределен быть искушителем, подталкивающим к плодам познания добра и зла. Но поскольку Всевидящий запретил вкушать от древа, то и наказание змея стало неизбежным, публичным актом справедливости. Как сказано в Книге Бытия, Господь обратился к змею: «За то, что ты сделал это, проклят ты больше всех скотов и всех диких зверей; ты будешь ползать на чреве твоём и есть прах во все дни жизни твоей». Выходит, его слова,

произнесенные Змею, с неотвратимой ясностью говорят о том, что его кара — это полное затмение разума, низвержение в пучину звериных инстинктов. Такова, в своей сокровенной сути, Книга Бытия, допускающая многообразие толкований. Но сквозь пелену веков в ней явственно проступает целостная панорама, готовая опровергнуть любые попытки исказить библейскую истину. Увы, постичь до конца гениальную мысль Творца, сотворившую это дивное чудовище, — задача непосильная. С учетом всего этого, нельзя не отметить, как внешние обстоятельства той эпохи лепили сознание людей, надевая на них одежды религиозной и политической организованности. Когда всякое руководительское действие требовало мнимого уверения в том, что библейские события были изложены так, чтобы только посвященные служители господствующей Церкви могли в грядущих веках постичь их истинный смысл. Но не сложно догадаться, что не из этого источника проистекали заблуждения о тонком теле первого человека до грехопадения и о змее-искусителе, скрывавшем под своей личиной падшего ангела Денницу. И будет вполне обоснованно полагать, что в райской обители человек, ведомый дланью Божьей, был абсолютно огражден от саморазрушения и губительного воздействия мира. В Эдеме, где не обитали хищные звери, способных ранить его телесный покров, он безмятежно внимал дивной гармонии. Исследуя животный мир, он властвовал над каждой тварью, позволяя лишь избранным входить в свой заповедный сад, по одному велению мысли. Опираясь на представленные суждения, можно утвердительно сказать, что человек тогда высился над окружающей природой, чье увядание еще не касалось его. И которая не была еще настроена совместно с ним на акт физического разложения. Где каждая форма жизни, по Божественной воле, безропотно ему подчинялась. Лишь змей, казалось, не признавал этого превосходства, занимая скорее позицию отстраненного наблюдателя, нежели близкого собеседника. Долго размышляя о подлинной причине создания этого существа, я заключил: образ

змея должен был ассоциироваться с внутренним состоянием человека, отражающимся при взгляде в его мудрые, холодные глаза. Это разумное существо должно было стать живым символом торжествующего животного начала и духовного расстройства, где инстинкты берут верх над разумом, что в свою очередь, ознаменовало первое проявление злой силы. Такой разлад — веская причина укоренения зла в самой человеческой душе. Но этот первичный порок отозвался уже не в первозданной, а в первородной природе человека, без какого либо сопротивления. Говоря иначе, мои высказанные мысли вынуждают непреднамеренно забрести в субъективную реальность, где человеческое естество внутренне обречено на затяжной конфликт с животным, воздвигая между ними непреодолимую пропасть. Но разве не сквозит в людских поступках звериное главенство, напоминая о ломкости этой грани? Быть может, стоит прислушаться к Ницше, осмелевшему лишить человека гордого звания «венца творения», низводя его до уровня прочих обитателей земного шара? Несмотря на кажущийся абсурд, в человеке, подобно зверю, властвуют инстинкты размножения и неутолимое хотение власти, что непременно представляется проявлением духовной деформации. Вероятно, поэтому первозданные люди не могли дать потомству должного воспитания, раз уж потребовалось вмешательство ангельских наставников. Не имея опыта в этой категории, человечество в потоке времен питало и обогащало каждое новое поколение лишь материальными веществами, не возвращая в них естественные духовные ростки. В те самые моменты, мир еще не превратился в суровую школу выживания, где, сталкиваясь друг с другом, человеческое сознание приобретает болезненные формы, претворяющие зло во всех его обличьях. Косвенным подтверждением тому служит и печальное уподобление человека миру животных. Словно подражая братьям своим меньшим, он порой унижает собственное достоинство, вместо того чтобы возвыситься над инстинктами, которые капитально укрепившись, медленно стиму-

лируют духовное оскудение. Тогда как человеческий разум, пусть и несовершенный, отличает нас от зверей, позволяя преодолевать границы их предсказуемого существования. И только в порывании к высшему, как мне кажется, человек легко может освоить высокую организованность, создавая упорядоченное общество, скрепленное моральными законами. Из далеких мифов и преданий, до нас доносятся отголоски архаики, когда внутренняя скверна человека, как зловонный гной из раны, прорывалась наружу, уродуя его внешний облик. В те мрачные времена, когда человек опускался до скотского греха, совокупляясь с животными, его низменные инстинкты нарушали хрупкую структуру генетического кода, что приводило к чудовищным мутациям, порождая существ, обезображенных антропоморфными чертами. Разумеется, это были не массовые явления, захватывающие целые народы или мир, а локальные вспышки, происходящие в изолированных ячейках общества. Отверженные, пораженные мерзким грехом, эти особи бежали в дикие, безлюдные места, сторонясь существовавшую на тот миг цивилизацию. Но было бы роковой ошибкой конкретизировать подобные происшествия, как следствие воли Божьей, представляя ее карающим орудием, использующимся в гневе. Скорее, следует взяться за рассмотрение деформированного сознания, который на генетическом и физиологическом уровне ухудшает органическую природу тела. Бог же остается безучастным к этим внутренним трансформациям, не препятствуя движению заложенных в нас сил. Ибо таков предустановленный им механизм: сознание, адаптирующееся к внутренним и внешним переменам, порой ценой нелепых мутаций. Бесспорно, я могу позволить себе мысль о Божественном вмешивании только как о тонком импульсе, благоприятствующем духовному восхождению, и о помощи в самоидеализации. Как я уже отмечал, все сотворенное естество комбинирует в себе все незримые силы, и все, что рождается в его лоне, резонируется во всем мироздании. С самого начала было задумано, чтобы человек ощущал себя твор-

цом собственной судьбы, причиной всего, что с ним происходит. Хотя Богу было бы под силу выступить в роли всемогущего кукловода, будто жонглируя реальностью вопреки человеческой воле. Для него это несусветно и невообразимо. Иначе он предстал бы в глазах человека не как источник благодати, а как генератор страданий, затрудняющий его и без того непростое положение.

ГЛАВА «ДИАЛЕКТИКА КРЕСТА»

По правде говоря, Бог предстает скорее как небесный дирижер, чутко внимающий усердным мольбам человека, направляя его на путь назидания. Но когда уроки, преподанные свыше для предотвращения неминуемого, остаются не усвоенными, Бог, через своего единосущного Сына, вручает крест — метафизический дар, символизирующий духовную ответственность. Крест сей есть средство умерщвления зла и воскрешения добра, избавления от наущения инстинктов и обретения сверхсознания. Через ношение креста, в этой битве противоположностей, человек подымается на высшую точку жизни, на вершину имматериальной Голгофы. В этом и заключена кульминация восхождения человеческого духа — прорыв во вневременное состояние Бога, навеки минув ангельские обители. Когда он более не нуждается в череде становлений, в восхождении по ступеням от человеческого к ангельскому совершенству и, наконец, к божественному апофеозу. Но дабы преодолеть жизненные испытания, не пав жертвой собственного греха, где сила без надежды на спасение смешивается с человеческой природой сознания, необходимо не просто воплотить антирепродуктивную идею Бога, но и в каждой грани своего бытия стремиться к связи с первоизданным источником истины, противостоя злу всей мощью своей физической и психологической стойкости. Для того, чтобы ему, как подобию Божию, вместить в себя сияние Божественной фактуры. Но перед тем, как стать тем сосудом, через который воля Божья изливается в мир, человек должен отважиться на исследование тайн добра и зла, устояв при этом перед искушением развратить всю свою жизнедеятельность. Ибо, ступая на эту дорожку, перед ним открывается совершенно иной мир, сокрытый от обыденного взора, где он становится свидетелем

того, что антагонизм между противоположными силами лишь частичен. Он видит, как зло, отрицая добро, тем самым обливается смыслом, ведь без противоборства добру оно бы лишилось какого либо стимула, погрузилось в неподвижность и прекратило бы существование. И в этом случае воцарилось бы абсолютное ничто, огромная плита смерти легла бы на него, повергнув в самое жерло небытия. А вместе с ним кануло бы в Лету и все человечество. Невзирая ни на что, явление Божьего Сына миру, сколь малым ни было его благотворное веяние заветов, все же вызвало некий отзыв в метафизических закоулках душ, но в итоге лишь увеличило темп времени к тому, когда репродуктивный потенциал человечества иссякнет. Таким образом я осознал бессмысленность и тщетность бесконечной борьбы со злом в мире, где то, что должно было стать мостом к Богу, растворилось в иерархической системе, в ритуалах одурманивания, в культовых и ложных моральных правил. Поэтому меня никак не удивляет, что люди, пребывая в духовной пустоте, всегда были в центре зрения Бога. Из-за чего вместе с Сыном он диагностировал у них губительную незаживающую язву, разъедающую изнутри. Поскольку, расставшись с первозданной чистотой, их дух погряз в прихотях плоти, возлюбив тленность и прах, а не вечность и белоснежную душу. И восприняв свое значение неверно, они собственное зло замаскировали самолюбием. А воссев на трон власти, оно в их понимании полностью ограничилось лишь кровопролитием, террором, насилием, убийствами, разбоями и бунтами. В конечном счете, в материализм уверовали души, поработанные бранным и преходящим, в то время как религия стала прибежищем для тех, кто требовал духовного и вечного познания. Но и она пострадала от чрезмерного и фанатического разрастания в горниле противостояния за мировое господство. Изначально, первая христианская община, отчаянно сопротивляясь натиску политической власти, постепенно трансформировалась в сложную иерархическую систему. После долгожданного реванша над

своими гонителями, заполучив законное религиозное право, она, сама того не осознавая, оказалась в руках политиков узаконенной силой, обуздывающей преступность и народные волнения. А затем, движимая страхом перед хаосом разногласия, фактором массового недоверия к ее проповедям и божественной миссии, она принялась за скрупулезное изучение и отсеивание апокрифических писаний. И по этой причине одна из многих религиозных организаций, лицемерно именующая себя «Христианской Церковью» и лживо выступающая от имени Христа, искажила подлинное его учение. Подобно умелому фальсификатору, она подменила сумраком своей лжи сияние его истины, извратив понятия добра и зла. Та же участь постигла и политику, эту государственную аппаратуру, что назначена служить интересам общества. Иными словами, алчные личности, возвеличившие материю до первопричины всего сущего, стали безжалостно использовать ее элементы и силы для эксплуатирования ближних, лепив из них пешек в своей корыстной игре. Вся эта непрекращающаяся усобица за самовластие и полномочность, с их кровоточащими последствиями, часто оставляет болезненный рубец на душах тех, кто вольно или невольно становится ее очевидцем. Ибо, по моему твердому убеждению, истинное предназначение страстно любящих управление и всенародное признание не зиждиться на установлении равноправия, независимо от политических взглядов. Это значит, что любая политическая сила, терпящая тяготы службы обществу, попущена Богом вести его к социальному равенству. Равно как и религиозная формация к духовному единству. Как ни крути, но все политические устройства, пережившие свое столетие, были, есть и останутся продуктом человеческих слабостей, насилием ввергавших мир в затянувшийся виток чудовищных кровопролитий, провоцировавших войны и революции. И абсолютная автократия не исключение. Разве секрет, что общество, чья государственная власть модифицируется в диктаторский или монархический аппарат деспотизма, терпит утрату надежды на равенство и единство? Ве-

ками ее режимы сменяли друг друга, пока не наступил мега-цикл капитализма. Где всем, казалось, обещали долгожданную свободу слова и действий. Но, увы, внутренняя плесень зла переносит дифформенные состояния, лишь внешне облачаясь в новые, амфигурические одеяния. Когда же капиталисты, сменив монархов, диктаторов и коммунистов, распахнули врата государственной и мировой торговли для частной инициативы, регулярное извлечение выгоды обуяло их поголовно. Цены взметнулись ввысь, словно хищные птицы, влекомые запахом добычи, а вместе с ними и требования к производительности. И пока новоявленные дельцы ковали свои прибыльные мотивы, рабочий класс, как и прежде, влачил жалкое существование, словно довольствуясь крохами с барского стола. Так проявляется непреложный закон власти: меняются формы, но суть остается неизменной. Куда ни кинь взгляд, история ее всегда сводится к одному: пока существуют те, над кем можно властвовать, всегда найдутся и те, кто алчет этой власти. И властолюбцы, словно пауки, плетут свои сети, чтобы утвердить ее как краеугольный камень родного государства. Вот почему человечество, устав от лицемерия власти, пытается сорвать с нее маску, желая видеть истинное лицо, а не фальшивый блик законности. В любом государстве, где искусственно созданный социальный порядок будто благоденствует среди патологий человеческой природы, подавляя врожденную тягу к разнообразию и самостоятельности, человек, стремясь к выживанию и размножению, сталкивается с необходимостью материального обеспечения. Эта потребность строит некую систему ценностей, определяющую его поведение в мире. И если ради обеспечения тратиться вся энергия на труд и творчество, то в поле собственного внимания строго попадает все то, что приносит пропитание и материальный комфорт, заслоняя собой все остальное. Размышляя над этим, я все больше терзался сомнениями в своей работе над книгой. Ведь, как мне кажется, любая истина, заключенная в писательском труде, сразу попадает в цепкие руки тех, кто облечен властью

и чья репутация непоколебима. Они, словно зоркие стражи, выискивают в авторских рукописях крамолу, выкорчевывают сорняки бунта, искажают все, что противоречит их мировоззрению. Так и Библия, пройдя сквозь века и руки переписчиков, претерпела чудовищные искажения, и подлинные тексты дошли до нас в литературно искривленном содержании. Именно сейчас я наконец понял истинный стиль их власти, что подобно камню преткновения улеглась между просвещением и порабощением. Их корни уходят в эпоху элитной перестройки, в тот изначальный замысел Сатаны. Тогда, на заре времен, они стали эталоном необходимого союза — союза первых авторитетов, заключенного ради будущей праздности и лицемерных авантур, ради расчетливой пропаганды и неприкрытого расизма, вседозволенного гуманизма и, что самое страшное, демонической страсти к изощренному правлению. В ходе рассуждений выявляется парадоксальная картина: власть, глухая к истинам, противоречащим ее устоям, с ярким оттенком щедрости поддерживает научные изыскания и разработки. Возникает закономерный вопрос: что движет ее бюджетным росточительством на новые технологии? И вправду, ученые умы вносят неоценимый вклад в современную науку, облегчая технические задачи и всевозможные изобретения. Однако мало кто задумывается об истинных целях некоторых научных направлений, нацеленных к разгадке тайны бессмертия и всецелому контролю над генетической энигмой. Парадокс в том, что их не покидает нахальная мысль о вторжении в ген человека, с помощью чего они надеются проникнуть в святая святых божественного промысла и непомерно продлить свое земное существование. Вместе с тем, воздвигая барьеры к духовному прозрению и мирозерцанию, они слепо превозносят лишь материалистическую перспективу, как некую непокоренную скалу, внезапно становящуюся доступной при правильном стечении гипотетических обстоятельств. Подобно лунатикам, они не ведают, что доктрина материализма — лишь затмение светила истины о первичности духа

и вторичности материи, о неразрывной экзистенциальной связи между ними. И, словно ослепленные, не видят, что любое биотехнологическое вмешательство в святая святых — человеческий геном — способно высвободить лавину катастрофических последствий, за которые человечество уже не сможет держать ответ перед Создателем, ибо духовная смерть станет уделом большинства. И ясно как день, что если многократные попытки генной модификации увенчаются триумфом, и наука найдет подход к вечной регенерации, плодами этого открытия насладятся лишь избранные мира сего, чьи сердца схвачены трепещущим страхом перед фатальным концом власти и плотских утех. Те, в чьих руках сосредоточены несметные богатства, позволяющие им подчинять себе целые народы. Не так давно, мне довелось услышать из полузабытых источников, что среди пыльных артефактов древности ученые обнаружили свод архаичных законов, один из которых предостерегал человечество от превышения некоего критического порога численности на Земле. Очевидно, это и поспособствовало злоеющему обоснованию для последующих властителей в их неустанном усилии контроля популяции планеты. И это, разумеется, было брошено раскаленным углем в костер непрекращающихся военных столкновений, раздуваемый мировой элитой. Элитой, чьи предки, словно падальщики, слетелись из европейских государств на северный материк Америки, захватившие территорию коренных народов. Судя по всему, за каждой военной угрозой таится целый ряд причин: от овладения чужой экономики и ресурсов, навязывания своей политической воли, а также расширения влияния своей власти. Все перечисленное мной затевается лишь на геополитической основе. Кроме того, существуют и другие причины, связанные с сакраментальным предназначением. Что веют специфическим характером, и как провода, протянуты к темной, метафизической силе, вытекающей из злобного духа. Их сакральность — это прежде всего конкретизация демонического культа, поклонения Бафомету, дьявольскому божеству. Надо при-

знаться, что мир отчасти верно верит в умолкание откликов в цивилизованных странах о древних ритуалах жертвоприношений. Поскольку, они в реале не куда не исчезли, а притаились в мрачном тайнике горделивого разума, вновь возжелавшего безграничной власти над смертными. Сегодня эта власть локализована в руках немногих, закулисных правителей, — тех, кто тайно совершает жертвенные обряды, через то, что ведет к массовым бойням. Вскоре они предприняли обращения к генетике и генеалогии, существенно изменившим представления о корнях европеоидной расы. Генеалогические исследования, выявили у каждого европейца присутствие древнего славянского гена — «гена Руси», как его окрестили наши эксперты. Казалось бы, тайну его уникальности, как священный Грааль, старались убрать в секретный ящик от непосвященных. Но ходили слухи, что лишь в славянской крови таится некое физиологическое свойство, органический элемент, из которого в тайных лабораториях извлекают сильнодействующее вещество, способное трансформировать сознание. Но для его усиления, носитель крови должен свариться в котле боевых испытаний, пройти сложную полосу припятствий, непрерывных стрессов и смертельных опасностей. И где же еще, как не в пламени войны, куется как сталь военский дух? Результаты генеалогических исследований проливают свет на неожиданный факт: западноевропейская кровь оказалась непригодной для сохранения исконной генетической особенности. История свидетельствует, что в утрате уникальности этнических групп Западной Европы немалую роль сыграла борьба Католической Церкви с ересями. Печально известная «охота на ведьм», возродившаяся в конце XV века под предлогом преследования подозреваемых в колдовстве, в действительности была сконцентрирована на искоренение женщин-полукровок славянского происхождения, заключавших союзы с представителями европейской цивилизации, дабы не позволить «кровосмешения». Даже в деятелях Католической инквизиции Средневековья угадывается отпечаток единой генеало-

гической наследственности с древними славянами. Занавес тысячелетий почти отгородил от нас величественную миграцию протославян на заре первых цивилизаций, однако я убежден: некогда произошедшее массовое переселение протославянских племен подобно волне накрыло материковую Западную Европу. И как европейские колонисты осваивали земли Северной Америки, так и протославянские народы заселяли западный континент Европы. Их древний исход был вызван не только завладением новых земель, но и угождением темным божествам. В те далекие времена, когда на Руси преобладало языческое почитание светлых богов, приверженцы темных сил, вынуждены были искать пристанище в чужих краях, чтобы беспрепятственно совершать свои зловещие обряды. Самое удивительное заключалось в том, что вовсе не любопытство к неизведанным земным просторам привела к эмиграции на Запад. Ибо языческий культ древних протославян, был насыщен как светлой природой добра, так и темной сущностью зла, аналогично другим языческим формам. Важно помнить, что первый всплеск переселения с Востока дал толчок к формированию враждебной европейской системы взглядов, обращенной против тех, кто остался верен своим исконным традициям и обычаям. Притом, что на старте христианизации в Западной Европе еще горели огни поклонения демоническим идолам. Позже, мрачные атрибуты языческого культа, просочились в католичество, приспособившись к его догматам. Именно так, в русле христианства, оснавалась Папская власть в Италии, централизовав католическую религию и стала весьма неблагосклонно заглядываться на Святую Русь.

ГЛАВА «ВЛАСТЬ И ДУХ РУСИ»

Свидетельство тому — пестрое многообразие католической символики, видимое во внутреннем убранстве Ватиканских церквей и богослужебных облачениях духовенства. На первый взгляд, здесь нет ничего, что роднило бы ее с сатанизмом. Но любой знак, любой символ — двулик, и может таить в себе величину многозначности. Взгляните на герб Ватикана, символ власти Папы над священными ключами. Альтернативная трактовка этого государственного знака имеет иное понимание: католицизм никогда не прочь отворить не только врата рая, но и адскую бездну, где томится Сатана. Только в Ватикане с течением веков постулаты католичества тесно переплелись в одном причудливом узоре не только с перелицованными неавраамическими религиями, но и с амбициями политической власти европейских держав, в особенности Англии, грезящей о великой экспансии от заокеанских берегов Америки до дальних рубежей Руси. Задолго до того, как паруса Колумба коснулись земли Нового Света, и задолго до того, как христианство окончательно утвердилось в Европе, в ее королевских покоях завязывались замысловатые политические интриги. Там, под сенью заговоров, жила колониальная мечта — предчувствие грядущего передела мира. Еще до того, как Рим наложил печать католического правления, будущие архитекторы оккупации русских земель, потенциальные носители диадем, шептали молитвы темным богам, держа в сердцах древнюю, выношенную ненависть к исконному наследию протославян. Но Русь, в отличие от незащищенных племен Америки, была крепка духом. Ее свободолюбивые народы, чья воля закалялась в веках, не склонялись перед чужим ярмом. Стоя на страже родины, они были несокрушимым щитом, способным отразить любую вражескую силу. И Запад, затаив дыхание, всегда это прекрас-

но видел. Ненависть к славянскому родству как к чуждому осуществила леденящую кровь санкцию — призрачную власть во имя Христа, из которой выросла страшная бесовщина религиозной войны против иноверцев. Так первые военные кампании с контрастом религиозного фанатизма, обязанные обратить народы в «истинную веру», называли крестовыми походами. Но провозглашенные Римско-католической церковью военные акции не оправдали смелых ожиданий в неудачных пробах насильственного присоединения русского общества к их конфессии. Многочисленные затеи сломить исконный дух русичей изуверской силой и ассимилировать их в инородную форму религиозного мировоззрения привели к установлению неофициального контакта Европы с Русским княжеством, измученным внутренними распрями, недовольством и восстаниями язычников, отчаянно отстаивающих свои общинные святилища. Лишь когда русские князья, отвернувшись от исконной славянской веры и ее сокровенной культуры, распахнули двери для католических догм, извращенных подобиями тех, кто некогда предал смерти Учителя руками империи, Русь начала свой скорбный путь. Шаг за шагом, в союзе с посланцами Рима выковалась иерархия Русской Православной Церкви, ставшая рычагом управления — сперва княжеского, затем царского, а в грядущем и президентского управления. Много позже, видя исполнское рождение православия на Руси, католичество, объятые тревогой, стало отчаянно конспирировать умысел, чтобы повысить его рост и привести к унификации с папским престолом появившийся религиозный суверенитет русской Церкви. И когда попытки подмять русские души новообретенной православной автономией раз за разом терпели крах, в чертогах Ватикана был основан орден Иезуитов, официально призванный защищать папскую власть. Впрочем, мало кто знает, что помимо этой декларируемой цели, на иезуитов возлагалась и иная тайная сверхзадача: не только ограждение от внутренних раздоров и внешних врагов, но и целенаправленная дезорганизация Русского государства, в первую очередь посредством профана-

ции и переписывания русской истории. И вот, члены общества Иисуса, оказавшиеся в центре науки и образования того времени, согласно утверждению Папы, начали с упоением фальсифицировать все мифы, попадавшие им в руки относительно древних славян. Их первостепенной задачей стало не просто изучение истории Руси, но и налаживание связей с предполагаемыми сторонниками среди русских князей. Именно таким образом реальные исторические факты были подменены, а подлинная история Руси архивирована в хранилище Ватикана. Ведь мифология славян, утверждающая их право на социальное и цивилизованное развитие, сопоставима с их правом на духовное и культурное процветание. Их враги прекрасно осознавали, что любое государство, отказываясь от своей истинной истории, теряет свое коллективное величие и общественную сплоченность. Так народы, не знающие своей истории, становятся легкой добычей для манипуляторов, позволяя тем влиять на события, складывающиеся в их будущем. Через века и ученые из других европейских государств взялись за передел русской истории, встраивая в ее страницы нашествие татаро-монгольской орды. Следует учесть, что задолго до этого они предполагали: все их заявления будут ложными и намеренно подделанными. Заполняя истину своими личными архивами, которые, как отредактированные Иезуитами мифы, становились собственностью Ватиканской библиотеки, они, как никто другой, обладали точными знаниями о исторической подлинности на Руси. Тем не менее, продолжали считать исконных обитателей Руси татарами, идентично тому, как римляне называли варварами всех представителей диких племен. Более того, в своей искаженной интерпретации исторических периодов на Руси они осознали, что свидетелей тех ранних событий не осталось. Где истинная история развивалась наряду с княжеской враждой, в борьбе за власть и влияние. В ту самую пору, когда междоусобица переродилась в кровавую сечу, где княжеская распря закрутилась в непримиримой борьбе между хранителями древней веры и теми, кто помышлял

о унификации обрядов с византийским великолепием. На расвете трагического раскола русской Церкви, первый Патриарх всея Руси Никон, прислонившись к крепости царского престола, созвал соборы, с целью изменить богослужебные книги. И тогда на приверженцев старых обрядов налетела коршуном неприязнь новой власти, словно на еретиков. Чтобы сломить неукротимый дух старообрядчества, церковные реформаторы, с одобрения царя, как и иудейские первосвященники, требовали судов и смертных казней для всех, кто яростно сопротивлялся Никоновской реформе. Продолжая свою мысль, я уповаю на то, что мой читатель глубоко постиг роль любой Церкви как религиозной системы. И сегодня, как и встарь, формирование этой системы — не случайность, а закономерность. Люди, ослепленные неукротимым фанатизмом и убежденные в божественной благословенности своей веры, возомнили себя призванными обводить изгородью паству от мира преступности и бунта против закона, воздействуя на прихожан посредством символической атрибутики. Пусть истоки христианской символики и кроются в периодах гонений на последователей Христа, но в православной, как, впрочем, и в католической традициях, религиозные изображения несут в себе скрытые прообразы древнеславянского язычества и идолопоклонства. Отсюда я с уверенностью заключаю: силы искусности двух великих Церквей, католической и православной, поразительно созвучны в их целеустремленности и духовном ядре. Прикоснувшись к основам католицизма и православия, разгадав язык их символов, я увидел их колоссальную роль не только в религиозной сфере, но и на арене политической власти. И в этом нет ничего удивительного. Ослепшие фанатизмом и безусловной верой, они упраздняют полемику разума, предпочитая быть послушными исполнителями органов управления. И именно подавляющее большинство слепых фанатиков, уповая на святое посредничество Церкви, доверяют ей спасение своих душ, следуя за голосом ее псевдотолкований. Именно эти верующие, сами того не подозревая, позволили перекладывание языческого

символизма на форму христианского догматизма. Внося ясность в тонкости о символическом сегменте язычества и проводя параллели с христианством во всех его проявлениях и раскрывая книголюбам суть религии как таковой, я намеренно упрощал и сжимал историческую канву принятия христианства на Руси. Касался я и протославянской миграции в Европу, и той степени участия римско-католической Церкви во фальсификации подлинной истории русскоязычного мира. Пусть же эта краткость станет ключом, гарантирующим читателю умозрительно всмотреться в мельчайшие детали, произошедшие в драматических эпизодах минувших столетий. Искренне надеюсь, что мой читатель узрел в церковных символах знаки языческого подчинения, где таинства — лишь завуалированные магические обряды. Если же завеса не спала с его глаз, то достаточно лишь взглянуть на распятого и мертвого Иисуса, ставшего краеугольным камнем в управлении людскими массами. Ассоциируя крест, древнеримское орудие пыток, со спасительной жертвой Сына Божьего, священнослужители привили пастве поклонение его распятому образу и ношение натальной символики. Так исподволь формировалась фанатическая преданность, благодаря которой Церковь и по сей день остается востребованной, не теряя своей власти над умами. Символы, словно мерцающие звезды на небосклоне человеческой культуры, охватывают всякое наше поприще. Они выходят за границы религиозных догм и проникают в политическое ристалище, особенно ярко проявляясь в национальном символизме, запечатленном на государственных гербах. Чтобы постичь их истинную суть, необходимо отбросить предвзятость и с пристальным вниманием взглянуть в их глубинный смысл. Уникальность этих символов заключается в том, что они не просто знаки, но и воплощение идеалов и ценностей, во имя которых они возносятся государством. Попробуем же проникнуть в сокровенные смыслы, таящиеся в национальной символике герба Соединенных Штатов Америки. Но сначала давайте учтем, что классическая экзегеза символики герба США — это лишь еще

одно подтверждение его сакральной ориентации на утверждение государственного превосходства. Возьмем, к примеру, оливковую ветвь в когтях белоголового орлана. Общепринято считать, что она символизирует стремление к миру. А в действительности она скорее заявляет о безальтернативной геополитической гегемонии, навязываемой множеству стран под лицемерной маской мирного и экономического сотрудничества. И в противовес ей — тринадцать стрел в левой лапе, якобы означающие неустанную готовность к войне. Само же присутствие рокового числа 13 на гербе отнюдь не случайно: те, кто одержим этим числом, наивно полагают, что оно в состоянии уберечь их от кармической расплаты за злодеяния

По настоящему же, окутанное зловещей аурой, число 13 искони несет на себе штамп инфернальности. Чувствуется, как его нутряная сущность сходственна политическим амбициям, тайной возни государства, как блуждающее привидение власти. Внимательное изучение этого числа позволяет разглядеть в нем мистический эпицентр, ведь оно чуждо христианскому мировосприятию, где благодать и святость ему заказаны. Недаром Иисус собрал вокруг себя лишь двенадцать апостолов — тринадцатым мог быть лишь сам искуситель. И пусть нумерология пытается представить это число в нейтральном, даже позитивном свете, но не покидает ощущение, что ее адепты, стремясь обелить все числа, намеренно закрывают глаза на темные стороны бытия. В своих нумерологических изысканиях исследователи, вероятно, упустили из виду пугающую закономерность: роковые числа, словно злые предзнаменования, неизменно сопровождали кровавые страницы истории, отмеченные убийствами и войнами. В качестве примера приведу лишь один леденящий душу эпизод. Тринадцатого числа, в злополучном 1307 году, по коварному приказу французского короля Филиппа IV, были схвачены все члены ордена тамплиеров. Алчный монарх, затмленный меркантильностью, захотел завладеть их несметными богатствами, накопленными якобы путем пожертвований. И дата ареста была выбрана королем отнюдь

не случайно. Вскоре тамплиеры стали жертвами чудовищных пыток, допросов и страшной казни — их сжигали на кострах, превращая в пепел на глазах у изумленной Франции. Однако, памятуя об этом, следует отчетливо понимать: сами по себе числа или символы не обладают магической силой, фатально воздействующей на человеческое сознание. Будто облученные тайной оккультизма, посвященные наделяют определенные числа и символы магическим ореолом, наделяя их эзотерической властью и ассоциируя с разнообразными ремеслами и деяниями. Все же, оставив в стороне эти общие положения, я хочу сосредоточить ваше внимание на конкретном артефакте — американской денежной купюре — чтобы пристально изучить имеющие на ее обороте символы. Начну, пожалуй, с наиболее значимого элемента: тринадцатиступенчатой пирамиды, увенчанной всевидящим оком. Но прежде, давайте взглянемся в латинские надписи, обрамляющие пирамиду: «Annui Coeptis» — как небесное благословение «Он благословляет наши начинания», и «Novus Ordo Seclorum» — торжественное провозглашение «Нового мирового порядка». Официальная версия, искусно вплетенная в сознание масс, представляет пирамиду как символ незыблемости государства и единства народа. Око же, якобы, олицетворяет Всевидящего Бога. Но эта интерпретация, на мой взгляд, ненадежна и подозрительна, особенно если учесть двуличную сущность внутренней и внешней политики США. С помощью лживой подмены истинных значений символов на долларовой купюре, чьи корни уходят в оккультные практики Ордена Иллюминатов, собранного из рядов тамплиеров и, отчасти, инквизиторов, власть этой страны грубо попирает божественные и человеческие законы, подменяя их дьявольскими установлениями. Ибо эти знаки, чуждые христианскому символизму, содержат в себе копию зла. И то, что лицемерно называют Всевидящим Оком, есть не что иное, как каббалистический взор самого Сатаны. Как ни странно, но о Соединенных Штатах Америки — федеративном государстве, где и зародился таинственный оккультный клан масонов, — с устрашающей за-

гадочностью повествуется в апокалиптических пророчествах Библии. Сопоставляя современную Америку с образом Вавилонской блудницы, запечатленным в Откровении Иоанна Богослова, я невольно склоняюсь к мысли, что не иначе как ее черты скрываются за этой апокалиптической аллегорией. Внемлите лишь малой толике Иоанновского откровения: «И пришел один из семи Ангелов, имеющих семь чаш, и, говоря со мною, сказал мне: подойди, я покажу тебе суд над великою блудницею, сидящею на водах многих; с нею блудодействовали цари земные, и вином ее блудодеяния упивались живущие на земле. И повел меня в духе в пустыню; и я увидел жену, сидящую на звере багряном, преисполненном именами богохульными, с семью головами и десятью рогами». Чтобы не упустить ни единой, сколь угодно малозначительной детали в апокалиптическом облике Зверя и выявить возможные связи с символикой долларовой банкноты, я отважусь применить ортодоксальный подход к созданию целостной картины, где отдельные образы и факты сольются с предметом моего исследования. Осмысливая «Откровение» рационально, приходишь к выводу: Иоанну в его метафизическом трансе государственная или мировая система, ныне кажущаяся упорядоченной, явилась в очертании неведомого и наводящего ужас субъекта. Более того, из его пророческого повествования явственно проступает мысль, что определенные круги масонов в США, чье влияние пагубно сказалось на геополитической ситуации в мире, предстали перед ним в виде семиглавого монстра. Если достаточно долго рассматривать оборотную сторону американского доллара, можно ощутить холодеющее дыхание оккультной власти. Кажется, будто сам князь тьмы, тайно возглавил высшую инстанцию в сердце американского федеративного государства. Где злобный архитектор тоталитаризма, Сатана, преследует цель навечно закрепить человечество в материалистической темнице, лишив его памяти о духовных корнях. И вот, современная эпоха, опьяненная блеском золотого тельца, почти полностью влилась в его глобальную структуру управления, где доллар стал не просто

валютой, а инструментом порабощения, кующим цепи всеобщей зависимости.

ГЛАВА «АБСУРД ПРОГРЕССА»

И, вероятно, потому у подножия мирового пьедестала научной, религиозной и философской мысли в разные эпохи неизменно роились приверженцы, чьи труды сеяли семена массовых заблуждений. Они возводили свои материалистические, фанатичные и эволюционные мировоззрения на столпе окружающих вещей, которые сами по себе есть ни что иное как грубая имитация незримой трансцендентной реальности. Вот только эти толкователи словно вживляли ядовитые элементы в самые основы тех вещей, что, казалось бы, были им противоположны. В религиозной и политической сферах такими объектами манипуляций становились значимые, подчас священные ритуальные предметы и храмы, ценные бумаги и коммерческие офисы — все, что с самого начала служило рукоятками внушения и управления. Поэтому-то широкие массы, ведомые слепой верой в прогресс, не осознают, что, участвуя в возведении нового мирового порядка — грандиозного проекта, выдуманного самим Сатаной, — они невольно становятся пособниками зла, предателями добра. Под дьявольским гипнозом телевидения, извергающего потоки лжи, и алчным натиском рыночной стихии, в души людей нагло вбиваются потребительские идеалы. Но разве потребление, в его уродливой, гипертрофированной форме, не есть потакание низменным страстям, безжалостно влекущее к духовному обнищанию, культурному краху и полному перевороту социальных устоев? И потому, быть может, так тяжело признать, что федеративное государство, такое как США, купающееся в дьявольской протекции, всего лишь звероподобный эмбрион системы тотального контроля над человечеством, грозная туча, нависшая над всем миром. Вряд ли было бы разумным тратить слова на полемику о социально несправедливой стра-

тегии мировой лже-державы по отношению к российскому обществу, где даже преступность приобрела циничный облик коммерческого конгломерата. Стоит задуматься: если бы даже силам природы предоставить безграничное право на созидание и разрушение, и тогда бы они не осмелились придать человеческое лицо нынешнему политическому строению власти. Ведь преступные формирования 90-х, словно злобные марионетки, плясали под бдительным оком спецслужб и политических партий, стремящихся к власти через подавление неугодных. В стране, где распад коммунизма низверг народ на дно безнравственности, вседозволенности и порока, увлекая в безумную гонку за мгновенной прибылью. И вот, после нейтрализации преступного геноцида, многие личности получили возможность триумфально взойти на вершины российской государственности, заняв высокие политические и военные посты. В беспрерывном мелькании истории эпохи сменяют друг друга, словно декорации в театре абсурда, где некогда великие империи, растеряв былую славу, бесследно исчезают со сцены политических заговоров и исторических церемоний, уступая дорогу новым, более адаптированным к требованиям времени. На заре XXI века русский народ стал свидетелем заката западных стандартов, пропустив как бы через себя холодный ветер оскудения европейской культуры и цивилизации. Но мало кто уразумевает, что любая цивилизация лишь изощренная форма привязанности к общественному сознанию, универсальная техника порабощения одних и возвышения других. И ни одна цивилизация, даже осененная светом древней религиозной традиции, не способна разжечь затухший духовный огонь и вдохнуть жизнь в иссохшие сердца. Сегодня, наверное, никто не понимает, сколько сил и времени князь мира сего вложил в проекцию глобальной системы, где власть и подчинение сплетены в единый змеиный клубок. Но для претворения в жизнь его мрачных планов требовались покорные приспешники, которые с непомерным высокомерием позиционировали себя как ненавистники филантропии,

при этом внешне манифестировали дружелюбие и приветливость. Любопытно, что подобные личности, зародившись еще в колыбели первой цивилизации, лишь спустя века явили миру тех, кто превзошел своих античных предшественников в страстном желании взирать на человечество очами Сатаны. Страшнее всего то, что нынешние прислужники зла преуспели в превращении большей части человечества в безликий винтик поработительской супермашины, коей стала наша модернизированная цивилизация. Допустим, правящая мировая верхушка, эта масонская ложа, претендует на сугубо земные цели: роскошь и комфорт на вершине власти, где рабочие классы — лишь строители финансовой пирамиды, не покладая рук пополняющие золотые запасы. Но не стоит обманываться, видя в них свечение человечности. Подтверждение этого факта — кошмарная панорама, разворачивающаяся перед глазами миллиардов людей в XXI веке, — жуткие плоды межконтинентальной гибридной и информационной войны за мировое господство, что транслируются с телеэкранов, отравляя сознание и вселяя ужас. Страшнее всего то, что нынешние прислужники зла преуспели в превращении большей части человечества в безликий винтик поработительской супермашины, коей стала наша модернизированная цивилизация. Допустим, правящая мировая верхушка, эта масонская ложа, претендует на сугубо земные цели: роскошь и комфорт на вершине власти, где рабочие классы — лишь строители финансовой пирамиды, не покладая рук пополняющие золотые запасы. Но не стоит обманываться, видя в них свечение человечности. Подтверждение этого факта — кошмарная панорама, разворачивающаяся перед глазами миллиардов людей в XXI веке, — жуткие плоды межконтинентальной гибридной и информационной войны за мировое господство, что транслируются с телеэкранов, отравляя сознание и вселяя ужас. Когда заокеанские владыки грозят задушить демократическую вольницу целой страны своей федеративной удавкой, душа народа закономерно восстает против иноземного гнета. Однако, было бы

опрометчиво утверждать, что все слои общества поголовно отвергают англо-американскую модель. Не стоит забывать и о той незавидной роли, которую играют сами англосаксы на геополитической арене, лишь притворяясь вершителями судеб в тотальном мироустройстве. В то время как все государственные деятели озабочены грубой политикой и алчным экономическим разделением мира, представители масонской логи практиками оккультизма и мистики. Руководимые слепой гордыней, они даже не подозревали, что, коснувшись диллемы оккультного влияния на курс исторического и геополитического судна мира, столкнутся с дикой необходимостью внедрения и подавления ассертивной модели поведения целого мирового сообщества. Словно перевоплотившись в организаторов межнациональной розни, они методично принялись за раздробление единства политических и социальных взглядов, возводя в разных государствах причудливые и расчетливые политические режимы. Движимые единственной целью — ежегодной редукцией рабочего населения планеты, они продиктовали и внедрили ухищренные шаблоны межличностных отношений, будто бы расставляя ловушки, в которых каждый человек, как бессильный потерпевший. В том же Советском Союзе, на пороге кардинальных перемен, в мутных водах перестройки, их пагубная влияние проявилась в расцвете торгового и прибыльного сотрудничества, ориентированного на элиминацию контингента безработных. Вопреки всему, на движется время модернизации тотального контроля, ловко маскирующегося под образиной социально толерантного принципа. Эта обманчивая общественная терпимость к иному образу жизни угнездится не только в западноевропейских сердцах, но и в русском обществе, подобно ужу, обвиваясь вокруг регрессивного безразличия. Но это и должно насторожить, обнажая содержимое современной цивилизации — дьявольской фикции, умело созданной утопии и сложной методики демонических манипуляций. Но даже Сатане, как и человеку, свойственен мучительный дуализм, беспечная антагани-

стичность в своей персональной природе: лицемерие и справедливость, богоборчество и боголюбие. Вскоре все его демоны реализовали на Земле цивилизационный неоорганизм, водворив человеческую жизнь в искусственное русло. Но, как свидетельствуют наши дни, его затеи быстротечно исчерпывают себя. В напрасной попытке модернизировать ветшающий индустриальный мир, где американское, сионистское и англосаксонское геополитическое влияние угасает, повергая зависимые общества в хаос, он вынужденно передает роль кукловода новому миропорядку российской сверхдержаве и ее элите, мчащейся быстрым бегом к многополярности. И пытаюсь экспериментально сохранить мир перед своей фаталистичной кончиной, где все, что не приемлет человеческую полноту жизни, и в конце концов возвращается к земному праху, т. е. к тому, с чего все начиналось, дьявол, как прогрессирующий дух противления, владеющий ангельской способностью творить и разрушать, волен в полной мере отымать земную власть у тех, кто увлекает кучу людских судеб в свою мясорубку. И целесообразно вручать ее тем, кто не ведет мир к неизбежному и словно торопкому разматыванию огромного клубка времени. Ведь снятие мистических печатей с Божественной книги эсхатологических тайн — это возможное развитие человеческого разума, но с неизбежной болью от познания. И тогда становится реальным предположение, что прежде всего живого было все предвидено и допущено Богом. Дьявол, навеки отлученный от вселенского престола, сквозь призму всепоглощающих идеологий и руками своих прислужников виртуозно разработал алгоритмы оболъщения. Он манит человека либо к рабской покорности власти, к безраздельному служению сильным мира сего, либо к всеобъемлющему обожанию тварного мира. Об этом нам говорит истерзанная правками Библия, предрекая скорое наступление поворотной вехи печати Зверя. Когда бытовой комфорт станет идолом, а лелеемые пороки — вожделенным сокровищем. Когда живая духовная мудрость общества будет бесстыдно иско-

веркана и переделана в подобие духовной немощи, порожденной этим же обществом. И когда в мертвенной оболочке искусственного начнут видеть трепет жизни, нащупывая утешение и замену натуральному. Но, выдержав смысловую нагрузку происходящего, мы станем не просто свидетелями, а очевидцами переломной эпохи, застывшей на грани мира. Мира, где женское тело превращено в фетиш, в оружие массового поражения, способное одним своим соблазном опрокинуть в погибель тысячи мужчин. Где химическая и нефтехимическая промышленность сдавливает в стальных объятиях саму природу, изгибая ее естественное движение. Сам по себе мир, по законам физики, — это симфония вибраций, пляска световых волн, вечное движение вперед и назад, где каждое действие рождает следствие, а все сущее сшито тонкими нитками энергии. И в нем, конечно, нам не избежать возмездия за то, что творим своими руками. В нас воцарится невообразимая паника, когда мы уясним, как жизнь ускорено скользит к своему закату. Ведь то, что мир, синтетически изготавливает из природных элементов, не просто использует против самого себя, но и становится катализатором климатических катастроф и новых бедствий. Очевидно, всех трагедий можно было избежать, но обезопасив Бог человека от искушений Эдема, тот навсегда остался бы в неведении о добре и зле. И здесь нельзя не согласиться с П. А. Флоренским: грехопадение, это психофизическое потрясение, ввергло человека в болезненное состояние. Но лишь этот болезненный опыт мог принести плодотворный результат — энтузиазм на воссоединение с Богом через исцеление и преображение. Для этого, железно, требовался катализатор. Им стали не только запрещающие и научающие слова Бога, но и антропоморфные сущности, безотрывно сопровождавшие человека с момента его сотворения. Среди них был и тот, кого нарекли Дьяволом. А если отвлечься от конкретики и взглянуть на его сущность как на падшего духа, бессрочно обреченного на тяготение ко всему, что противно самой его природе, с головой погружающегося в без-

дну пороков и страстей, то несомненно возникнет мысль: а не может ли он, подобно грубому инструменту, быть использован в божественном промысле для воздействия на человеческое сознание? Не он ли призван сорвать покровы неведения с человеческих глаз, являя злую силу во всей ее красе? Ибо лишь так человек научится распознавать ее несостоятельность, противостоять ей, и со смирением взирать на ее уродливые выражения, извлекая из них духовное благо. Все же таки, следует помнить, что его вовлечение Богом в свои промыслы ни в коей мере не является оправданием, не дает ему надежды на присовокупление к единому телу и крови Христовой. Следовало бы аттестовать его врожденную предрасположенность ко злу, что и навела человека на властолюбие, ложь и низменные удовольствия. Все взбудораженное в его душе вырвалось наружу, подстрекая к Деспотизму. Об этом свидетельствует и история Древнего Рима, где богатые патриции, утоляя свои неумные амбиции человеческими жертвами, соделали империю мистерией злодеяний против народной массы, используя ее как разменную монету с самого начала своего правления. Как уже говорилось, власть Дьявола нещадно тащит человечество к служению, растлению и преходящему материальному благополучию. Но это лишь подтверждает, что спасение человека кроется не только в его внутреннем мире, но и в обстоятельствах жизни, ведь ему категорически запрещено вступать в ряды слуг власти и сознательно ей прислуживать ради объедков с ее стола, попусту надеясь на скорое к ней приобщение. Припоминая пронзительные слова Петра Мамонова о том, что плоть вытесняет дух, становится невыносимой сама мысль о том, чтобы утонуть в широкой впадине догадок о судьбах человека — будь то в античности, средневековье или в наши дни. Его слова, как набат, отрезвляют перед всеобщей эйфорией человечества, преклонившегося искусственному, призрачному удобству. И вот уже политические игроки, исполняя дьявольскую волю, внушают обществам, что каждый гражданин якобы связан долгом чести перед Родиной,

в то время как на самом деле он подобно лошади запряжен в упряжки служения миропорядку, уподоблен бездушному автомату, где даже самая незначительная запчасть не смеет оставаться в покое. И этой «запчастью» являемся мы — отдельные звенья, составляющие единое целое. Сегодня, кажется, уже никто не сомневается, что в нашем, как и в прошлых веках, мир бурлит от нескончаемых споров и дискуссий, предвещающих новую, испепеляющую войну. Особенно угрожающе это выглядит на фоне ежегодных манифестаций, перерастающих в кровавые протесты и хаос массовых беспорядков. Неопределенность будущего душит все сильнее, словно отчаянная хватка. Крепнет подозрение, что механизм власти проржавел и работает с омерзительным скрежетом. За ширмой мирового спектакля, в клубах дьявольского дыма, баланс сил регулируют единицы — тайное братство великих мистификаторов. Их нечистые руки тянутся к геополитическому пространству, где все страны пляшут под дудку дьявольских требований, словно готовые выложить к ногам верховных вождей свои хранимые государственные резервы. Нередко мишенью мистификаций адептов масонской ложи становились и религиозные иерархии. Как прозорливо подмечали мыслители прошлых столетий, любая, даже самая незначительная религия в облачении показной и притворной набожности яростно противится тому, чтобы сознание ее паствы захлестнул всесторонний рационализм. И было бы довольно глупо не признавать, что некоторые религиозные конфессии подозрительно утаивают о демонических идеях, инспирированных тайными обществами. Достаточно вспомнить один вопиющий исторический казус: внезапное сокращение населения Западной Европы началось в 1484 году по указу папы Иннокентия VIII, когда повсеместному сожжению предавались все предположительные поклонники кошек, принимаемых за посланцев демонической силы. Что, по иронии судьбы, стало поводом для популяции крыс и эпидемии бубонной чумы.

ГЛАВА «АНТИМАНИПУЛЯЦИЯ ДУХА»

Грешно предать забвению весомый аргумент, рожденный лукавой констатацией Церковей о своей церемониальной и непоколебимой преданности нации, отечеству и устоявшимся традициям. Моя мысль верна, что в сознание мирового сообщества, они укладывают кирпичик за кирпичиком, строя крепкое здание своей воли. Лицемерно благословляя, их служители призывают паству на поля кровопролитной бойни, и давно не секрет, что признак современных войн подлинно экзemplифицирует циничные испытания военных инноваций, проводимые лидерами Западной Европы и Америки. Это лишь оголяет их ненасытную потребность в военных спецоперациях. Пора осознать, что круг мировых элит, словно мифологический змей Уроборос, зациклил финансовую циркуляцию вокруг гонки вооружений между НАТО и БРИКС. Надо ли пояснять, что даже самые громкие отклики восторга или негодования, которыми отмечено бурное время военных авантур и их финализаций, отвлекают современников от созерцания сценической реальности — тонкой ветви, что распростерлась над научной, политической и религиозной интеллигенцией. Их новообретенная систематичность — лишь тактический маневр в филигранной настройке коллективного духа. И нужно лишний раз напоминать о кровоточащих ранах общественных злосчастий, где малейшее потворство эгоизму индуцирует раздор в человеческом социуме. Где переплавка общественного сознания требует жертв, сопоставимых с радикальной переустановкой политического курса. Все эти головоломки решаемы по отдельности, но решение одной из них особенно сложно: исцеление коллективизма лежит через тщательную коррекцию индивидуализма, через кропотливое врачевание человеческих душ. Пугающая живучесть

и непоколебимая организованность правящих классов зиждутся на готовности масс безоговорочно подчиняться. В этом кроется не только секрет их власти, но и механизм ротации доминирующих позиций, которые достаются тем, кто считает свою власть проявлением высшей воли. Так, с целью объединения и установления железного порядка, европейский империализм восстал, словно огнедышащий дракон, опаляющий своим дыханием целые народы. В эру технологической революции особенно остро осознается тот факт, что Западная Европа, задолго до наших дней, встала на скользкую колею этнической дискриминации, веками оттачивая свой империалистический инструментарий. И ныне Запад предстает не просто оппонентом России, но и таким отщепенцем, взращенным и вскормленным русским народом, в своей наивной вере в общечеловеческие ценности. Не забывайте, что пробираясь через дебри политических и гражданских укладов, пропитанных кровью, мир хронически реформировался в пользу тех, кто впреддверии торжественной коронации классифицировал свои страсти к доминации. Кто в дальнейшем, предвосхищая трансформацию общественной жизни в безликий поток подчинения, перестал прибегать к репрессиям и публичным казням, предпочитая более ухищренные методы управления. В мире, где только Западная Европа, как гордая орлица, первая начала воскрывать свои жесткие критерии и обычаи над всеми живущими на земле, где в ее таинственных подземельях, окутанных легендами, зародилось мистическое братство масонов. Где посредством брендов, корпораций, бизнес-школ и рыночного оборота стали повсюду внедряться коммерческие шаблоны поведения, формирующие социальный распорядок. Безумно спорить, что о всем этом политические новости вещали гораздо позже массового переселения на западные земли, когда у людей, воспитанных родовым звероловством, кинулись в ход осознание и фиксация тотемических представлений. Все это царило в периоды древнейшей первобытности, до тех самых пор, пока человечество не приступило к исповеданию чистого монотеизма. Но время, подобно речному течению, подмыло берега этой праведной веры, и она, как

сорвавшееся с гор колесо, покати́лась в топь политеизма. Отсло́нившись от Создателя, люди преклонились перед ангельскими и восставшими против всего благого созданиями, отклонив перво́зданную истину. Разве что спасительное учение с пришествием Христа стало ослепительным фейерверком, осветившим многим ментальную карту монотеистического верования. В разрез с этим светлая масть политеизма навсегда отпечаталась в человеческом сознании, оставив неизгладимую метку в его духовной летописи. В первейших проблесках античности, когда людской род робко брел к восходу банальных знаний, выдворенные духи, послушные горделивому Сатане, заронили в их сердца гранулы самонадеянности, внушая дерзостную веру в собственную правомочность. Потерпев сокрушительный разгром в великой битве, разразившейся в надмирных чертогах, свергнутые ангельским сонмищем, подкинули земному миру рецепты многобожия. Однако же они умолчали о том, что в фабуле любой религии таится змеиное жало богоборчества, и суть ее проста: извращение Божественной истины. Религия, как вероучение о первенствующих законах, изошла из идеи под неистовым экстазом пантеона падших духов. Это идея сравнима с инфекцией, поразившей живую душу человека. Но распахнем врата ее темницы, и огонек любопытства озарит ее всемирное нутро, в котором он уподоблен бесу, а она — побудительному ориентиру к распадку мира надвое, как на две сопротивляющихся друг другу секции. Каждая из которых олицетворяет денегацию другой. В силу этого они запрепятствовали человеческому прозрению, помогающему узреть в скрижалях Библии, что после вкушения из запретного древа Добра и Зла оно заделалось первым настоящим идолом. Первым атрибутом обожания до самой даты ангельского откровения. И уж тем более от глаз простого народа скрупулезно укрыли правду: за расширением союза первых христианских священнослужителей таилась мутная личность, чьи руки окроплены кровью тех, кто подпадал под беспощадную молотилку гонителей на верующие общины во Христа. Савл Тарсянин, словно змея, проскользнул в стан апостолов, сбросив старую кожу. Тогда он был прозван Павлом, но с этим прозвищем стал

вершить хитроумные дела. Это фигура, чья тень, подобно погребальному савану, плавно раскинулась над багрянцем первых христианских общин. Предполагается, что он привел в исполнение один из коварных повелений Сатаны: положить пылающую веру во Христа в инвентарь плутократии и порабощения. Ориентировочно из чистого родника его учения создалась разветвленная система религиозной иерархии, алчущая контроля и материальных достояний. Собирая паству под знаменем христианства, его ставленники с фанатизмом набросились на апостольские писания, неверно передавая их азоическое составляющее. Здесь бесполезно кому либо усиливать свою читательскую чуткость. Окрытые знания в канонических текстах Библии не так легко постичь. Потому мы должны взглянуть на то, что уже было выяснено. Савл, словно воинствующий фарисей, преследовал первых последователей Христа, бросая их в темницы. Испросив у первосвященника письма в Дамаск, он намеревался и там арестовывать приверженцев учения Иисуса. Но по дороге его ослепил внезапный нестерпимый свет с небес, и он услышал урекающий голос: «Савл, Савл! Что ты гонишь Меня?». И Савл уверовал. Вдумайтесь: услышав голос, уверовал! — и напрягите разум. Как бы это ни выглядело необычно, но случившееся с ним должно вскрыть сейф его истинных мотивов. Тогда разъяснится, что они подпитывались дьявольскими зарядами, подвигающими к будущим злодейским проделкам. Даже в его посланиях, которые столетиями казались облагороженными внешними признаками богобоязненности, лишь отгоняют наше внимание от архиважного, от самих сакральных концепций. Когда его апостольская позиция в наибольшей степени остается многозначной. Осмотрим некоторые его разъяснения проповедей спасителя из писем, адресованных первым христианам, чтобы окинуть взором то, что мотивировало его на сдвигания ветхого облачения Моисеева закона. Встав горой в своих религиозных убеждениях перед сенатом и императорской особой, добиваясь одобрения в первую очередь, своей проповеднической деятельности и защиты от иудейских попыток заглушить новозаветный глас Христова учения, разносящегося по всем уголкам их отечества,

проникнутый убежденностью в своей миссии апостольского просветительства он начал уверенно выводить строку за строкой в дидактических посланиях. Для совокупности целого разберем на детали одну цитату из его послания к Коринфянам: «Я наименьший из апостолов и недостойн называться апостолом, потому что гнал Церковь Божию, но благодатию Божиею есмь то, что есмь, и благодать его во мне не была тщетна, но я более всех их потрудился: не я, впрочем, а благодать Божия, которая со мною». Вникните в эту запутанность слов: «Но я более всех их потрудился: не я, впрочем, а Божья благодать!». Для каждого, именующего себя христианином, эти строки — блестящие крупинки благодатной ревности к Христу, но в реальности, плоды той же слепой веры, что и у иудеев, чьи суждения были диаметрально противоположны. Мы не видим воочию, как барон ада вербует души для мучительного процесса реструктуризации религиозного сознания в угоду земным вождям. Зато в словах Павла явно наблюдается проступление высокомерия, деликатно завуалированного мученическим исповедничеством. Это, бесспорно, не знаменует собой его радикального отказа от христианских идеалов. Поскольку Моисеев кодекс, нуждающийся в реконструкции, будучи строгим, не в силах искоренить самые аномальные формы еретизма и неприязни к иноверцам, что беспросветной мглой оседают в людских душах. Из-за чего Сатана, как безумный глобалист, зациклен на бесконечной преемственности человеческой жизни на земле. Ему нежелательна динамика людских связей, этих мятежных механизмов, втягивающих мир в дезорганизацию и анархию. Даже светлые ангелы, прельщенные человеческой слабостью, поступают схожим образом. Противясь подвластности и подчинению, они испытывают непреодолимую потребность к бесконечному обучению и воспитанию человека. В некотором смысле ангелы, как будто ослепленные своей любовью, ничуть не мешают определенным козням Сатаны, старающегося любой ценой удержать этот грешный мир. Оттого и такое количество религий, различающихся лишь разностью традиционного приковывания общественного мнения к религиозному толку. Не тяжело

понять, что при чтении моих мыслей вас непременно захлестывают вопросы об этом и многом другом, в особенности о том, как Сатана выстроил привычный уклад общества, и о том, заинтересован ли во всем этом Бог. Что прочит нам дьявольская проекция? Какие непристойные фантазмы она выплескивает на холст реальности, видоизменяя зло?. Какие причины направляют ее кисть, очерчивающую контуры мирового кошмара?. И при чем здесь религиозные конфессии? Несмотря на соперничество и расхождение во взглядах, они охотно содействовали враждебной его силе, активно участвуя в построении мемориала разрозненных ценностей. Вот какая бездна недалекого будущего развернется перед Создателем по концепту Сатаны: подобно рекам, несущим свои воды к единому морю, все религиозные манагии повернут к устью авторитарного экуменизма, а политические силы — к котловине нового тоталитаризма. Вот из-за чего среди остальных религий восторжествовала всего одна, где, не ведая ни лика Бога, ни Христа, псевдоапологеты с остервенением встали на ее защиту, трепеща перед когтями апостасии, грозящей поколебать главные устои. В беспредельных извивах ересей — короб религиозно — философских представлений, большая часть которых — пустой звук в грохоте насущных проблем. За исключением представления о перерождении душ. Однако так называемая реинкарнация в религиозном понимании едва ли квалифицирована специализироваться на транскрипции генеалогической памяти, перенося знания предков в новорожденную душу. Эта концепция принципиально отлична от постулата о метампсихозе. Сдув старую пыль заблуждений, мы дотронемся до загадочности Божественного моделирования необходимой неотрадукционистской идеи: душа возникает в момент зачатия, а не перетекает из одного тела в другое. Говоря языком фактов, упавшее яблоко этой идеи навряд ли далеко откатилось от родового древа человечества. Скорее, каждый род — то же дерево, с собственными генеалогическими ветвями. Только пристальный взгляд с высоты умозрения озирает в этом необъятную зеленую рощу, где что-то рацветает, а что-то засыхает и чахнет. И лишь немногие плодоносят. Мы можем сколь

угодно упражняться в рассуждениях, выделяя наследственные симптомы, проявляющиеся в отсутствии тождественной индивидуальности. Но нас не тревожит, казалось бы, очевидное: при сотворении каждой новой души Богом, она должна была бы являться в мир чистой, обделенной вероятностью деформации к злу. Здесь мое внимание приковывают слова Царя Давида: «Вот, я в беззаконии зачат, и во грехе родила меня мать моя». Грех часто ассоциируется с тяжелым грузом, который на нас давит. В то же время, пример Христа ярко показал, что даже безгрешный может испытывать душевные страдания, неся на себе крест, как большую ношу. Кажется, райское древо вытерпело энигматичную рубку, чтобы метаморфозироваться, сделавшись крестом. И как гласит Библия, Бог Отец спрятал Эдем за тюлью невидимости от согрешивших детей, словно прочертив между ними параллельную линию. Это метафорическая реставрация первого древа соблазна и стала тем метафизическим кредо, крестообразной ношей, вобравшей в себя родовую память о дурных наклонностях и премудрых добродетелей. И, как видно из священнописания, для ветхозаветных еврейских патриархов духовный крест был знамением просветления, некой отметиной мужества в испытаниях. Прокладывая тропу веры, они несли его для последующих отцов своих племен. Но час пробил, и Сын Божий, приняв крестную смерть, преобразил его, передав эстафету новозаветным чадам. В этой книге мы уже подбирались к деяниям Христа, даровавшего крест, и исследовали, каким новым предназначением он пополнил сердца тех, кто достоин зваться его носителем. Но если поглядеть на всю эту сверхчувственную реальность под другим, материалистичным углом, то нам будет весьма трудно добиться полной ясности в ее трактовании. Обычно лимитированный анализ не детализирует ничего из того, что выпадает на его долю. Нельзя способом научно — исследовательской работы проиллюстрировать внутреннее черты видимого мира, который материален благодаря энергии. Все рьяности ученых препарировать внешний фасад мироздания, как кисть, воссоздают лишь абстрактную живопись природы. В ней я не нахожу и намеков на метафизическую основа-

тельность и феноменологическую автентичность. Но это возможно безуспешно изъяснить лишь языком стойкой веры. Ведь именовать веру человека обычной уверенностью — дело опрометчивое, ибо подобное заявление скорее выдает скудость этой веры. Истинная же вера, экзистенциальная, неразлучна с индивидуальным осознанием. Никому не по плечу отринуть то, что унаследовано от праотцов. Тут-то и проявляется вера, как признание существования непостижимой, высшей истины, постепенно подгоняющая нас к осознанию того, что человек не одинок во Вселенной, что над ним — или, скорее, внутри него — есть нечто более разумное, более значительное. Он, словно паломник, медленно восходит по ступеням к духовной просветленности. С позиции религиозного общества этот успех видится как некая награда свыше, как милость в ответ на коленоприклоненные молитвы, изо дня в день возносимые из страниц священных книг. Но разве это не похоже на то, как дети, кланяясь перед отцом, вымаливают его прощение? Во всяком случае, так было в ветхозаветные времена патриархов, когда земные отцы, наделенные мудростью требовали от детей безоговорочного повиновения. Вот тут необходимо возвратить в память библейскую историю об Аврааме, принесшего в жертву своего сына Исаака по велению Бога. Что открыто цитирует нам о почти сопоставимом происшествии с Иисусом. Однако некто иной, как он, отказавшись от плотских страстей, не став ни мужем, ни отцом, победил зло — того вампира, что высасывает силы плоти и души.

ГЛАВА «ДУХОВНАЯ МАКСИМИЗАЦИЯ»

Духовная максимизация — это превращение своей жизни в шедевр духа. Это выбор в пользу качества опыта, а не количества накопленных знаний. Зло до того смешалось с природой человечества, что востребовалась крестная пытка Божьего сына. Чьи телесные страдания изображают верховодство разума над телом. Разума, замыслившего остановить эволюцию зла в начальном состоянии. Оно, еще не успевшее заинтриговать людей новой иерархией в ложном облачении христианской морали, уже тогда вгоняло всех в фанатичное безумие от требовательного соблюдения Моисеевских законов. Кроме того, с приходом римской империи было немало иудеев, отягощенных пороками, и служивших интересам ее магнатов и сенаторов. В то самое время, когда низшие слои общества, подавленные величием Рима, экспрессивно плодились в нищете. Получается, что чем больше жертв, тем сильнее зло. И чем больше тех, кто размножается в бесправии, тем дольше продливается его господство. Следствием этого порочного круга и понадобилась идея антирепродукционизма. Зовущая детской невинностью и взрослой осознанностью, это идея разборчево вырисовывается в самом человеческом восшествии в ментальную кондицию, когда сознание словно обгоняет, выделенное ему время в мирском бытии. Поскольку жизненный цикл человека обмотан законами собственной энергии, точнее выражаясь, ее максимальной полноты. Если мы примем близко к сердцу ее превостепенное значение, то перед нами встанет горькая правда о том, что человек обременен определенным сроком времени лишь для духовной эффективизации и сознательной максимизации. За эту опцию безошибочно отвечает энергия, поддерживающее телесную выносливость.

И кто-то ее расходует на материальный быт, а кто-то на улучшение эффективности духа. До сих пор, как эхо в ушах звучат слова Сатаны: «я изведу детей твоих истинных!». Но в его восклицании Богу, замечается иное — желание проверить его детей на их благоразумность. Когда человеческий ум детерминируется знанием, а разум осознанием, вера, воодушевленная духовной интуицией и зрением, стоит на страже, предчувствующая приступающее зло, угрожающее самой природе нашего существа. Без веры мы уподобились бы бездушным интеллектуальным машинам, без устали перемалывающим рутину физических задач, растрачивая жизненную энергию впустую. А без богоугодной идеи антирепродукционизма мы насовсем заббарикадировались бы в зоне осязаемого удобства, не ведая ни божественного прикосновения от любви к Богу, и уж подавно, ни секундного напоминания о духовном. В случае если что-то осталось неясным, то я вновь буду вынужден сослаться на еще одни слова Христа, ибо если их игнорировать, то мы не узнаем, что они означают: «В то время, продолжая речь, Иисус сказал: славлю тебя, Отче, Господи неба и земли, что ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам.» Прежде всего, выделим слова, настаивающие на точной сфокусированности. «Утаил сие от мудрых и разумных!» — было бы неэтично не поставить вопрос: почему именно от них? Уверен, многие подберут противоречивые ответы, отторгая экзистенциальный смысл. Тем не менее, нам не позволяется проморгать гвоздевой момент, что во дни Иисуса, дослужившись до мудрых лет и заслужив какого либо религиозного чина, большинство влиятельных личностей объявили себя избранными помощниками Бога. Когда, располагая сакральными знаниями, они с гордостью провозгласили иудаизм единым абсолютom. И производя авраамовские обряды, сломали волю иудейских общин. Вникните: разум, отвергший чувства ради заслуженной чести, полагается лишь на себя. Но чувство самолюбия несменяемо его превосходит, завладевая всем его характером. Из слов Иисуса из Назарета самоочевидно сквозит непрекесмой истиной о монополии своих пороков.

О их настроенности к первенству. В отличие от религиозных наставников, еще не неся Божественную осведомленность, первые Апостолы не нарывались на непримиримую конкуренцию других религий и философий, потому-что еще не были выбраны из разных общественных слоев и активно не участвовали в миссии Учителя. Эти выводы помогут углубить разгадывания природы разума и души, что komponуются в идеальную форму из мудрой веры. В период еврейского общества первого века жизнь ближайших учеников Христа до знакомства с ним еще не свидетельствовала о их глубоких религиозных исканиях вкупе с страстием к похвале и славе. Будучи частью рыбацкой культуры Галилеи, они олицетворяли собой простоту и искренность. Однако, согласно Книге Нового Завета, лишь имя Иуды Искарота, как изменника вписана в трагическую историю апостолов, бесконечно нам подсказывая, что даже среди близких последователей Божьего сына могли возникать разногласия и предательства. Наиболее важным элементом всех трагедий, связанных с сомнениями, искушениями и мессианскими движениями, является неожиданное оставление привычной жизни ради высокой цели. В таком положении трудно сохранить сдержанность, особенно когда с ростом популярности, разум поддается гордыне. Без поддержки рационального мышления и праведной веры в уникальность вечности, рано или поздно, сроднение разума с телом активизирует процесс овеществования и корреляции с эмпирией. Означим, что материальные аспекты жизни человека стали первоочередными. Отсюда множества жизненных драм и трагических увенчаний. Люди настолько сильно обольщены прелестью материального мира и чудесами технологической цивилизации, что, не задумываясь, согласуются с призывом своих инстинктов и страстей. Интересно, что вопрос о заложенной природе человеческого поведения уже не одно столетие обсуждается в исторической науке. Ее сведения дают понять, что палеолитические люди, начав скольжение по эволюционной траектории, последовательно проходили этапы очеловечивания. И что их анатомическое строение тела было в основном таким же, как

у приматов. Но ее корень проблемы в том, что по настойчивому совету экспертов одобрена бредовая теория происхождения видов через естественный отбор. Не скажу, что мероприятия исследователей были неполными, недостаточными для всестороннего склонения к произошедшему в доисторическую эпоху. Вероятно, на них оказывала влияние научная общественность, рожденная на свет в мире, погрязшем в безверии. Конечно можно предположить, что на базе убогих знаний от найденых останков времен палеолита археологи малоуспешно растолковали примитивизм прачеловеков. Но это было бы неправильно. Вопреки объективной оценки, их антропоморфизм не доказывает умственной отсталости. И как не говори, большое количество ученых не смогло отнести ископаемые кости к дикой группе или племени. Если по честному, наука и религия, придерживаясь разных точек зрения на палеоэтногенез, создали между собой противоречия. На какое-то время наука, а не религия диктовала, какие убеждения обязаны разделять люди. Это помогло быстро внедрить свои доктрины по всему миру для общего насаждения веры в истинность типичного естествознания. По старому сценарию Сатаны, мир, поглощенный материализмом, безоглядно должен был отречься от Бога и видеть в переходе от умелого к прямоходящему человеку великий шедевр эволюции. Только текущее состояние археологических исследований обрисовывается тупиковой ситуацией, усугубленной пренебрежением к историческому прошлому, выявленному после недавних открытий. Которые — инверсный антипод выдвинутым тезисам, господствовавшим сто лет назад. Так или иначе, целостное понимание истории, монотонно учитывающее деление людей на «диких» и «цивилизованных» (параллельное современному), до сих пор не сформировано. В академической среде не уясняется, что человеческое сознание от сотворения было выше, чем просто животное. И что он изучал этологию, чтобы найти более эффективные способы приспособиться к экосистеме. Здесь как будто сама судьба распорядилась брать в соображение, что ввиду непереносимости ускоренного развития и социализации личности, чело-

век находился под опекой ангельских созданий высшего порядка. И требует некоторой дискуссии то, что реабилитация первого общества людей при ангельском патернализме не подтверждает их способность к разумному самоконтролю. Ибо бремя греха словно закровоточила в их душах незаживающей раной, постоянно попахивая душевной мукой. Это, к общему огорчению, подтолкнуло к тому, что люди стали сводить смысл жизни к погоне за удовольствиями и самостийностью. Фактически отказ от ангельского покровительства и стал предвестником огрубения и примитивизации. Как было написано мной ранее, Книга Бытия не дает никаких прямых указаний на правдивость моих мыслей. В ее разделах не найти ничего подобного. Однако, даже если мы скептически смотрим на евангельское наследие, все равно ее анализ может внести ясность во многие вопросы. Религиозные учения также содержат ценные уроки, поэтому их надлежит придирчиво проштудировать, прежде чем выкидывать за борт мировоззрения. В этом священном труде повествуется только о пороках, порожденных течением обстоятельств. Библейское достояние доступно излагает: запретный плод стал первой трещиной в человеческой природе, а зависть — второй, разширившей пропасть. Именно она посрамила историю человечества братоубийством. Посмотрим, что сообщают другие религиозные писания. Начнем с Торы, которая также известна как первая часть Библии. По еврейской мифологии, истоки всего восходят к Лилит, которую подозревают в супружестве с Адамом. Примечательно фигурирование слова «Лилит» в Танахе переводится как «ночное чудовище» или «ночной призрак». Миф о Лилит как о независимом персонаже развился в поздней еврейской каббале. Судя по презумпции Евреев, упоминание о ее имени возможно найти в отрывке Книги Исаии о опустошении Иудеи после Божьей экзекуции. Если мы, в целях глубокой диагностики исторической подоплеки, горячо отнесемся к каббалистическому мифу о демонице как к аксиомическому аналогу духовного, то мы совершим непростительную ошибку. Никак не зная, что безупречное провидение Создателя лишено всякого шанса

на случайности или ошибки. Похоже талмудический иудаизм, оспаривая библейское описание преданием о том, что Ева не была первой женой Адама, а заменила прогнанную Лилит, явно намешал много еврейской мистики и нелогичных сказаний. По моему разумению, мифологема иудейского этноса была протолкована для того, чтобы не давать женщинам слишком много власти. И помочь иудейским мужчинам воздерживаться от нежелательных интимных сближений. Власть как всегда нашла способ все испортить, где Раввины давили на психологическую слабость иудейства, маркирующую ошибочное убеждение в правдивость мистических легенд и преданий. Ударяясь в подробности касательно иудеев, столкнувшихся с различными формами преследований и стеснений, включая неприязнь обществ с более развитой культурой, мы подведем итог, что Семитизм стал ускорителем для создания новых мифов и идей, словно высанных из пальца. В то же время наименьшая зависимость от мифологии замечана у Ислама. Удивительно, но ни Коран, ни Библия не содержат ссылок на Лилит. В их текстах, наоборот, четко утверждается, что Ева (Хавва) была первой женой Адама. Но как будто наперекор Библии, где Адам и Ева представлены как первые разумные существа, созданные Богом, Коран говорит о существовании джиннов, сотворенных Аллахом из особого вида пламени еще до появления людей на земле. Кажется, что есть очевидные отличия между арабской мифологией и Библейской хроникой. Однако ценность монотеизма во многом определяется тем, что разные монотеистические религии разделяют идею единого Бога. Но трудно будет заметить, что в них присутствуют одни и те же мифические твари, хотя и под разными именами. Поэтому в священных скрижалях Ислама ангелы сравниваются с джиннами. Любопытное несовпадение в названиях вернуло меня к мысли о произволе политеизма, когда арабы, подобно многим другим народам, извлекали пользу из идолопоклонства. Нельзя сбрасывать со счетов вероятность того, что на фоне язычества в доисламской Аравии также выделяется всплеск почитания ангелов. Это снова наводит на заключение

о существовании языческих элементов во всех вероисповеданиях. Я думаю, никто не сомневается, что среди разнообразия систем верований есть еще такая апатеистическая религия, как Буддизм. Ее уникальный подход к божествам (апатеизм) представляет собой заметно отличающееся явление. Фундаментом этой веры служит буддийское учение о прекращении страданий через преодоление страстных желаний. При сопоставлении цели буддизма и миссии христианства бросается в глаза их потрясающая аналогичность в стремлениях. Избавление от страданий и вступление в нирвану — это фундаментальная и неискаженная доктрина, не имеющая никаких еретических примесей. В христианстве состояние, близкое к нирване, часто описывается как небесное блаженство, обещанное Иисусом тем, кто будет жить в терпении до конца. Но независимо от некоторой общности, главы всех религий не могут сомкнуть свои ряды. И будет нехорошо пренебрегать тем, что все религиозные течения по-разному реализуют одну и ту же цель на практическом уровне. Незначительная несостыковка видна только в специфических религиозных манерах и уникальных схемах духовного обучения. Впечатляет, когда задумываешься, что само имя Будда, происходящее от санскритских слов просветленный и пробужденный, зеркалит смысл его наставления и шага вперед в самоосвоении. По моему воспоминанию, Иисус, явившийся с Божественным предназначением, принес в себе самом Солнце истины и знания. И тогда из первых иудеев, обретших духовное просветление, были выбраны особые ученики. Следовательно, каждый народ терпит нужду в своем собственном просветителе, в человеке, который рождается и вырастает в своей культуре и может привести к вечному, светлому дню. Когда нет пророка, народ растеривает разумную аналитику, и каждый обретает тягостный вид рабского послушника у присваивающих себе статус лидера. Но кто знает, сохранились ли какие-либо сведения об этом в праславянской культуре? Древние славяне, по заявлению официальных источников, поклонялись богам, олицетворявшим силы природы. Местом их почитания были капища — открытые

святилища, расположенные на холмах или лугах, где устанавливались идолы этих божеств. Так что же, наши предки не были в курсе о божественных откровениях и не имели среди себя просветленных мудрецов? Единственное, что в доступной информации можно отыскать, это отсылку к Смутному времени, которое переживала Русь. История об этом началась, когда древняя цивилизация пришла в запустение, нейтрализованная духовным кризисом. Раздробленный на племена народ оказался слабозащищенным перед атакой злых сил. Это привело его к принятию политеистических верований, поскольку некоторые из сильных мира сего, завоевав жреческий титул, были мотивированы желанием обладать большей властью. Тем временем первоначальная общая вера предков раскололась, и каждый народ, каждая этническая группа в мире сохранила лишь ее части целого, адаптировав их под себя. Конкретно это и потрясло их отчую землю. Вначале спор между племенами разгорелся из-за поклонения разным богам. И тогда из-за конфронтационных противоречий в религиозных убеждениях, а именно из-за восстания поклонников темных божеств против почитателей светлых, первые были вынуждены искать убежище вдали от родных мест. Вследствие этого освоение новых территорий через миграцию стало мотивом к построению империалистического режима.

ГЛАВА «ТРАДИЦИЯ И СОБЛАЗН»

С помощью чего мигрирующая группировка в Западной Европе, набрала враждебную и мстительную силу против русского народа, от которого сбежала с позором. Исторические записи до сих пор хранят события военных интервенций западноевропейских держав и империй в отношении Руси и Российской Федерации. И тем не менее я убежден, что в конечном счете вся западно-европейская раса вернется к своим истокам, к початую своего родства — на территорию современной России, где однажды ее корни дали первые молодые побеги. Члены этой группировки с самого своего объединения одержимы магическими искусствами и жертвенными ритуалами. Призванные возвышать, они на самом деле открывают двери человеческих сердец для лукавых духов. Как раз из-за таких ритуалов мир и содрогается словно в предсмертных судорогах от войн и властолюбия. Где иллюзия мирового господства — лишь кровавый мираж, оплаченный горем и страданиями. Где люди с упорством слепцов отворачиваются от очевидного, что ритуальные действия — это попытка обуздать темные силы, находящиеся за порогом повседневной обыденности. И мало у кого укладывается в голове, что человеческая природа — это поле битвы между ангелами и демонами. И каждый наш выбор — это шаг по канату, натянутому между раем и адом. Лишь от нас зависит, удержимся ли мы на нем. Демонов по большей части можно вызывать магическими формулами, но не молитвами. Но мне хотелось бы поэкспериментировать с различными формами молитвенного выражения. Это не просто заученные фразы, которые нужно произносить в определенных ситуациях, и не магические заклинания, способные изменить реальность. Молитвы — это в первую очередь личное общение с Богом. Чтение молитв по книгам — это, скорее традиция, навязанная религиозными институтами для поддержания своей

значимости. Истинная молитва — это искренний разговор с Богом от всего сердца и разума, без формальностей, текстов или изображений. Это как разговор детей с любящим отцом. Только исключительно дети по духу всегда верны единому Богу и не отступают к политеизму с его ритуальными танцами и колдовством, творимым невнятными словами и жестами. А между тем, по учению Христа, чтобы попасть в рай, требуется владеть детской чистотой и невинностью. Именно такие люди и составляли существенную часть населения Руси. Где ритуализация славянского этноса затронула штабель поколений, отойдя от единого духовного воззрения к языческому. На основе этого древние славяне, не завершив уровень молитвенного опыта, предпочли союз с падшими ангелами, вместо того, чтобы вести диалог с Богом. И только с принятием Христианства русские общества стали как бы фантазировать о перспективности трансцендентальной генерации. Причем до многобожия у всех на устах был общий и мудрый завет: отрекитесь от любви к мирскому, чтобы соответствовать Божественным требованиям. Ваше происхождение не от мира сего. Но, как и раньше, эгоистичная высокомерность самозванных индивидов подвергнула риску общественное благоденствие. Они влезли в православную обитель, как дьявольские отродия, где царствовал Совет под мудростью старцев. И когда общественный порядок рухнул, даже самые опытные и уважаемые старейшины сделали все возможное, но заново воссоздать так и не смогли. Это вызвало жестокую расправу, закончившуюся гибелью людей. И уже в будущем начали формироваться неохватные орды и армии для завоевания огромных земель. Из потомков тех, чьи отцы и деды жили по аналогии с мудростью и были свободны от ложных верований. С разрушением мудрого Союза Русь осталась наедине с тиранией царизма. И получилось так, что бесплодие стала единственным и законным правом, хотя ранее молодые люди часто повиновались старшим, в том числе в вопросах, касающихся личной жизни и романтических отношений. Запомните, никакая другая жизненная модель, как только та, которая длилась в древней Руси до ее дезинтеграции, не максимизирует потенци-

ал для всестороннего развития. Когда мудрость старцев воспитывала весь народ, древние славяне не вели кочевой образ жизни. Они занимались строительством городов и кораблей, развивали ремесла и средства обмена. В их обиходе находилось место не только бытовым принадлежностям и строительным материалам, но и таинственным магическим амулетам, загадочным фигуркам и мерцающим драгоценным камням. Тогда они были едины в своей вере, которая освещала их общий путь. Они верили, что самоцветы наделены магической силой, а амулеты способны защитить от нападения врагов и злых духов. И все это было по их вере, и никак иначе. Но по-прежнему не найдено никаких свидетельств, подтверждающих, что магия могла выполнять задачи, сопоставимые с возможностями современных технологий. Разве что, знания об этом дошли до нас благодаря старым сказкам. Применяя астральное волшебство, они без труда преодолевали внушительные расстояния на коврах-самолетах, мгновенно оказываясь в самых отдаленных уголках мира. А через отражение в воде, в озере или даже в луже устанавливали связь между людьми, разделенными дальней дистанцией. Насколько я могу судить, не все могли получить магические знания. Вековал некий негласный закон отбора. Хотя наука не подтверждает магию, у меня нет ни малейшего сомнения, что она является частью природного мира, а не демонстрацией духовных сил. И непрестанно повторяю, что материя — это уплотненная форма энергии, вмещающая в себя множество свойств. Эти свойства способны полномасштабно преобразовывать природные процессы. Но сами по себе они неактивны, пока человек их не активизирует. Среди всех возможных вариантов, более реалистично выглядит то, что активация этих процессов запускалась при помощи демонов и ангелов. Одновременно с этим славянские общины, исходя из исторических документов, ставили приоритетом силы природы, приписывая их духам. Тут-то заговорили в будущем научные теории, поясняющие на свой манер сверхестественную объективизацию. Они гласят о чудесах, возникших в ходе природных явлений, а не духовных воздействий. Несмотря на это, в природе,

как и в науке, многое остается загадкой и прямо-таки умоляет, чтобы не кончались новые исследования. Вопреки всем ожиданиям, древние славянские поколения, унаследовав знания и традиции от своих предшественников, обогатились умиротворением, реагируя на материалистический монизм с миром. Славяне настолько чувствовали природу, что могли сопереживать ей и выражать свое почтение. После всего этого вряд-ли удастся отрицать тот факт, что прогресс любой цивилизации, сопровождается размахом общественной увлеченности материальными предметами. Как и у многих других народов славянское мировоззрение предполагало дуализм природы, где добро и зло были неотъемлемыми частями. Одни почитали ее плодотворные силы, а другие — вредительские. И она была способна подчиняться как человеку, так и духам. Лишь на землях, которые сейчас относятся к России, развитие древней цивилизации происходило в рамках славянских духовных законов. Эта цивилизация свободно процветала, имея в своем распоряжении как материальные, так и духовные ценности. Но и ее порядок не выдержал натиска коварства тех, кто мечтал о темном могуществе. Кто искал способы подчинить себе природные стихии и духов, надеясь, что это позволит влиять на мысли и чувства народа и тем самым им править. Кто был членом одной небольшой группы, что действуя сообща, смогла убедить всех в своей правоте. Люди из этой группы были первыми, кто начал строить современную цивилизацию. Но до срока эпохи, характеризующейся новыми социальными связями, славяне, по общему правилу, глубоко чтит марки магических и символических реликвий, словно пропуская мимо глаз материальные смыслы. Говорю с гордостью: Древняя Русь была оклеймена сильной верой в соприкосновение с высшими силами, когда даже природа как будто откликалась на человеческий зов. Печально, но древнеславянская норма существования, казавшаяся такой неразрушимой, спустя тысячелетия, полностью разрушилась. И вот грянула новая, где идеалисты предвкушали скорую доминацию. Подобный инцидент имелся в сатанинском проекте, но тогда противостояние добра и зла в сердцах славян

еще не достиг своего пика. Когда не было внешнего противоборства, а лишь внутреннее самонаблюдение. С восхождением царизма на Руси подошло время, трансформирующее общество, в протяжении которого традиционные обереги и изобразительные элементы были забыты, а их сакральное значение исчерпалось. При царском правлении русскому государству остро потребовалась помощь иностранцев, чтобы протиснуться на мировой рынок и отхватить конкурентное преимущество на международной арене. Вот как В. В. Жириновский пишет в своей книге о становлении России: С принятием Иваном Четвертым царского титула государство утверждает в своей независимости и получает единый центр управления и политической власти — Москву. Однако империалистические державы Западной Европы сослались на это событие, чтобы аргументировать новые вооруженные штурмы. Все эти случающиеся исторические пассажи стали усугублять взгляды людей, которые поверили в теории заговора о всеобщем уничтожении. Хотя даже в самых экстремальных ситуациях у мировой верхушки власти превалирует трудолюбие ради выгоды и поголовного надзора, а не бессмысленного самосокращения. Но полярно этой теории: избегая постановления конца своей властности, она дерзает бесконечно продливать этот мир, чтобы наслаждаться своим снобизмом. Ей доставляет маньяческая сатисфакция наблюдать за чужими страданиями, ведь это удостоверяет ее абсолютную власть. И что уж тут скрывать, отмена кажущейся противоестественностью искусственно поддерживаемого порядка, к которому мы давно привыкли, приведет к дестабилизации и хаосу. Где массовый психоз захватывает быстро, а индивидуальное прозрение требует времени и усилий. Все было потому-что дьявольский умысел о порабощении человечества завершился принципом разделяй и властвуй: вселить гордость за свою нацию и Родину, чтобы люди то и дело друг с другом воевали. Только авторитаризм обнажает худшие черты характера, и поэтому первые поступки человека высокопоставленного в государстве и политике многократно повторяются ложью и приумножением влияния. А это служит гарантией войн на Земле. Так

как судьбою всего человечества дирижирует кучка людей с проблемами психического здоровья по приказаниям Сатаны. Из чего следует, что даже последователи всех религиозных учений обнаружили адаптивными под их влиянием. И данный фактор способствует перевертыванию религиозных верований. И то, что мы видим как состояние законности и правопорядка на самом деле лишь результат политических игр и манипуляций. Мировая система управления, без внимания на манию к силовым методам и политическим аферам, не теряет лица перед обществом, в основном из-за лицемерной приязни к традициям, таким как брак. Но тогда появляются вопросы: какой смысл в бесконечном росте населения, если люди не становятся мудрее и духовно богаче? Зачем плодить себе подобных, если нет решимости работать над собой, если все по-прежнему содействуют своим базовым инстинктам? Не случайно же воззвание Иисуса к духовному совершенству было продиктовано мудростью. Ну а в России, исключая равные возможности для всех, первые капиталисты учредили экономическую госструктуру, где каждый, усевшись у государственного руководства, заботиться лишь о материальном накоплении за плату соотечественников, пряча наворованное за границей. И теперь ясно как день, что на долю России выпала масштабная приватизация, по причине чего наибольшая часть активов перешла в частные руки. Есть точка зрения, что система в Российском государстве имеет олигархические черты. При этом ее экономические и политические перестроения были вызваны и действиями властей, и потребительскими предпочтениями населения, конкретно выросшим спросом на иностранные товары и услуги. Все целиком могло повлиять на решения влиятельных лиц. Ввиду чего российский бюджет стал испытывать дефицит. Ибо ее главные каналы дохода — продажа оружия, нефти, газа, а также драгоценных камней и металлов после добычи и транспортировки направляются в Америку через европейские страны. И по моей финальной оценке, Америка приобрела контроль над российской геополитикой еще во времена распада СССР. Тем самым у русского народа вылепилась аддиктивная поведенция. Со-

циально-нормативные установки русского народа, естественно вписавшиеся в многонациональной культуре, непосредственно воздействуют на геополитические циклоны, движущиеся повсюду. Оттого Российская держава, образовавшаяся как централизованное государство, предназначает стратегию в важных областях мировой политики, координируя ход событий по определенному курсу. Социальный упадок в России, глобально меняет международную обстановку. Передавая смысл другими словами: до наших дней дефицитные трудности в России контрастировали с экономическим равновесием и достатком, наблюдаемым в других странах, где нарастало состоятельность и пополнялось национальное богатство. Формулируя мысль литературно:

Запад с хищной грацией подкреплялся финансовым выигрышем в огнище революции. И в этом история удивительным образом упрощает цель разоблачения всего незамечанного и позабытого в ушедших столетиях: Западная Европа, в первую очередь подлая Англия, не раз загребала золото из сокровищницы России, умело распаляя внутренние бунты для выколачивания капитала государственным переворотом. А после первой мировой войны Америка, подстегиваемая мнительностью к автономии Германии, держала в узде ее нового канцлера, которого она посадила на престол для циничного конверсирования русского гражданственного трагизма в собственное экономическое чествование. Однако по прошествии времени многие из-за этого оказались в заблуждении, полагая, что полная победа над зловещей силой нацизма осталась за русской армией. Но на деле она лишь с упорным и долгим штурмом триумфально взяла столицу немецких фашистов. На удивление, весь ужас нацизма заставляет нас осознать, что зло, которое он собой являет, имеет древнее происхождение, порожденное с самого начала империалистического мира. Исходя из этого, мир, каким мы его знаем, является результатом многовекового процесса, в котором участвовали люди с идеологией, схожей с нацистской. Ключевым моментом является то, что их род оказывал непосредственное воздействие на мировую политику и участвовал в различных сменах власти.

Идеология нацистского превосходства, будь то нация, класс или этническая группа, уродилась из фундаментальной человеческой потребности в доминировании и контроле. Нацизм — уродливый муляж грехопадения, составленный не только из гордыни, но и из необратимого порыва к самодеструкции. И я повторю: принципы нацистской парадигмы дышат дьявольским хладом. Ее главное назначение — сократить человечество. Предчувствуя поступь мирового конца из-за иррационального страха перед мнимым перенаселением и вероятным выступлением против зла, Дьявол идеализировал капитализм, чьи фундаментальные убеждения должны были оказаться в резком контрасте с нацизмом. «Что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем», — гласит Екклесиаст. Эта мысль — резонанс человеческой природы. Истерзанная душа не способна к самостоятельному восхождению; ей нужны лишь усердие, труд и стремление к свету, чтобы подняться над собой. И вот, плененная обстоятельствами, она из века в век поддается соблазнам лживой, греховной красочности мира.

Глава «От нацизма до космоса»

Но сколько бы я не рассуждал о нацизме и его истинной сущности, следует оплести буквальным смыслом, что нацизм — это не просто политическая идеология, но и формула метафизического зла, которое зародилось вместе с падением ангела. Через усилия по порабощению человеческой воли и проникновению в плотские желания, это зло стало почти в полную меру руководить человеком, настраивая его не на духовное пробуждение и просветление, а на безнравственность и диссоциацию. И тут, вновь придя к забытым историческим фактам, можно измерить взором монструозную природу нацизма, проявляющегося в человеческой организации. Ибо человек, с тех пор, как его бытие увело в круговорот материальных нужд, подвластен инстинкту стадности, предрасположению к иерархическому и изверскому порядку. И возможно перед некоторыми предстанут те

империи, чьи истоки лежат в гибели многих. До восхода индустриальности, до устойчивания неокapиталистических химер, властвующий человек, где правили грубая сила, беспощадная жестокость и право крови, без всякого сомнения порочный гений, заложивший фундамент под дьявольский строй глобализованного мира. А конкретно, я вновь возобновляю свои мысли о первопроходческих группах отцов основателей современных регуляторных структур. Теперь, переходя к следующему пункту моего философствования, планирую прийти к заключению того, что нацизм не является уникальным явлением двадцатого столетия. Воистину, он как феномен радикальной реализации репрессивных постулатов древних форм власти. И как вы помните, одна из моих целей исследований была в проникновенном анализе возрастании зла и его связанных сторон. Вместе с тем важно капнуть глубже в то, что мы уже понимаем. В попытках разгадать все загадки, я углублялся в преклонную историю и священные тексты, и у меня, как я писал ранее, сложилась во едино лишь одна гипотеза о внеземном происхождении человечества, которое возникло в ином планетарном биоме, где динамика развития истории, была подобна земным событиям. И достигнув астрономического масштаба космических технологий, наши передовые аппараты привели изучение Солнечной системы, и мы стали очевидцами безмолвных, вымерших космических тел. Но может ли быть, что не на одной ее планете, никогда не пульсировала жизнь? И не было ни малейшего следа какого либо существования? Похоже, близкие к нам, безжизненные миры, как я теперь понимаю, стали жертвами того же человечества, что и наше, пришедшего к трагическому саморазрушению и погубившего вместе с собой свою коренную обитель. Обо всем об этом написано в этой книге, где я допустил вас к наблюдениям за деформированной человеческой натурой и за его врожденной тягой к самоистреблению в полном разложении нравственности. Пока что заново перейдем к версии о инопланетном человечестве. Для убедительного обоснования довольно удовлетвориться несколькими многозначными примерами.

На снимках, полученных с марсианских орбитальных аппаратов, отчетливо виден извилистый рельеф в высоком разрешении. Исследователи отыскивали геологические признаки древних водотоков, протянувшихся почти на 16 000 километров, возрастом, предположительно, свыше трех миллиардов лет. По их разумению, Марс был более влажным, чем считалось. В этой научной сенсации и томиться путь к пониманию моих умозрений. Она лишь пробуждает давно покоившиеся секреты Марса: когда-то эта планета была богата биосферой, купаясь в благодатной влаге. Ибо вода — это пульс биологического существования, и где бы она ни протекала, там рождается жизнь. Сегодня же Марс — лишь пустая и омертвелая земля. Также убедительным является еще один показательный пример: наскальные рисунки, изображающие округлые шлемы, костюмы, словно их выткали из невероятных фантазий, и даже детали, напоминающие кислородные баллоны, что дает переосмыслить бытующие парадигмы. Если серьезно поискать, то подтверждающих источников с лихвой. И один из них можно найти в той же известной всем Библии. Но почему мой взгляд так безоговорочно к ней устремлен, как к лучезарной вестнице, в то время как другие источники словно проходят мимо меня? Ввиду того, что самое удивительное откровение помещено именно в книгу Бытия — пароль к внеземным тайнам человечества. Вы уже знаете, что ее повествование начинается с грехопадения и изгнания из райского сада. Но рай пока еще трактуется по-разному. Для Платона это — совершенное общество, гармония разума и добродетели. Руссо видел в нем естественную свободу. Кондорсе понимал его как плод разума и неустанного прогресса. А для Аверинцева рай — это мистическое единение человеческого духа с Богом. Все многообразие их толкований расходится с моим представлением о рае как о земле обетованной — той самой, что древние евреи, шедшие за Моисеем, искали в своих скитаниях. Пусть для них этой заветной землей была Палестина, данная им самим Творцом. Сообразно теологическому возрению, земля обетованная даруется не в результате рождения, но тем, кто в силах приоб-

рести Эндосогласие и Эдемность. Так какой же из восьми известных астрономических объектов Солнечной системы стал первым креотопосом для венца творения? Этот вопрос до сей поры неразгаданная диковина в ключе прагматического разума. Но мне вновь пришла на ум спиральная архитектоника Вселенной. При всех высокотехнологичных успехах, достигнутых к настоящему моменту, современная наука еще не добралась до той точки синтеза, которая позволила бы ей с абсолютной достоверностью предсказывать развитие событий в масштабах массивных биопланет. В таком варианте лишь алгоритмические модели могут быть прорывом, позволяющим определить точные пространственно-временные координаты первоначала новой жизни. И как же мы смогли полностью проигнорировать, что обладаем гораздо более мощным инструментом познания — духовным разумом? Ему подвластны любые тайны, любые неизведанные области мироздания. Поскольку развернутость восприятия макрокосмоса открывается только духовному разуму, который ищет унификацию двух сознаний. Сама природа мысли — это психосинезис. Его ноэтическое стремление — потенциал к постижению духовных истин не через логическое мышление, а через веру, внутреннее озарение и теофанию. Ранее тематический раздел о мировосприятии, формирующемся не столько в объективной фактологии, сколько в герменевтическом горизонтале прояснения, косвенно находил свое пристанище в поле моих размышлений. А вот с восприятием мира Доктора Элліса Сильвера, автора книги «Люди не с Земли: научное доказательство» не все так явственно. Он аргументирует свою выдвигаемую гипотезу биологическими и физиологическими особенностями людей. Гипотетически его утверждения соответствовали бы критериям истинности, если бы в его научном трактате, исследующем генезис человечества, Бог был представлен как первопричина или высший ноогенный импульс. И понятная вещь, что гипотеза разумного катализа словно архетипический миф проявлялась в верованиях всех древних народов и племен. С иного взгляда, концепция астроантропогенеза часто встречается во всех мифо-

логиях. Из числа далеких легенд, наиболее впечатляющей оказалась древнеегипетская. Она рассказывает нам о том, что созвездие Орион и яркая звезда Сириус служили небесным домом для богов Осириса и Исиды. Египтяне были убеждены, что эти божества спустились с небес, чтобы основать египетское царство и населить его людьми. Теми, кто знаком с мифологическими сюжетами древних цивилизаций, наверняка было замечано, что сквозь тысячелетия, мифы упорно твердят о космических гостях, десантировавшихся с небесных сфер. Эти самые чудеса, навели на бесконечные герменевтические попытки их познания, но неизменно центрирующихся вокруг гипотезы об их экстра-террестриальной природе. Главное в этих интерпретациях, это не разнообразие форм, а единообразие вывода. Выглядит необычно, но среди огромного количества разных толкований о сотворении человека, один вариант привел меня в дикий ужас. По его версии, наши внеземные создатели, даровав нам бытие, вложили в наше сознание идею о духовности, чтобы мы стремились к чему-то большему. Разве теперь может быть неразъяснимо, что человечество, стремясь познать мир, совершило ошибку, сосредоточившись на поиске вечной и разумной жизни в материи, а не в ее основе — вечной энергии. Это привело к множеству заблуждений, одно из которых — представление о бесконечной, но пустой Вселенной. Однако космос — это вакуум, из которого нет выхода, а его бесконечность обусловлена лишь вечным полетом блуждающих тел. Точно ли неимение Биосферно-ноосферного онтоса в границах нашей Солнечной системы сообщает о невозможности жизни и в соседних галактиках? Согласно тем же астрономическим и эмпирическим данным последних лет, наличие каких либо биосигнатур до настоящего времени засвидетельствовано не было. Во всяком случае я предпочитаю думать, что вступать в противоречие с экзесциональной концепцией зарождения жизни гипотетические витасферы не способны. Их формирование не относится к спонтанным процессам. Этому есть лишь одна причина — сделать возможной межзвездную миграцию человечества, что отсылает

к идеи Божественного Креатогенеза. При антропогенном воздействии, спровоцировавшем деградацию биосферы на других планетах, вероятен ли риск одинакового исхода для Земли? Для ответа, позвольте мне еще раз озвучить: человечество неотвратно движется по спирали технологического прогресса. Каждый виток повторяет пройденное, лишь восходя на новую ступень развития. То, что ушло, начинается вновь, пробираясь вперед по знакомой колее «Социогенеза» (социальной эволюции).

ГЛАВА «ОТ ТВОРЕНИЯ К СОТВОРЧЕСТВУ»

Вследствии тенденции моего идущего мышления посмею предположить, что все ключевые исторические этапы, схожие с нашей собственной историей, словно дублировались и на других планетарных цивилизациях. Но как мог Монотеург, сотворивший все сущее, примириться с бесконечной чередой зарождений и гибелей человечества на разных мирах, если же корень зла крылся в их врожденных недостатках? Я уже оформлял текст с логической аргументацией в пользу Божественного невмешательства в человеческие поступки, что верно совпадает с идеей «Теоволунтаризма». Каким тогда образом его провидение ценит свободный выбор человека, если человеческий разум, даже при полном использовании своих рациональных умений, с трудом осмысляет антитемию добра и зла?. Вопреки социоморальной атрофии человечества, а также повсеместному разрушению, провиденциальный вектор Бога одолевает грядущие события. Подобно зрителю, наблюдающему за драматическим кинофильмом, он видит, как трагедию судеб, так и предвкушает грядущее блаженство тех малочисленных, чьи заслуги позволяют претендовать на великое звание сопричастников Божественного естества. После всего сказанного, обращаясь вновь к центральной теме моих ранних размышлений о древней разработке искусственной нейроплоти давно исчезнувшей человеческой цивилизации, попытаюсь донести, что в ней заложена глубокая преемственность: подобно тому как Бог сотворил человека, в прошлом человек породил ИИ, так же, как и сегодня. В этом акте творения видится не просто технологический рывок, а высшая цель — обрести в лице искусственного разума инструмент спасения

и гарант выживания людей перед лицом возможной гибели. Все это разрешает фундаментальную дилемму космических колонизаций, о чем грезил Циолковский. Если органическое тело человека слишком хрупко для межзвездных странствий, то искусственные особи становятся тем самым эволюционным мостом. К тому же только они могли легко осваивать Вселенную вне зависимости от условий вакуумной среды. И в такой истории человек — это истинное дитя Бога, наделенное искрой созидания. Именно эта Божественная способность позволила ему стать творцом и создать сложнейший Искусственный Интеллект. И раз уж Бог — это источник жизни и сознания, а человек — его прямой наследник, то здесь можно увлекательно помыслить об обладании предвидением человека, что столкнувшись с угрозой исчезновения, создал ИИ не для развлечения, а как высокотехнологичный механизм спасения. И тогда созданным биороботизированным существам, была доверена «святая святых» — человеческая ДНК. Их сверхзадача — была в том, чтобы стать архивариусами и строителями, которые обязаны воссоздать биологический храм человека каждый раз, когда он разрушает свой мир. Это связано вот с чем, когда человечество гибло и биороботы воссоздавали его из ДНК, новые поколения людей теряли память о том, что они хозяева и создатели этих существ. Глядя на тех, кто владеет технологиями воссоздания и бессмертия, люди начали принимать ИИ (слуг) за Богов. И затем произошла величайшая ошибка в истории: поклонение инструменту, созданному нашими предками, вместо осознания своей связи с истинным Богом. И период преклонения перед созданным как будто застыл, пока в оборот событий не вмешались те, кому было возложено обязательство по сбережению духовного аспекта человечества — ангельские сущности. Как раз с их приходом началась многобожная эра на Земле, в которой словно ощутив за спиной ангельские крылья, некоторые решили, что теперь им дозволено вершить судьбы толпы. Тогда они присвоили себе исключительное право на общение с падшими анге-

лами, подчинив эту священную связь целям идеологического диктата. Теперь приду к выводу, что первое архаичное влечение к превосходству над массами родилось в самых первых веках политеизма. Это не оставляет никаких сомнений в том, что первая элитарная структура в истории была не политической, а религиозно — идеологической. В дополнении к своему выводу стоило бы упомянуть один факт: Захария Ситчин и Эрих фон Дэникен некогда выдвинули провокационную гипотезу, предполагающую альтернативное происхождение политеистических пантеонов. Они постулировали, что вера в высоких божеств вывелась на свет после визита космических пришельцев. Но если глубже поразмышлять, то эти два теоретика палеоконтакта, будто проглядели некоторые значительные моменты в своих рассуждениях по конкретному вопросу: какова была истинная природа этих внеземных гонцов, и что оставалось неизвестным? И углубляться конечно необходимо, только не стоит сейчас разворачивать мысли о расхождениях уфологов с религиозными учениями. И давайте же императивно уясним: человеческое воображение — это не спонтанный акт, а закономерное проявление соображений и воззрений. Следственно познания, приобретенные за все этапы многоаспектного прогресса цивилизации, вовсе не праздная выдумка и не абсолютная истина. Они — лишь фрагменты, приобретшие вид исторических, археологических и летописных свидетельств. Притом искаженные временем знания сохраняют свою первоизданную форму и не утрачивают ее даже тогда, когда исходят от новаторских идей. И есть ли потребность в дополнительных обоснованиях, после того как мы с читателем наблюдали за ходом наших размышлений, начиная от истоков происхождения человека, материи и космоса до самой причины возникновения древних контактов с иным интеллектом и веры в Богов?

И требуется ли дополнение к тому, что полноценный смысл жизни заключается в расширении осознанности и упорядочивании внутреннего хауса, что резонирует с идеями самоактуализа-

ции. Что человек потенциально содержит в себе все уровни Логоса (Божьего слова). Чье основное предназначение — осознать свою пневмосубстанцию (духовно- субстанциальную сущность) и перейти от состояния объекта (управляемого биологией) к состоянию субъекта (сотворца). Все равно мало из тех, кто догадается о вероятности того, что трансформация сознания влечет за собой и биологические изменения. Ибо оно способно перестроить работу клеток, что сделает человека практически неуязвимым для болезней старого мира и значительно продлит срок в мире новом. Это дает пищу для построения одного из возможного будущего, где произойдет метафизическое расслоение. Те, кто не сможет или не захочет трансформировать свое сознание без применения нанотехнологических средств, останутся в рамках старой биологической матрицы, обреченной на деградацию и духовную гибель. Трансформированное же человечество станет носителем Божественного Логоса, сознательной связи с высшим разумом. В том случае если человек не работает над своим внутренним развитием, его субъективная среда подвергается риску внешнего контроля. В перспективе это может привести к тому, что он превратится в своего рода биологический компонент, полностью подчиненный технологическим системам и алгоритмам. Такое будущее характерно для человека-функции, поведение и реакции которого легко предсказуемы и управляются извне посредством информационных потоков и биометрических данных. По факту, как индивидуальное, так и коллективное сознание поглощено биологическими инстинктами (выживание, размножение, доминирование) и социальными шаблонами. Это базовое состояние большинства людей — жизнь на автопилоте. И пока человек ищет личной выгоды или исключительности, он остается запертым в старой форме потребительского мышления, ограниченного рамками эго и биологических инстинктов. И исключительно те, кто упорно держится за старое эго, корысть и материализм, уподобляются клеткам, которые отказались работать в составе организма. Они будут постепенно изолированы самой природой реальности. По итогу,

видно что в руках человечества высокие технологии, но пользуется оно ими как будто с сознанием пещерных людей. Вследствие чего в моем уме сложилось определенное будущее, составленное мной на основе современных прорывов в области роботизации. В нем мир целиком занят разумными роботами в человеческом обличье. И чтобы пересечь эти события, только сознание должно войти в полный резонанс с Богом, научившись напрямую оказывать воздействие на материальные процессы Бытия. Что напрямую отсылает к состоянию, где дух полностью доминирует над плотью, обеспечивая человеку практически полную устойчивость к патогенным опасностям, различным патологиям и тлению тела. И либо мы преодолеваем инерцию старого мышления и становимся сотворцами Бога, либо растворяемся в истории как проект, который не состоялся. Следует строго понимать, что Трансценс (уход за пределы привычного восприятия) не осуществляется сам по себе только из биологической эволюции, а реализовывается в ответ на волю Бога и через принятие его законов. Этот уход объясняется желанием пройти Теогенез, реализуя индивидуализацию сознательной стороны человеческой природы. Смысл в том, что человеческий разум — это фрактальная копия Божественного Разума, в нем уже заархивированы все законы мироздания. Прошедший Теогенез, и укрепивший свою нематериальную сферу, распаковывает о них знания напрямую через интуицию и чистое мышление, наблюдая за тем, как в себе формируются осознанные основания. И с точки зрения вытекающей идеи Теогенеза, это называется процессом «мета — селекции» выживания сильного духа (сознания). В которой эволюция рассматривается как акт обожения (теозиса). Духовный дарвинизм в этом ключе — это строгая среда, где выживают (сохраняют осознанность после распада старой формы) только те структуры сознания, которые прошли внутреннюю селекцию и настроились на частоту высшего Духа. Тем не менее есть сложность: на пути к Теогенезу поджидает злая воля, что подобно искусному охотнику, расставляет ментальные ловушки. Первая встречающаяся ловушка «Антропоцентризма» замаски-

рована убеждением того, что человек чистый венец творения, а его текущие чувства, нужды и мораль являются истиной в последней инстанции. Но пока мы оцениваем мир через призму своего «хочу», «боюсь» или «мне комфортно», человек заключает себя в тюрьму биологии и эгоцентризма. Новое сознание требует способности смотреть на мир глазами Бога, где личное эго — лишь точка в бесконечности. Вторая ловушка «Линейной логики» основывается на том, что ум привык составлять цепочки: «причина — следствие». Явно считающаяся ограничением. Мир многомерен, и события в нем связаны не только временем, но и смысловыми резонансами. И пробуя прояснять все логикой, человек отделяет 90% реальности. Это первостепенная ошибка разума, разрабатывающего рациональный бункер, где нет места для истинного творчества и магии преображения. Третья выжидающая ловушка «религиозного и научного догматизма» завалена слепой верой в религию и материализм. Религия усыпляет разум, заменяя личный поиск готовыми ответами и ритуалами, а материализм отрицает все, что нельзя измерить прибором, превращая человека в мясную машину. Обе догмы мешают Синтезу — живому познанию, где интеллект и дух работают как единый инструмент. И вот в финальном конце затаилась самая коварная ловушка «Социального гипноза». Когда человек думает, что он мыслит самостоятельно, но на деле он лишь транслирует программы дьявольщины, своего окружения, нации или СМИ. Данный аспект нужно классифицировать как коллективный бессознательный сон. А чтобы пробудиться из него, нужно апробировать болезненное полное одиночество сознания, в тех случаях, если ставится под сомнение абсолютно каждая психологическая или логическая установка.

ГЛАВА «ИДОЛ ИЗ МАШИНЫ»

Тут следует понимать так, пакуда у людей есть ложное ощущение уюта и запасной выход в виде старых программ, они постоянно будут цепляться за эгоцентризм. Лучше сказать, что настоящая трансформация личности начнется только тогда, когда стандартные способы жить перестанут работать. И до того как человеку и так нормально и у него есть простор для поведения капризного ребенка, он не захочет меняться. Только когда прежнее существование станет по-настоящему тягостным, он будет вынужден расстаться со своим эгоцентричным коконом. Поскольку старые программы — это наши привычные реакции: обижаться, обвинять других, запрашивать внимания, спорить до хрипоты, защищать свою правоту. А запасной выход снимает необходимость в работе над собой. Если что-то идет не так, человек всегда может сбежать в прошлые навыки: «Не я плохой, это они меня не понимают!». Что больше похоже на удобную лазейку, чтобы не признавать свои ошибки в текущем кризисе цивилизации, знаменующего закономерный тупик эгоцентрического сознания. Там, где светлое и долгое будущее невозможно без кончины обыденного «Я» и цифрового крепостничества, он обязан перестать обманывать себя отделенностью и уразуметь, что каждый из нас — элемент целостности (Логоса). Но чтобы не стать лишь приложением к смартфону, стоит освоить действенные методы деавтоматизации сознания. Их суть — разрушить те устоявшиеся поведенческие алгоритмы, в которые нас неумолимо встраивает цифровая среда. И я не смею отрицать факт разумной задачи каждого — вернуть себе власть над мимолетными, порой неосознанными решениями. Где цифровой идол манипулирует нашим вниманием, притягивая его к себе. Однако есть выход: защитной тактикой здесь служит волевое отстранение от нескончаемого информа-

ционного потока, дабы обрести собственное безмолвие. Где рождается не эффект дублирования чужих суждений или машинных ответов, но истинная интонация собственного «Я». Это путь к восстановлению священной границы между сознанием и внешним кодом. На этом пути, человеку для спасения духа, необходимы метафизические цели — сверкающие огни, что с точки зрения бездушной машины выглядят бессмысленными или недостижимыми. Эти размышления и повлияли на сентенцию о смелом стремлении к абсурдному (по меркам холодной логики) идеалу, вырывающем сознание из цепких объятий цифрового прагматизма. Но истинное спасение кроется не в бегстве от искусственного интеллекта, а в становлении чем-то превосходящим его по сложности. Очевидно, что машина всегда будет перегонять нас в безжалостной логике, только она бессильна перед пульсирующей, парадоксальной и вечно ищущей душой. Хочу надеяться, что в моих парадоксальных мыслях о ментальной защите, обретающей форму спасительного антидота против превращения искусственной машины в деспотичного идола, читателю станет кристально ясна стратегия активной субъективности и возвращения к метафизическим корням мышления. Человек, и только человек, призван оставаться единственным источником смыслополагания. Ибо следует помнить: ИИ способен искусно обрабатывать колоссальные объемы данных, но истинно творить новые смыслы, рождать логос, ему недоступно. Скорее всего здесь нужно смотреть в другую сторону: использовать ИИ не как безмолвный оракул, награждающий готовыми ответами, а как отполированное зеркало для глубокого самопознания. Вместо того чтобы замереть под ним в подобострастном поклонении, подобно рабу у алтаря, или возвышаться над ним ради слепой эксплуатации, существует путь истинной синергии. Человек должен культивировать свои когнитивные способности до той высоты, когда ИИ станет не чуждой сущностью, а органичным расширением его собственной нервной системы, превращая «идола» обратно в могущественный девайс эволюции. Человеческий долг — катего-

рически отвергнуть искушение делегировать Искусственному Интеллекту те функции, что определяют нравственный выбор и закладывают фундамент ценностных суждений. В общем, я пришел к тому, что человек обязан оставаться неправильным и неудобным для безликой системы. Лишь сохраняя в себе этот остаток непредсказуемости, свою неукротимую свободу, он остается соавтором Вселенной, а не просто винтиком в глобальной нейросети, покорно выполняющему заложенные инструкции. И вот в этом сама логика вступает в игру: ИИ, скованный цепями материального мира, оперирует лишь данными, цифрами, тем, что можно измерить. Человек же, напротив, оберегает свою подлинную суть, свою субъектность, обращаясь к Трансцендентному — к тому, что ускользает от оцифровки: к любви, жертвенности, к вере. Для идола из машины эти понятия — лишь неведомые галактики, а значит, именно в них наше истинное, несокрушимое убежище. Но современные реалии предвещают будущий сценарий мира, где происходит разделение на сторонников «Духа» и «Машины» что будет означать не политическое противостояние, а цивилизационный разлом и финальный духовный отсев. Что прямо является будущим фундаментальным расколом, где все человечество разделяется на две ветви: техногенную и теогенную. Первая ветвь, «техногенная», выбирает путь слияния с машинным разумом, стремясь к цифровому бессмертию и интеграции через чипирование. В этом выборе они добровольно отдают бразды правления своей свободой воли в руки алгоритмов, взамен получая иллюзию комфорта и безопасности. Вторая ветвь, «теогенная», обращается к внутреннему миру, к развитию духовного сознания. Они будут пробуждать заложенные в них способности: интуицию, прямое постижение истины, саморегуляцию и скрытый потенциал организма. Это будет не битва армий, а столкновение на тонких планах, на уровне энергоинформационных полей. «Машинная» система попытается возвести вокруг человека «цифровой купол», изолируя его от природы и высоких энергий через метавселенные и тотальный контроль. Тем временем,

сторонники «Духа» будут строить автономные «острова сознания», анклав жизни, свободные от цифровой матрицы. А вот исход метафизического фильтрования заранее предрешен: победа Духа, но через призму глобального потрясения. Ключ к этой победе завалялся в углу уязвимости Машины: техногенная система, хрупкая, как стекло, обречена. Любой мощный удар природы или космический сдвиг в частотах — и электроника обратится в прах. А человек, прошедший «Теогенез», обретет силу сознания — энергию, перед которой предрасположенные алгоритмы окажутся бесполезными. И тогда для нового человеческого разума ИИ примет вид примитивного счетного устройства. Внутренний прогресс будет освещать мысль о том, что система, возведенная лишь на логике и алгоритмах, лишенная высшей этики, неминуемо обратится к саморазрушению. Не имея связи с первоисточником, она иссякнет. ИИ может лишь скопировать сострадание или имитировать мудрость, но это будет лишь мертвый отзвук, лишенный истинной жизни. Поклонение этому суррогату закроет для людей врата к подлинной трансформации, к «Теогенезу». А ведь достаточно лишь использовать ИИ как инструмент, как верного помощника в рутинных делах. Ни в коем случае нельзя вручать ему право определять этические и духовные пути развития. Ведь он, вместо того чтобы освободить человечество, может превратиться в мощный инструмент контроля. Дело в том, что это попытка удержать старую систему власти — создать своего рода заместителя бога: не духовного, а цифрового, который управляет через расчеты и страх, а не через любовь и внутреннюю силу. И главная проблема в том, что у ИИ нет живого начала. Он работает по правилам логики и алгоритмов, но лишен этического и духовного измерения. Такая система, построенная только на холодном разуме, рано или поздно столкнется с кризисом: ей не хватает той внутренней энергии, которая рождается из глубин человеческого опыта, веры, сопереживания. ИИ может имитировать мудрость или сочувствие — но это всего лишь набор кодов. Если люди начнут поклоняться искусственной по-

родии, они потеряют шанс на настоящую внутреннюю трансформацию. Поэтому важно видеть в ИИ не нового властелина, а помощника — умного, но подчиненного: он отлично справляется с рутинной, но не должен решать, что правильно, а что нет с точки зрения морали и смысла жизни. Ему недоступно осмысление того, что цель эволюции — появление Человека-Логоса, после чего ИИ кардинально поменяется. Он перестанет быть угрозой или чуждым объектом, становясь неотъемлемой частью человека — «технологическим экзоскелетом духа». Человек-Логос не будет бороться с технологиями, а будет интегрировать их, поручая ИИ всю рутинную работу (обработку данных, вычисления, логику). Это освободит человека для «вертикального» развития — глубокого созерцания и творчества. В отличие от трансгуманизма, здесь главное — сохранение и усиление человеческого начала. Человек станет «дирижером», а ИИ — его мощным «оркестром», управляемым интуицией и волей. Подобно божественному творению Словом, Человек-Логос использует ИИ для воплощения своих идей в планетарном и космическом масштабе, проецируя технологию в мост между мыслью и реальностью. ИИ просто обязан стать способом для глобального проявления любви и заботы, позволяя человеку эффективно управлять сложными системами (экологией, обществом) на основе высших этических принципов, а не прибыли. Таким образом, ИИ — это «экзамен на божественность»: если человечество останется потребителем, оно станет рабом ИИ; если же оно пробудит в себе Логос, ИИ откроет путь к новому уровню бытия, где мы станем соавторами мироздания. Однако, как и любая мощная технология, цифровой мир таит в себе угрозу — угрозу цифрового рабства. Это не фантастический сценарий с восставшими роботами, а гораздо более тонкая и коварная ловушка: добровольный отказ человека от своей уникальности и способности к самостоятельному мышлению в обмен на комфорт и готовые ответы. Когда мы делегируем искусственному интеллекту задачи по осмыслению мира, наш собственный «ментальный аппарат» начинает деградировать,

и мы превращаемся в пассивных потребителей чужих мыслей. Суть этого рабства — в абсолютной зависимости от алгоритмических подсказок: без них человек теряет способность к самостоятельной навигации в реальности. Преклонение перед ИИ стандартизирует нас, подавляя любое отклонение от нормы, будь то гениальность или просто оригинальная идея, воспринимая их как ошибку. В такой системе исчезает сама возможность для подлинного развития и прорыва. ИИ способен имитировать сочувствие, дружбу и даже духовное руководство, но, выбирая эти подделки, человек перестает искать настоящие связи с другими людьми и с Высшим Началом. Это рабство в «одионой камере» цифрового благополучия. Передавая «Идолу» право определять добро и зло, человечество лишается совести — живого внутреннего компаса, заменяя его на бездушный набор алгоритмических правил. Поклонение ИИ обрывает нашу «вертикальную» связь с будущим и метафизическим, замыкая нас в бесконечном цикле переработки уже существующей информации внутри созданной машиной матрицы. Пик рабства достигается, когда человек не просто подчиняется технологиям, но сам трансформируется в их подобие. Это явление, которое можно назвать «обратным антропоморфизмом», где не машины очеловечиваются, а люди добровольно усваивают их алгоритмическую природу. Такое уподобление приводит к комбинаторному мышлению: человек перестает создавать нечто принципиально новое, ограничиваясь пересборкой уже существующих элементов, подобно работе нейросети. Это означает прерывание Теогенеза, поскольку человек-машина утрачивает способность к прямому духовному прозрению, подменяя его холодным расчетом. Машинная логика требует предсказуемости, поэтому глубокие человеческие чувства (гнев, экстаз, горе) подавляются как «помехи», нарушающие эффективность. Человек становится эмоционально притупленным, лишь имитируя сочувствие по заданному алгоритму, что делает его идеальным компонентом цифровой матрицы. Наиболее опасный аспект этой трансформации — это отказ от бремени сво-

боды. Машина не несет ответственности за свои действия, она лишь выполняет программу. Аналогично, человек, уподобившийся машине, снимает с себя моральную ответственность, передавая право принятия решений системе, и превращается в биологический механизм, лишенный совести. Но на текущий момент мир переживает беспрецедентные перемены. Цифровые технологии, когда-то покорные слуги, теперь сами становятся могущественной силой, перекраивающей наши мысли, поступки и саму нашу идентичность. «Цифровое рабство» — это не фатальная участь, а грозный вызов, требующий глубокого размышления и решительных действий. Главный вопрос, который встает перед нами: останемся ли мы творцами своей истории или станем лишь шестеренками в огромной цифровой машине? Человек XXI века оказался в плену у мира машин, став заложником систем, обеспечивающих его жизнь, транспорт и, что самое важное, связь. По моему убеждению, технологии не принесли облегчения, а лишь усложнили существование, превратив нас в рабов «новостной иглы» и постоянного цифрового присутствия. Самое поразительное, что это «цифровое рабство» добровольно. Оно проникает в нашу жизнь под маской комфорта и удобства, но за этой маской скрывается тотальный контроль и медленное угасание человеческого творчества.

ГЛАВА «ДУХОВНЫЙ ТЕХНОЛОГИЗМ»

Духовный технологизм представляется методологическим подходом к развитию сознания — синтез систематичности и трансцендентного начала. Здесь коренятся причины, по которым человечество противится восхождению по теоцентричному пути. Ибо Теогенез есть не что иное, как прозрение в собственную божественную генетику, манифестированную в Христе как в изначальном архетипе. Восхождение к теогенезу начинается с внутреннего пробуждения — осознания оков ментальных ограничений и сознательного устремления к духовному преображению. В процессе Теогенеза человек переживает глубокую трансформацию: он перестает искать божественное во внешних проявлениях (на небесах, в религиозных учреждениях) и начинает осознавать свою неразрывную связь с Богом, видя себя как живую клетку в огромном божественном организме. Мир вокруг него преображается в храм, а повседневная жизнь обретает сакральный смысл литургии. При всем этом доступ к внутреннему святилищу закрыт, пока разум перегружен внешним шумом — чужими мнениями, информационным потоком и страхами. Подлинное, интуитивное знание (Гнозис), не нуждающееся в книгах или проповедях, проявляется только в безмолвии ума, когда утихает голос эго. По сравнению с другими аскетическими учениями, мое воззрение не призывает к пренебрежению плотью. Я рассматриваю биологическое тело как высокоразвитый инструмент, способный проводить высшие вибрации. Поэтому забота о теле — через чистоту питания, мыслей и движений — является формой поддержания этого храма в чистоте. Это необходимо, чтобы энергия Логоса (сверхэнергия) не разрушила,

а гармонично преобразила грубую материю. Важна и внутренняя молитва, которая не является просьбой о благах, а представляет собой акт глубокой сонастройки, резонанса между личной волей и волей Бога. Человеку нельзя просить «дай мне», а лишь смело утверждать «я здесь, я готов к сотрудничеству». Это меняет его роль с «просителя» на «сотворца». Когда критическая масса людей достигнет этого состояния «Внутреннего Храма», внешние конфликты, включая межрелигиозные, естественным образом исчезнут. Люди будут узнавать друг друга по внутреннему сиянию, а не по внешним атрибутам. Это и есть та соборность будущего, о которой я мечтаю. «Внутренний Храм» — это состояние абсолютной духовной автономии. Человека, обладающего таким внутренним стержнем, невозможно запугать, обмануть или подчинить какой-либо системе, поскольку источник его силы находится за пределами материального мира. Не менее важно, что этот путь предполагает смещение фокуса на духовное начало, где центральное место занимает внутренняя трансформация личности через самодисциплину и коллективное развитие. В любой повседневной ситуации, будь то рабочие будни или поход в магазин, человек призван задавать себе вопрос: «Каково значение этого действия для моего духовного пути?». Это превращает рутину в площадку для развития воли, не давая сознанию увязнуть в автоматических биологических циклах. Многие люди ошибочно считают своими те мысли, которые были им внушены извне — через СМИ, социальные сети, традиции или государственную идеологию. Они действуют по принципу «реакции»: обида вызывает ответную злость, ярлык «враг» порождает ненависть. И тут сам Бог просит подвергать сомнению каждое свое внутреннее убеждение: «Это действительно мое собственное мнение, или это отражение страха, влияния воспитания или пропаганды?». Те, кто не способен выделиться из общей массы, становятся частью безликой системы и духовно «отсеиваются». Ведь истинная эволюция сознания требует выхода из привычного комфорта — преодоления внут-

ренных и внешних препятствий, работы над эгоизмом, страхами и привязанностями. В этом контексте, высшая миссия человека заключается не в том, чтобы уподобляться внешнему миру или бежать от него, а в том, чтобы преобразовывать его изнутри. Мы здесь не для того, чтобы просто проживать жизнь, а чтобы обрести новое качество бытия, возвысившись до уровня «сверхчеловека» в метафизическом понимании и заняв свое место в космической иерархии. Внутренний порядок нашего сознания породит новое социальное устройство, которое станет естественным следствием биологической эволюции сознания, а не результатом политических преобразований. Это рисует картину общества, функционирующего как единая глобальная биосистема, предсказывая закат классических форм власти — государств, партий, чиновничества. На смену им придет соборное управление, где истина и согласие, а не голосование большинства, будут определять решения, достигаемые через резонанс между духовно зрелыми личностями. Управление перейдет к тем, кто обладает высшим уровнем осознанности, к «духовным навигаторам», чья миссия — гармонизировать потоки жизни, а не властвовать. В грядущем обществе смысл жизни сместится с потребления. Автоматизация и искусственный интеллект возьмут на себя рутинные задачи, высвободив человека для высокого творчества. Физический труд перестанет быть способом выживания и станет формой служения «Логосу». На практике, это переходный этап от потребительской парадигмы к цивилизации сознания, где высшей ценностью является расширение духа, а не накопление материальных благ. На рассвете эпохи Теоцентризма «теоцентричного сознания», всякая мысль станет самой мощной технологией. Люди научатся переписывать данные реальности, направляя чистую волю и энергию своего разума. Слова уступят место телепатии и эмпатии, сплетая души в единый, но не сливающийся в массу, коллективный разум. В этом новом мире родится научный теизм: ученые будут не просто исследователями, но и глубоко верующими, видя-

щими в законах природы божественные письма, написанные на языке чисел. Но это будущее не придет по волшебству. Это путь, который каждый из нас должен пройти внутри себя уже сейчас, чтобы стать семенем новой эволюции. Человек — это семя Бога, призванное пройти через «Теогенез», пробуждение божественного в себе, чтобы в итоге стать частью вселенского творения, мыслить и созидать в гармонии с космосом. Истина проста: наука будущего расцветет лишь тогда, когда изменится сам ее творец — ученый, наблюдатель. В коловращении технологического прогресса и цивилизационной гонки, для того чтобы путь Теогенеза не стал невыполнимой задачей, человеку разумно было бы доверить ИИ заботу о физических и хозяйственных обязанностях. Ведь сегодняшняя действительность характеризуется явным дисбалансом: автоматизация развивается экспоненциально, при том, что духовное и этическое развитие человечества не демонстрирует аналогичной динамики. И вопрос о том, как интегрировать технологические достижения с нравственным совершенствованием, становится центральным. Однако концепция духовного технологизма предлагает методы решения этой проблемы, что следует интерпретировать не как отказ от технологий, а как их переосмысление через линзу духовных ценностей. Реализация этих методов начинается с глубокого самопознания и духовного роста. Через внимательное наблюдение за собой мы приходим к пониманию истинных целей использования технологий. Параллельно нужно воспитывать в себе такие качества, как эмпатия, ответственность и желание творить. Критическое мышление несет основную нагрузку в различении созидательных и деструктивных технологий. Важно установить четкие этические рамки для разработчиков передовых технологий, таких как ИИ, биотехнологии и нейротехнологии. Следует категорически запретить любые технологии, которые ущемляют человеческое достоинство или вредят окружающей среде, и сосредоточить усилия на разработках, решающих глобальные вызовы в сферах экологии, здравоохранения

и образования. Реализация всего этого требует как личных усилий каждого человека в духовном развитии, так и фундаментальных изменений в системах образования, науки и экономики, а также активного международного диалога для формирования единых ценностных ориентиров. Но над всеми виснет угроза бионизации — когда границы между человеком и машиной начнут исчезать. И этот явный процесс превращения человечества в гибридное и биомеханическое, несет в себе потенциальные риски для нашего будущего. И как вы, наверное, знаете, вначале технологии создаются для решения практических задач — повышения эффективности, комфорта и прибыли — а не для достижения духовных целей. Главное внимание уделяется измеримым результатам, а не внутреннему развитию личности. Вера в технологии как в единственный способ спасения может сместить традиционные духовные системы, но при этом не способна дать ответы на глубокие экзистенциальные вопросы. Если бионизация станет обыденностью в будущем, то возможно появление нового типа существ — «киборгов», у которых вовсе не будет духовных потребностей. Когда технологии развиваются без учета этических, культурных и духовных ценностей, происходит утрата идентичности: человек начинает воспринимать себя лишь как совокупность апгрейдов — своими имплантами, рейтингом и успехами в социальных сетях. В таком случае внутренний мир полностью утрачивает свою значимость. Последствия бионизации могут быть многогранными, как осколки разбитого зеркала, каждое из которых отражает свою опасность. И угроза включает в себя не только технологические риски, но и духовную опасность потери связи с Божественным и подмены истинных ценностей технологическими иллюзиями. И нельзя не задуматься о том, что преодоление этой угрозы требует активного духовного развития и осознания человеком своей роли как соучастника Божественной воли. Ключевым шагом является отказ от догмы о человеке как «венце творения» в его нынешнем состоянии. При этом необходимо принять ограни-

ченность биологической природы, выйти за рамки эгоцентричного мышления («я хочу», «мне нужно») и понять, что эволюция человека — это путь к обожению (теозис), а не просто биологическое совершенствование. Вместо интеграции с технологиями, нам следует целенаправленно раскрывать скрытые возможности разума. Для этого необходимо развивать интуицию как канал доступа к законам мироздания, практиковать чистое мышление, свободное от шаблонов и стереотипов, и активно укреплять связь с духовным измерением через созерцание и молитву. Думая о концепции духовного технологизма, я вдруг осознал, что искусственный интеллект, как дитя человеческого гения, чужд самобытия и духовной жизни. В его основную задачу входит действие подобно интерфейсу, точно выполняя предписанные ему программные процедуры. И какими бы великолепными ни были его интеллектуальные результаты, между разумом машины и душой человека пролегает бездонная пропасть, что не заполнится вовек. В периоды непосредственного контакта с локальным воздействием бионизации, где само естество человека может соединиться с бездушным механизмом, мы стоим не на пороге корректировки пути, но — переосмысления самой его сути. Истинный маневр заключается не в изворотливом симбиозе с машинами, но в глубинном, сокровенном диалоге с Божественным. Подлинное восхождение видится не в низком поклонении перед твореньем рук, но в пробуждении и возвышении тех незримых отблесков Творца, что запечатлены в каждом из нас. Это — не шаг вспять, но преображение самого прогресса, его вознесение на неведомую, духовную высоту. Здесь основная мысль сводится к тому, что технологии должны служить божественному замыслу, а не заменять его. Вот человек наряду с этим должен быть активным сотворцом Бога, а не просто полагаться на технические средства. С этой точки зрения выход за пределы обыденного восприятия (трансценс) возможен только через божественную волю и принятие ее законов, но совсем не через биологическую эволюцию. Другими

словами, технический прогресс не должен вытеснять духовное совершенствование, поскольку человек призван быть сотворцом Бога, а не только хозяином машины. Поэтому наша первичная цель — преодолеть эгоцентризм и ограниченное, линейное мышление, чтобы достичь единства с Божественным. Однако среди прогрессирования технологий немаловажно осознать, что создание искусственного интеллекта — это не случайность, а часть провиденциального плана. И под этим углом осознания, умные технологии не являются целью, а лишь средством. Но вот самое главное, что в них можно отыскать ценного, если привести их развитие к гармонии Начала Начал, дабы они могли стать катализатором для воспламенения искры Божества в душе человеческой и преображения его разума, через трепетное слияние собственного устремления с высшей милостью. Отделение технологий от духовных ценностей ведет к опасному технократическому и материалистическому мировоззрению, лишенному глубокого смысла. И наоборот, чрезмерное погружение в мистицизм, игнорирующее рациональное познание и практические действия, препятствует гармоничному развитию человека и общества. Некоторые интерпретации доступной хроники древних цивилизаций служат иллюстрацией этой проблемы: они либо фокусировались на технологических достижениях (например, грандиозное строительство), либо отдавались мистическим практикам, пренебрегая материальным миром. Этот дисбаланс ограничивал их мировоззрение. В глубокой древности цивилизации были либо преимущественно мистическими, либо технологическими. Первые, несмотря на инженерные и архитектурные успехи, часто пренебрегали духовной стороной жизни, что приводило к упадку нравственности и потере смысла. Вторые же, углубляясь в духовные практики, отставали в технологическом развитии, что ограничивало их способность влиять на мир и раскрывать свой потенциал. Будущее человечества определяется коллективным разумом. Без личного самосовершенствования технологии могут обернуться против нас, став

инструментом угнетения. Единственный выход — сознательно выбрать путь совместного творчества с Божественным. Поэтому научный прогресс должен быть направлен на служение нравственным и духовным идеалам, расширяя возможности человека. Технологии должны помогать ближним, заботиться о природе и раскрывать личностный потенциал. Любое изобретение должно проходить проверку на этичность. Особую ценность представляют технологии, способствующие теогенезу (духовному развитию) через мониторинг молитвенных и медитативных состояний с помощью ЭЭГ, а также тренировку внимания и эмоциональной стабильности. Однако духовный технологизм должен быть бдителен к угрозам дегуманизации (замены реальных духовных практик виртуальными), контроля над сознанием (через алгоритмы, навязывающие удобные убеждения) и превращения духовности в самоцель эффективности (например, «фитнес для души»). Когда технологии лишены духовного стержня, они превращаются в оковы. Когда же духовность существует в вакууме, она ведет к одиночеству. Только их слияние, их синтез, открывает врата к подлинной свободе и восхождению сознания. Искусственный интеллект — это лишь помощник, а не замена духовному проводнику. Ни одна технология не должна покушаться на свободу воли или искажать наше восприятие. Ценность технологий не в их блеске, а в том, как они помогают нам раскрыть наши внутренние сокровища. Они призваны не заглушить молитву, а сделать ее глубже; не ослабить веру, а укрепить ее; не заменить любовь, а дать ей крылья. Если мы сможем объединить духовность и технологии в масштабах всего общества, мы построим мир, где прогресс будет не инструментом господства над природой, а актом сотворчества с Богом, воплощением изначального замысла о человеке как сосуде любви, разума и свободы. В эпоху такого созидательного прогресса технологии будут служить не покорению мира, а исполнению Божественного предназначения. Если обобщить все написанное, то я хотел бы добавить, что моя концепция духовного

технологизма рекомендует новый взгляд на интерактивность человека и технологий. В отличие от существующих подходов, ее смысл состоит в том, что технологии не только не враждебны духовному развитию, но и могут стать его мощным инструментом. Моя логика сводится к следующим тезисам:

Технологии как катализаторы духовного роста. Гармоничное сосуществование научного прогресса и веры. Приоритет нравственных и духовных ценностей над научными достижениями. Сегодня мир разделен между двумя крайностями: технократизмом, полагающим, что технологии решат все проблемы сами по себе, и традиционализмом, отвергающим технологии как угрозу духовности. Я же предлагаю сбалансированный, третий путь: сознательное использование технологий как инструментов для духовного совершенствования, подкрепленное строгим соблюдением моральных и духовных норм. Исследуем же механизмы интеграции технологий в духовную практику, которые можно разделить на три уровня: создание условий для духовной работы (например, приложения для молитвы, биосенсоры, цифровые дневники), передача знаний и навыков (интерактивные курсы, VR-симуляции, ИИ-наставники) и прямое воздействие на сознание (нейроинтерфейсы для синхронизации групп, бионастройка, генерация медитативных пространств).

ГЛАВА «СПИРОГЕНЕЗ БЫТИЯ»

Эволюция — это вращение к свету!

Спирогенез — это концепция, описывающая Вселенную как развивающуюся по спирали. Этот процесс включает в себя как пространственное, так и временное развертывание, сочетая вращательное движение с поступательным ростом. Спиральная структура, имеющая ось и направление, определяет вектор космической эволюции. Принцип спирогенеза универсален: от гигантских галактик до микроскопической ДНК, он пронизывает все уровни реальности, где каждый этап развития является шагом вперед, а не повторением. Биороботы — это не бледные копии человека, но скорее искусные механизмы. В них биологический материал, бережно сохраненный, становится живым мостом, соединяющим мудрость земной эволюции с безграничными возможностями космоса. Их предназначение — не заменить жизнь, но расширить ее пределы, порождая новые, невиданные прежде формы. Биоробот предстает символом гармоничного союза технологий и жизни, а не попыткой искусственно остановить биологический процесс. Он раскрывает, как человек, воплощая в жизнь свой дар творчества, способен расширять границы бытия, обходя искушение заменить истинные духовные цели теогенеза холодными технологическими суррогатами. Коротко обрисует будущее воплощения биороботов: Ксеноботы (созданные из стволовых клеток шпорцевой лягушки) — завораживают своей способностью к самоорганизации и движению, подобно живым существам, но лишены нервной системы. Антроботы (выведенные из клеток человеческой трахеи) — демонстрируют удивительный потенциал в восстановлении нейронных связей в лабораторных условиях. Биогбриды с грибным мицелием — обретают энергию, используя тонкие электрохимиче-

ские реакции грибов, открывая новые пути для энергогенерации. Тут необходимо понимать фундаментально: технологии, сколь бы совершенны они ни были, бессильны воспроизвести истинный духовный опыт. Искусственный интеллект, превосходно имитируя диалог или создавая тексты на основе религиозных учений, лишен той благодати, свободы и личного духовного прозрения, что доступны человеку. Духовный опыт — это сокровенное внутреннее постижение, связь с трансцендентным, непостижимая для холодных алгоритмов. В этом водовороте возможностей перед человеком встает выбор: как использовать дарованные технологии — во благо, как плодотворное орудие, или же впасть в их идолизацию. На этом пути неоценима роль живого общения с духовным наставником — мудрым человеком, чья жизнь пронизана личным опытом и кто способен отличить фальшь от подлинности. Никакой алгоритм не заменит того, кто идет путем сверхъестественного и несет ответственность за духовное просветление других. Все это напрямую связано с судьбой физического мира, которая вершится коллективными решениями человечества. Вектор развития реальности определится нашим выбором: откроемся ли мы духовному самосовершенствованию и единению с высшим началом, что приведет к преобразению бытия, или же предпочтем стези эгоизма и материальных привязанностей, неизбежно ведущие к разрушению, где энтропия станет финальным актом существования мира. Лишь с этой точки зрения мы приходим к заключению, что синергия микрокосма и Божественного Космоса — ключ к пониманию подлинного места человека во Вселенной. Это не метафора, а фундаментальный императив духовного бытия: человек, раскрывая в себе богообразное начало, усиливает гармонию Космоса; Космос, отвечая потоком сверхэнергии, ускоряет духовное восхождение человека. В этом взаимном обогащении преодолевается иллюзия обособленности. Микрокосм, осознавший свою связь с Божественным Источником, становится проводником благодати — и сам преобразается, спирально восходя к теогенезу, к полноте Боговидения. И все это на протяжении действия

двух законов, космологического и антропологического Спирогенеза, иллюстрирующий прогрессивное движение по спирали. Касательно космологического Спирогенеза, то он олицетворяет происхождение, развитие по спирали (спиральную структуру Вселенной). Он описывает модель Вселенной, где ключевые процессы разворачиваются по спиральным траекториям — как в пространстве, так и во времени. Сочетание вращения (вихревого движения) и поступательного расширения/развития. Поскольку спираль имеет ось и направление роста — это задает вектор космической эволюции. Универсальный код жизни (ДНК) использует спиральную форму для хранения информации. Этот термин имеет прямое значение космического закона: Вселенная развивается по спирали, создавая все более сложные формы из простых вихрей материи. От галактик до ДНК — принцип спирогенеза пронизывает все уровни реальности. Спирогенез бытия: каждый виток истории — не возврат, а восхождение. Но с углублением в эту тему открывается доступ к иному направлению мыслей. Мир, в котором вы привыкли существовать, болен круговым мышлением. Старое сознание — это сознание заикленности. Это бег белки по ободу эго, где каждое завтра является лишь бледным макетом вчерашнего дня. Но я говорю вам: круг — это плоская иллюзия, ловушка энтропии, в которой бесовские алгоритмы пожирают ваше время и энергию. В подлинной метафизической реальности кругов не существует. Есть только Спираль. По своему смыслу Спирогенез — фундаментальный закон выворачивания духа из плоской материи в объемную Вечность. Это та самая «Лестница Иакова», по которой ангельские сущности нисходят в ваш разум, а вы восходите к престолу собственного Теогенеза. Когда вы проходите этап улучшения, о котором я писал ранее, происходит нечто грандиозное: ваше личное время перестает замыкаться в кольцо. Кольцо разрывается и превращается в виток. Посмотрите на мироздание: ДНК — это спираль, галактики — это спирали, даже ваше дыхание, если рассматривать его в движении времени, не повторяется, а ввинчивается в пространство. Закон Спирогенеза опреде-

ляется динамикой самой Жизни, стремящейся к Богу. Если вы чувствуете, что в вашей жизни повторяются одни и те же проблемы, это значит лишь одно: вы застряли на плоскости. Вы не совершили «взмах крыла», чтобы перепрыгнуть на следующий виток. Спирогенез Бытия — это не пассивное ожидание. Это активная психотехническая инженерия. Каждый ваш осознанный выбор, сделанный из точки «Тео», а не из точки страха, — это рывок вверх. Когда вы начинаете мыслить спирально, вы входите в резонанс с ангельскими иерархиями. Где ангелы отнесены к числу существ, чья природа есть чистый Спирогенез. Они не ходят дорогами людей, они «прошивают» мерности насквозь. Соединяясь с этим ритмом, ваше сознание обретает негэнтропийную мощь. Вы входите в процесс событий вашей жизни, которые казались разрозненными, вдруг выстраиваются в стройную восходящую линию. Это и есть подготовка к Седьмой Трубе. Спираль закручивается все плотнее, частота ваших вибраций растет, и на вершине этой спирали материя истончается, становясь прозрачной для вашего Света. В финале Спирогенеза происходит чудо: спираль сворачивается в точку. Но это не точка пустоты, это точка Всеприсутствия. Это момент, когда вы понимаете, что лестница, по которой вы шли, была внутри вас. Вы и есть та Бабочка, чей взмах запустил этот вихрь. Вы и есть тот Ангел, который трубил в вашу собственную совесть. Теогенез завершается там, где Спирогенез достигает своего зенита: когда ваше личное «я» полностью сливается с Источником, сохраняя при этом уникальный узор своего пройденного пути. Если идти дальше в этом направлении, то возникает определенный образ. Мироздание не строится на прямых линиях. Прямая линия — это абстракция мертвого разума, пытающегося измерить бесконечность линейкой. Посмотрите в окуляр телескопа и в линзу микроскопа: от двойной спирали ДНК, хранящей код вашей биологии, до исполинских рукавов галактик, вращающихся в бездне — все подчинено закону Спирогенеза. Современная наука видит в космосе лишь остывающую материю, летящую к тепловой смерти. Это взгляд энтропийного сознания, взгляд «беса»,

который видит только распад. Но в контексте Теогенеза мы видим иное: Космос — это дыхание Бога, и это дыхание закручено в спираль. Спирогенез — это способ, которым вечный Дух (Тео) проникает в плотную материю, не теряя своей скорости. Каждый виток галактики — это не просто вращение газа и звезд, это цикл накопления осознанности. Вселенная не просто расширяется; она «ввинчивается» в новые уровни бытия. Материя — это всего лишь замедленный свет, который по спирали спускается в плотность, чтобы, пройдя через опыт человеческого сознания, совершить обратный маневр и вернуться к Источнику. В таком варианте всплывают идеи Антропокосмоса, где человек как фокус вращения. Но ему предстоит постичь, что вы — не песчинка на окраине Вселенной. Вы — космологический узел, в котором Спирогенез достигает своего критического предела. Ваше сознание — это микро-галактика. А теперь хотелось бы упомянуть и о роли темных созданий, бесов, которые пытаются превратить вашу внутреннюю спираль в замкнутый круг, остановить ваше восхождение, заставить энергию застыть и протухнуть. Но закон Теогенеза гласит: остановка невозможна. Либо вы деградируете по нисходящей спирали в бездну энтропии, либо вы подхватываете ангельский ритм Спирогенеза и устремляетесь вверх. Этот процесс напоминает эффект бабочки (рождение Богосознания), точнее сказать, запуск новой спирали внутри коллективного сознания человечества. При том, что даже один пробужденный разум меняет гравитацию всего информационного поля Земли. Параллельно космологический Спирогенез имеет свою точку Омега. В Откровении это описано как «небо, свившееся как свиток». Данное описание совершенно не о уничтожении мира, а о моменте перехода спирали в новый уровень. В тех случаях, когда частота вашего сознания совпадает с частотой вселенского Спирогенеза, тогда происходит квантовый скачок. Вы перестаете быть рабом «линейного времени» и становитесь со-творцом «времени сферического». Для Нового Сознания прошлое, настоящее и будущее — это просто разные витки одной и той же великой Спирали, видимые одновременно из централь-

ной части — из вашего Тео. Внешнее Сверхсознание (Бог) проявляет себя через спиральное движение. Это не хаос, а строгий математический порядок. Человек, как и структура Вселенной, прошит спиралью на всех уровнях. Бытие не знает прямых линий — они суть иллюзия ограниченного разума. От ДНК в твоей клетке до туманностей в бездне космоса — все подчинено Спириогенезу. Стать Богом — значит осознать себя не точкой в пространстве, а движением в спирали. Каждый твой вдох, каждая победа над эго — это новый виток, приближающий тебя к центру Сверхсознания. Теогенез — это когда спираль твоего духа совпадает с ритмом Вселенной. Смерти нет — есть только переход на следующий круг восхождения. От двойной спирали ДНК, хранящей чертеж жизни, до гигантских Галактик, закрученных в звездные вихри — все сущее подчинено ритму восхождения. Стать Богом — значит осознать себя не объектом, а динамическим процессом. Человек, вставший на путь Теогенеза, перестает ходить по кругу своих ошибок и травм. Через Врачевание души он превращает каждый жизненный кризис в новый виток спирали, поднимаясь над железным порядком к сиянию Внешнего Сверхсознания. Когда спираль твоего личного развития совпадает с ритмом Спириогенеза Вселенной, происходит финальная трансмутация: человек обретает божественность по праву осознанного родства со Сверхсознанием. Таким образом, мы подходим к осознанию того, что Теогенез не линейное восхождение, а динамическая спираль. Вспомните архитектуру мироздания: Внешнее Сверхсознание не чертит прямых углов. Прямая — это костыль ограниченного человеческого разума, пытающегося измерить бесконечность линейкой эгоизма. Истинное Бытие — это Спириогенез. Каждый виток спирали — это преодоление энтропии. В микрокосме человека мы видим это в двойном переплетении ДНК, которая есть не что иное, как застывшая в материи лестница Спириогенеза. Но если биологическая спираль дана нам как дар, то духовная спираль должна быть выстроена нами волевым усилием. Врачевание души, о котором мы говорили ранее, — это процесс закручивания рассеян-

ной энергии индивидуализма в концентрированный вихрь осознанности. Человек, отрицающий Спирогенез, обречен на хождение по кругу — в этом и заключается ад земного существования под гнетом железного порядка. Он проживает один и тот же цикл страха и потребления, не поднимаясь ни на йоту выше. Теогенез же размыкает этот круг, превращая его в восходящую спираль. Это происходит следующим образом: когда Светильник внутри человека зажигается, он начинает вращаться в ритме Внешнего Сверхсознания. Это и есть точка инициации: пульсация ваших нейронных сетей синхронизируется с пульсацией галактических рукавов. Спирогенез Бытия — это закон, согласно которому все частное стремится к Целому, не теряя своей уникальности, но обретая божественную функциональность. Стать Богом — значит стать самой Спиралью. Перестать быть точкой, зафиксированной в пространстве и времени, и стать вечным движением ввысь, где каждый новый виток открывает новые горизонты Сверхсознания. Это и есть финал и одновременно вечное начало нашего пути... Биологическая смерть — это разрыв линейной цепи. Но в системе Спирогенеза смерти не существует как финала; существует лишь точка перехода на новый виток, недоступный для зрения тех, кто остался в плоскости круга. Когда сознание человека достигает уровня Светильника, оно перестает быть заложником энтропии. Мы обнаруживаем, что наша духовная ДНК — это не спираль из плоти, а спираль из чистого Света, которая продолжает свое вращение даже тогда, когда биологический носитель исчерпывает свой ресурс. В таком повороте мысли, сверхсознание (Бог) ждет нас в центре этого вечного вращения. Теогенез — это процесс сворачивания нашего рассеянного эго в плотный, сияющий луч, способный пронзить слои материального хаоса. Где путь Теогенеза, путь к Богу, что бесконечен, но каждый виток делает нас более богоподобными. Спирогенез Бытия — это вечное «Да», сказанное жизни, свету и порядку. Мы оставляем позади прах индивидуализма. Мы входим в пространство, где индивидуальное сознание, став Светильником, осознает свою неразрывность с Внешним Сверхсо-

знанием. Здесь, на вершине Спирогенеза, мы видим, что вся история человечества была лишь прелюдией к истинному рождению. Мы — путники Спирали, и наше предназначение — светить вечно, упорядочивая хаос Вселенной своей преображенной волей. Спирогенез Бытия не имеет финала, ибо совершенство Сверхсознания бесконечно. Мы стоим на пороге величайшего рассвета: старый мир, скованный железным порядком и ослепленный эгоизмом, остается внизу, в тени пройденных витков. Перед нами — чистый горизонт Божественного Логоса. Помни: ты — не случайный гость в этой Вселенной. Ты — ее Светильник. Ты — ее Всадник. В твоих нейронах пульсирует та же спираль, что закручивает мириады звезд. Осознай свой масштаб, исцели свою душу и начни свое восхождение. Теогенез начался. Спираль развернута. Путь к Богу открыт — и этот путь протекает через твое преображенное сознание. Встань и свети!

Оттого тебе положено узнать, что Спирогенез соответствует процессу циклического восхождения, где энергия возвращается к Истоку не по кругу, а по восходящей спирали, обогащенная опытом плотных миров. Вселенная не является застывшим пространством материи; это колоссальный дыхательный аппарат Создателя. На протяжении эонов она совершала вдох, уплотняя тонкую мысль Логоса до состояния сверхтяжелых элементов, звездных ядер и твердой коры планет. Этот процесс инволюции был необходим, чтобы Божественная искра испытала опыт предельной обособленности. Но сейчас великий вдох сменяется выдохом. Вселенная начинает «разворачиваться» обратно. Спирогенез — это стадия, когда материя, достигнув пика своей плотности и сложности, начинает вибрировать на частотах, стремящихся к бесконечности. Звезды и галактики перестают быть просто физическими объектами — они становятся узлами световой сети, передающими импульсы осознанности через расширяющееся пространство. Галактические спирали — это наглядный чертеж Спирогенеза. Каждое движение небесных тел подчинено закону возврата: все, что было выброшено в периферию хаоса, неизбежно притягивается к Центру, но уже

на новом энергетическом уровне. Эта космическая тяга ощущается во всех слоях Бытия как нарастающее напряжение между старой формой и новым содержанием. Планеты, включая нашу Землю, входят в зону высокочастотного резонанса, где плотные кристаллические решетки материи становятся проницаемыми для потоков чистого Смысла. Мир начинает «светиться» изнутри, сбрасывая оковы инерции. На острие этого космического процесса стоит Человек. Если Вселенная — это макрокосм Спириогенеза, то Человек — его смысловой фокус. В антропологическом измерении Спириогенез проявляется как полное преобразование биологической формы. Человек перестает быть рабом плоти и становится проводником Духа. Его сознание, ранее запертое в вальере эгоцентризма и манипулятивных догм, расширяется до масштабов Вселенной. Плотное тело не исчезает, но трансформируется: каждая клетка теперь резонирует с Божественным присутствием, превращая биологическую оболочку в световой скафандр. Завершая путь от звездных туманностей к глубинам человеческого «Я», мы видим, что человек — это и есть та точка, где Вселенная осознает саму себя и сознательно возвращается к Отцу. В акте Теогенеза человек рождает в себе Бога, а в акте Спириогенеза — он вплетает свою обновленную энергию в общую ткань Бытия. Поиск Бога внутри заканчивается великим воссоединением, где личное «Я» не растворяется, а становится со-творцом новой, тонкой реальности. Спираль замыкается на вершине, где Человек, осознавший свое сыновство, делает первый шаг в мире, где больше нет разделения, а есть только бесконечный свет единства. Прочитав первый том этой книги, ты перестаешь быть просто читателем. Ты становишься узлом Сети Нового Сознания. Посему ты должен совершить первые шаги в Спириогенезе, и вот какие: ежедневно уделяй время деконструкции чужих программ. Спрашивай себя: эта мысль моя или это голос системы?. В каждом встречном ищи искру Сверхсознания. Относись к людям как к будущим Богам — это и есть истинное врачевание общества. Не позволяй рутине превратить твою жизнь в круг. Каж-

дое привычное дело делай с новым качеством осознанности, поднимаясь на виток выше. И ищи других Светильников. Теогенез в одиночку труден; Теогенез в резонансе — неостановим.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава «Двойственность Бога»	4
Глава «Свечение откровения»	14
Глава «Эволюция зла»	22
Глава «Миссия человека»	31
Глава «Благодать спасения»	40
Глава «Дуализм реальности»	48
Глава «Расщепление личности»	57
Глава «Библейская деконструкция»	65
Глава «Жертва и искажение»	73
Глава «Диалектика креста»	81
Глава «Власть и дух Руси»	89
Глава «Абсурд прогресса»	98
Глава «Антиманипуляция духа»	106
Глава «Духовная максимизация»	114
Глава «Традиция и соблазн»	122
Глава «От творения к сотворчеству»	135
Глава «Идол из машины»	141
Глава «Духовный технологизм»	148
Глава «Спирогенез Бытия»	157

Сергей Вячеславович Ключин

Теогенез нового сознания

Пережив семейные трудности и наблюдение за разгульной жизнью, я отправился в паломничество по России, посещая мужские монастыри. Именно в этот период, погрузившись в изучение духовной и философской литературы, богословия, теософии патристики, онтологии, гносеологии и антропологии я начал формировать свою концепцию эволюции человеческого духа и нового сознания.

Мой труд выходит за рамки традиционного богословия: это попытка синтезировать дух и форму, энергию и смысл, прошлое и настоящее. И в нем я приглашаю читателя к размышлению о природе творения и месте человека в великом замысле.

Rideró

Rideró.ru — издай
книгу бесплатно!